

№ 9
2008

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Ю. В. ГРУНИН**
(г. Жезказган), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ** (г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕР-**
ГЕНОВ, (г. Астана), **И. М. ЛАМОНОВ** (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ**
(г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **А. У. САНДЫБАЙ**
(г. Астана), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана),
А. М. ШВЫДКО (г. Алматы), **В. Г. ШЕСТЕРИКОВ** (г. Петропавловск).

В номере:

Наш общий дом

К 65-летию Великой Победы

«Мы верили в тебя, солдат 41-го, верим в тебя, сарбаз».

Беседа с генералом армии С. Нурмагамбетовым..... 3

Поэзия

Е. Семичев. «Полыхает костром заревым небосвод...». *Стихи ... 13*

М. Бектемирова. «И любовь, и весна —
всё у нас впереди!..». *Стихи 58*

С. Осадчий. «Как нежно пахнут травы...». *Стихи 98*

Проза

С. Кулакова. В плену у жизни. *Роман (продолжение) 23*

© «Нива», 2008, Астана

Н. Верёвочкин. Легенда о слепом лосе. *Повесть* **63**

Публицистика

П. Жуковский. Собаки на сене **105**

Культура. Общество. Личность

Р. Тулебаев. Мои учителя **114**

Г. Бельгер. Плетенье чепухи (*продолжение*) **129**

Наследие

Дополнительный урок

Б. Канапьянов. Юсуф Баласагуни и его город **151**

Критика и литературоведение

В. Могильницкий. Милостью божьей, упорством своим **158**

Искусство

Е. Буйнова. Всеобъемлющее чувство любви **168**

Документальная проза

В. Матвеев. По волнам моей памяти **172**

Изоальбом «Нивы»: из работ Валерия Крестникова.

К 65-летию Великой Победы

“Мы верили в тебя, солдат 41-го, верим в тебя, сарбаз”

На вопросы журнала “Нива” отвечает первый министр обороны суверенного Казахстана, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза, Халык Кахарманы (Народный Герой) за номером один, генерал армии С. Нурмагамбетов.

Имя этого человека — живой легенды, героя, командира батальона, штурмовавшего на завершающем этапе Великой Отечественной войны правительственные здания в Берлине, в том числе имперскую канцелярию Гитлера, первого в истории суверенного Казахстана министра обороны, генерала армии Сагадата Нурмагамбетова известно за пределами республики. Он из тех людей, которые словно излучают свет бодростью духа, вежливостью, обаянием, чистотой помыслов и ясностью целей. И нельзя не залюбоваться его гвардейской выправкой, подтянутостью, выражаясь по-старинному, молодцеватостью. Поразительно, но до сих пор Сагадат Кожжахметович, несмотря на свой преклонный возраст, не покидает армейский строй. Сегодня С. Нурмагамбетов — советник министра обороны РК. По-прежнему жизнь его насыщена заботами и делами. Нынешним воинам и завтрашним защитникам Родины, решившим посвятить себя истинно мужскому занятию — воинской службе, есть на кого равняться.

Отвечая на вопросы редакции журнала, себя он старался не выпячивать, а больше вспоминал боевых друзей-товарищей, защитников Отечества. Размышлял о патриотическом воспитании молодёжи и о предстоящей 65-й годовщине Великой Победы, о том, что необходимо сделать по увековечению памяти погибших при защите Родины.

— Сагадат Кожжахметович, казахстанцев по-прежнему интересуют вопросы: как, благодаря чему выстояли фронтовики в тяжёлый период Великой Отечественной войны? О чём они мечтали, во что верили?

— Сколько бы лет ни прошло с того победного дня, мы в майские дни в обязательном порядке прежде всего вспоминаем тех, кто остался на поле брани, проявив преданность Родине, стойкость и мужество, верность долгу и военной присяге. Да и всех, кто поднимался в атаку, и партизан, и подпольщиков, кто нёс тяжкое бремя работы в тылу — матерей, жён, детей.

Именно беспримерный подвиг советского народа отстоял честь и независимость нашей Отчизны, избавил страны Европы от нацистского порабощения. Подарил планете день, поделивший мир от войны, покой и свободу. И совесть тех, кто пал на полях сражений, кто в 45-м принёс победу в каждый дом, чиста перед миром. Надо всегда помнить, что это была

страшная война, которая косила всех и вся. Точно подметил поэт, сказав: “Друг, оставь закурить. А в ответ — тишина: он вчера не вернулся из боя”.

Стало закономерностью, что даже сама природа в начале весны оплакивает “со слезами на глазах” живительным дождём и небесным громом тех, кого Отчизна недосчиталась более 60 лет назад. А недосчиталась она 27 миллионов жизней. И когда гремит гром, то под салют артиллерийских батарей невольно на память приходят знакомые с детства тютчевские строки: “Люблю грозу в начале мая, когда весенний первый гром...”. И никакой мистики тут нет.

Память есть память. Я уверен, что пройдут годы, десятилетия, века, но она так же, как мы нынче вспоминаем битвы батыров, будет хранить без срока давности в своих сокровищницах поистине героический подвиг миллионов людей, как один вставших на защиту своей Родины. До сих пор перед глазами, как один за другим уходили на фронт отцы и братья, мужья и сыновья. Что и говорить, в нашем селе Трудовом, что в Акмолинской области, и мальчишки, которым не было ещё семнадцати, рвались на передовую. Вместо того чтобы учиться, влюбляться, они “осаждали” военкоматы.

Было больно видеть, как с каждым днём сиротели семьи, мужчины разлучались с жёнами, детьми, родными и самыми близкими. Разлука для многих была навсегда. Война не обошла ни одну семью, она принесла страдания всем. И по сегодняшний день не в силах снять с души людей камень утраты, не в силах высушить слёзы на глазах матерей и вдов. Они доживают свой век в ожидании звонка, стука в дверь дорогих сыновей, братьев, мужей. Не зря говорят, что надежда умирает последней.

Да, не все герои дожили до Великой Победы, но они мечтали, верили, что наступит этот долгожданный день и час.

В подтверждение своих слов приведу такой пример. Завершалась война. На долю нашей 301-й Донецкой ордена Суворова II степени Берлинской стрелковой дивизии выпала самая ответственная задача: штурмовать логово фашизма. Не могу не вспомнить, как над Берлином небо отсвечивало заревами пожаров. Всюду гремело утробно, словно кто-то беспорядочно бил в огромный барабан. Воздух пропитан копотью и пороховой гарью. Но меня больше поразило, словно чудо, стремительное движение моих бойцов батальона. Они, проявляя смекалку, хитрость, штурмом брали подвалы, чердаки, превращённые в амбразуры дотов. Я понимал, что вот-вот наступит час победы, наверное и потому бойцы были неустойчивы, настолько были отважными, что не боялись смерти.

Не зря гласит народная поговорка: “Смелость прибавляет силы только храбрецу”. Хотя знали подчинённые, что в логове фашизма засели исключительно эсэсовцы, головорезы из охраны Гитлера. Фашисты сопротивлялись ожесточённо, каждый метр приходилось брать ценой огромных усилий. И как было горько на душе, когда теряли боевых друзей. Эти минуты пережить было мучительнее всего. Помнится, когда командир нашего полка, Герой Советского Союза подполковник Александр Пешков сообщил радостную весть о том, что капитулировали фашисты, сердце моё замерло. Я не верил, а из глаз моих сами собой выступили слёзы. Впервые за войну.

Вспомнил погибших товарищей, которые буквально считанные минуты, часы назад делились со мной самым сокровенным, говорили о том, что их дома ждут любимая девушка, жена, детишки, о планах, как будут

обустраивать село, аул, деревню, хату, город и т. д. Когда плечом к плечу день за днём, месяц за месяцем, год за годом находишься с каждым из них, а тем более в боевых условиях, к тому же в окопе, волей-неволей они становятся тебе самыми близкими и родными. А если кого-то из них теряешь, то они остаются в памяти навсегда. Конечно же, обидно и больно за тех, кто однажды не сядет за праздничный стол и не скажет: “Помнишь, мама, уходя на фронт, я обещал, что вернусь, вот и пришёл...”.

День Победы — это действительно праздник один на всех. Это общий праздник народов как России, так и всех стран Содружества независимых государств. Именно тогда в единой борьбе против фашизма закалилось наше братство. Братство, испытанное временем, самой жизнью, подтвердило, что никакой враг не сможет нас ни сломить, ни победить. Оно и сегодня святое. Сколько бы ни прошло мирных лет, ни одного своего однополчанина не позабыл, он пожизненно в моём сердце. Например, Александр Прокофьевич Епанешников, Николай Павлович Мурзин, Александр Семёнович Кошкин, Николай Константинович Мендзелевский, не дожившие до победного дня.

— *Что Вы можете сказать о казахстанцах, принимавших участие на фронтах Великой Отечественной?*

— В майские дни сердцами мы вновь возвращаемся в прошлое Отечества, мыслями заглядываем в будущее. Из истории известно, что в неизведанную дорогу берут не пепел, а огонь. Без этого огня нынешней молодежи, постигающей жизнь, не обойтись.

“Не будет преувеличением сказать, что республика тогда превратилась в мобилизационный центр страны. Десятки дивизий, бригад, отдельных частей были сформированы в Казахстане. Они воевали на всех фронтах, испытав и горечь поражений, и радость побед”. Эти слова главы нашего государства Нурсултана Абишевича Назарбаева сами за себя говорят о весомом вкладе казахстанцев в Победу.

1 миллион 200 тысяч своих сыновей и дочерей направила республика в действующую армию, более половины из них погибли на полях сражений. Если быть точнее, то только по данным областных военкоматов и материалам Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного делопроизводства, Казахстан потерял на фронтах в 1941-1945 годах 602 939 человек.

Разумеется, победа в сражениях — цена человеческих жизней. Нельзя об этом забывать, особенно горечь потерь в начальный период войны.

Сыны и дочери нашего многонационального народа с первых дней войны храбро сражались у Бреста, под Вязьмой, Ельней, у стен Москвы и т. д. Несомненно, делили с однополчанами великую радость контрнаступления под Москвой, торжество победы под Сталинградом, на Курской дуге, снятия блокады Ленинграда.

Испытывали неповторимое чувство вдохновения при освобождении Украины, Молдавии, Белоруссии, Прибалтики, стран Европы. Выстояли в боях и принудили гитлеровцев покатиться назад — к Берлину, в логово фашизма.

Конечно же, Победа была завоёвана невиданной стойкостью и героизмом воинов Красной Армии, где плечом к плечу сражались все нации и народности бывшего Советского Союза. Многие казахстанцы, участвовавшие в крупных операциях, в том числе Белорусской, Львовско-Сандомирской,

Висло-Одерской, Берлинской, за мужество и отвагу были удостоены высокого звания Героя.

Особенно тяжёлые испытания выпали на долю национальных формирований, участвовавших в полном составе в боевых действиях под Москвой, под Сталинградом. Среди защитников столицы были 316, 238, 312, 387 и 391-я казахстанские дивизии.

В историю Великой Отечественной войны вошли подвиги воинов 72-й гвардейской, 73-й гвардейской и 8-й стрелковых дивизий, сражавшихся в битве под Курском.

О храбрости бесстрашных казахстанцев было известно далеко за пределами фронтов. Например, на псковской земле у города Невель совершила свой подвиг пулемётчица Маншук Маметова. Ей первой из женщин Востока было присвоено звание Героя Советского Союза. Затем такого высокого звания была удостоена другая дочь казахского народа — Алия Молдагулова. В частях Красной Армии с восхищением говорили о снайпере Ибрагиме Сулейменове, истребившем 239 гитлеровцев, о лётчике Нуркене Абдирове, повторившем подвиг Николая Гастелло, Сергее Луганском, Талгате Бегельдинове и о многих других.

Неоценимый вклад в победу над фашистской Германией внесли труженики тыла Казахстана. Неслучайно в начале 1943 года газета “Правда” свою передовую статью посвятила бойцам и труженикам тыла нашей республики. “Хорошо бьются казахи на фронте, — писала газета, — хорошо работают для фронта их отцы, матери, жёны в тылу. Казахстан могуче подпирает фронты всеми богатствами своей земли, всеми сокровищами своих гор. В каждом снаряде, опустошающем ряды гитлеровцев, есть часть казахской природы, есть доля казахского труда”.

Нельзя не отметить и вклад в разгром фашизма казахстанских партизан и участников борьбы в отрядах Сопротивления зарубежных стран.

Словом, нам удалось сделать всё, чтобы нацистские идеи Гитлера не восторжествовали на планете. Об историческом значении Победы, о вкладе казахстанцев, союзников по антигитлеровской коалиции, о том, что делается руководством нашей страны, учитывая уроки Второй мировой войны, мне выпала высокая честь сказать с трибуны пленарного заседания Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке 9 мая 2005 года.

— Вы сказали о том, что фронтовики сделали всё, чтобы гитлеровские идеи не восторжествовали в мире. Вопреки всему этому в последние годы нет-нет да и предпринимаются попытки пересмотреть итоги войны, а то и вовсе фальсифицировать их...

— К сожалению, есть факты, когда из подворотни можно услышать голос, дескать, о “виновности” бывшего Советского Союза в развязывании войны и даже о напрасности сопротивления гитлеровскому нашествию. Некоторые заражены идеями фашизма, пытаются восхвалять вермахт. Думаю, что многих, и не без основания, удивила не так давно вышедшая за “кордоном” книга “Сто великих полководцев” автора, бывшего офицера США, участника вьетнамской войны, где он в числе полководцев называет Адольфа Гитлера, Саддама Хусейна и др.

Это не кощунство ли по отношению к настоящим полководцам, как Жуков, Конев, Рокоссовский и др., которые внесли огромный вклад в достижение Победы, чьи войска разгромили фашистские полчища. О них ни слова в этом сомнительном по содержанию издании. Распространяются

ложь и клевета о войне также в книге “Ледокол”, в фильмах “Последний миф”, “Штрафбат”. С тем, чтобы удивить, вызвать сенсацию в неокрепших душах молодёжи, в них всё перекручено, перевернуто. Назвать их можно попыткой поставить исторически утвердившиеся истины с ног на голову.

Да, вот что ещё. Воевавших на стороне фашистов предателей нынче стали называть модным словом “легионеры”. Дело доходит до того, что их именами стали называть улицы в некоторых городах и сёлах в бывших союзных республиках.

Можем ли мы закрывать глаза на то, как распространяют клевету о всемирно-историческом значении Победы, ложь о наших полководцах, фронтовиках? Здесь своё веское слово через СМИ, на конференциях, встречах за “круглым столом”, всякого рода форумах должны сказать учёные, историки, представители советов ветеранов, общественных организаций, сами фронтовики. При этом не забывая, какая судьба была уготована фашизмом захваченным странам, поработённым народам и от какой беды мы спасли свою Отчизну и другие народы.

Не можем молчать, когда “атакуют” самое святое, снося памятники освободителям, оскверняя могилы погибших воинов, “охаживают” дубинками живых фронтовиков.

Наше поколение знает, как зарождался фашизм. И что окончательный удар по нацизму мир смог нанести, только объединив усилия. И сегодня такое же зло, как международный терроризм, которое несёт смерть, разрушения, не требует ли единых усилий всего мирового сообщества? Тут тоже мы не можем молчать.

— Опыт ветеранов учит молодёжь тому, что истинный гражданин, патриот обязан, прежде всего, думать о своей Родине. Каким образом можно привить молодым людям понимание истории, своего долга перед обществом, старшими поколениями? Есть ли для этого условия? Значим ли в этих вопросах дух, менталитет суверенного Казахстана, его юной столицы?

— Как известно, любое государство имеет глубокие свои корни, богатую историю. А столица всегда является символом страны, олицетворением общности народов. Так и у нас Казахстан со своей новой столицей, инициированной Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым, отражает чувства и мысли всех граждан, живущих на этой древней земле. За десять лет в Астане произошли грандиозные изменения, масштабы её строительства поражают воображение всех, кто сюда приезжает из других стран. А разве вручение Астане высокого международного титула “Город Мира” и диплома ЮНЕСКО не является признанием мировым сообществом столицы независимого Казахстана? Ведь это большое событие, достижение исторического масштаба, огромной работы множества людей.

Вглядываясь в историю города на Ишиме, можно сказать, что это целая эпоха. Она тесно взаимосвязана с историей Отечества. За этим выбором стоит прозорливость многих мудрых людей, таких как Тауке и великий Аблай, легендарных биев, воля миллионов наших соплеменников, отдавших жизни за право быть хозяевами своей судьбы. Именно глубокие корни культурной и исторической близости всех групп на священной казахской земле и позволяют вырастить могучее древо гражданского и культурного единства нашего многонационального народа.

“Казахский народ, — подчёркивал Президент нашей страны, вперые за всю историю своей государственности, начинающейся с середины

XV века, сам определил свою столицу. Через эту территорию проходили гунны, они свою столицу обозначали, а не мы. Потом были тюркские империи — они назначали, потом была империя Чингисхана — они назначали. Потом — российская колонизация, и опять империя сама назначала. Затем Советский Союз... И мы впервые сами определили свою столицу исходя из необходимости, целесообразности для нашего государства”.

Астана — это сердце Евразии, место, где переплелись культуры и обычаи, где в гармонии и согласии живут представители различных цивилизаций. Каждого, кто приезжает в Астану, восхищает величие столицы с новым административным центром, резиденцией Президента, зданиями парламента, правительства, министерств, Президентским центром культуры, театрами, вузами и др. Все достижения Казахстана и Астаны прежде всего связаны с финансовыми вливаниями, бурно развивающейся экономикой, промышленностью. Это ещё раз свидетельствует о том, что для казахстанцев созданы все условия для дальнейшего совершенствования строительства нового государства, новой столицы, поддержки стабильности, согласия, мира, толерантности в отношениях между людьми. Безусловно, тем самым создаются все возможности и для учёбы, работы, отдыха людей.

И разве это не пример для молодёжи, как надо любить свою страну, как быть верным её идеалам, традициям старшего поколения? А чувство Родины... Ведь идёт оно с нами от самой колыбели, от отчего порога. У казахстанского патриотизма к тому же есть не только “адреса”, у него и звонкие имена. Что ни говори, наша Отчизна богата славными людьми.

— Сагадат Кожаметович, вы за свою жизнь побывали во многих столицах государств мира. Какие достопримечательности больше заинтересовали Вас в них и что, на Ваш взгляд, коль мы говорим о воспитании молодёжи, можно ещё сделать в Астане?

— Астана — особый город, отсюда распространяется культура. Сюда приезжают учиться юноши и девушки, а также другие граждане страны, гости из других государств. По мнению известного бразильского писателя Жоржи Амаду, “Столица — это не только архитектурные красоты, столица — это люди особого калибра”. Наш народ по-своему неповторим, имеет немало бесценных национальных традиций, присущих только ему. Наша столица славна и многими достопримечательностями, в том числе памятниками и архитектурными комплексами, символами.

Когда выпадает свободная минута, не могу не пройтись по улицам Астаны. Её широкие площади, улицы хранят какое-то внутреннее спокойствие и величие, рождённые дыханием истории. И стоит замедлить шаг на какой-нибудь улице, взглянуться в черты, и сразу видишь яркие приметы сегодняшнего дня. Оно и понятно, ведь столица — ещё молодая, ей всего только десять лет.

Да, особое чувство испытываешь у Вечного огня возле монумента Защитникам Отечества. Вольно-невольно вспоминаешь боевых товарищей, с которыми делил радость и горечь потерь. Когда тут же видишь молодых, фотографирующихся на память, возникает вопрос, а знают ли они историю образа Матери народов, протягивающей Чашу любви с благословием своим домочадцам? О том, как Казахстан в годы войны с особенной теплотой и сердечностью под свой кров принимал людей разных национальностей, эвакуированных из временно оккупированных врагом территорий? Представляют ли, как бессонными ночами сражались

в операционных врачх многочисленных госпиталей за жизнь раненых воинов? Могут ли сказать, что собой означают барельефы, отражающие эпизоды битвы батыров с джунгарскими захватчиками, сражений советских воинов с фашистами? Думаю, что не все. Встречаясь со многими астанинцами, пришёл к выводу, что рядом с этим монументом неплохо было бы соорудить к 65-летию Великой Победы государственный музей в честь защитников Отечества, Аллею Героев. Кстати, это же предлагают как взрослые, так и молодые люди, с кем встречался. Такие музеи есть в столицах России, Украины, Белоруссии. Например, в Киеве, где на днепровских склонах цветёт душистая сирень, высятся мемориальный комплекс “Украинский государственный музей истории Великой Отечественной войны 1941-1945 годов”. Его венчает величественная фигура женщины с мечом и щитом, олицетворяющая Родину-Мать. Посещая залы Славы в вышеназванных столицах, можно узнать и имена всех Героев Советского Союза, которые вписаны золотыми буквами. Так, большой интерес у посетителей всегда вызывает галерея героев Отечественной войны 1812 года, что находится в Эрмитаже Санкт-Петербурга. Когда видишь такие яркие, изящные галереи, то невольно возникает ощущение уважения к истории Отечества, не можешь не восхищаться героическими личностями, чудо-богатырями, истинными полководцами — как удивительным национальным символом побед и непобедимости. Их с удовольствием посещают как взрослые, так и дети, гости из других государств.

Ещё раз подчеркну, что обильна и щедра наша казахстанская земля. Нет такого города или села, где не было бы людей, прославленных в труде, в бою. Думаю, что пришло время подобные галереи посвятить и нашим фронтовикам, труженикам тыла, воинам-афганцам, нынешним защитникам. Уверен, что наши мастера живописи, графики, скульптуры с охотой откликнутся и подарят свои творения как музеям Астаны, так областным и районным.

На мой взгляд, можно использовать и опыт других стран, таких как Турция. К примеру, в Стамбуле немало музеев, связанных с воинскими атрибутами, в том числе формой одежды. Тому, кто приезжает в этот город, представляется широкая возможность ознакомиться в специальном музее оружия с шедеврами различных конструкторов.

— *А у нашего народа разве не было своего оружия?*

— Если коснуться наших предков, то казахи тоже имели своё оружие, в их числе копьё — сунги, меч — кылыш, лук — садак и др. Тем более, оружие ковали сами кузнецы. Оно считалось холодным. Со временем оружие совершенствовалось. С конца 17-го века стали использовать и ружья, частично купленные в городах Средней Азии, частично изготовленные самими казахами. В условиях степей, где нередко приходилось отстаивать каждую пядь родной земли, только тот был достоин уважения, кто имел оружие и умел с ним обращаться. Ведь война была неизбежным спутником кочевого общества. А при столкновениях с врагами наряду с саблём, копьём наши предки применяли секиру — айбалта — с острым лезвием, напоминающим полумесяц, с обухом. Когда необходимо было защищаться, то они надевали на себя панцирь, шлем. Ношение оружия было не только законным правом свободного скотовода, но даже обязанностью. “Кочевники Приаралья, — писал английский путешественник и дипломат

Антоний Джениксон, — никогда не выезжают без лука, стрел и меча, будь то на охоту или для какого-нибудь увеселения”.

Наиболее полное описание казахского оружия оставил нам Чокан Валиханов. Ценные материалы о характере оружия содержат народные эпосы “Кобланды-батыр”, “Алпамыс-батыр”, роман “Путь Абая” Мухтара Ауэзова.

Если разобраться, то не так давно, упиваясь научными достижениями, успехами во многих отраслях, мы порой забывали о своих корнях, культурном наследии прошлого. Разве уникальные творения народных умельцев, как оружие старшего поколения, не заслуживают внимания нынешних потомков? Неслучайно есть изречение, что не хлебом единым жив человек.

— *По сути, Вы ведёте речь о подготовке к предстоящей 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Какие есть ещё резервы по увековечению памяти тех, кто в прошлой войне сломал хребет фашизму? Проявляя заботу о ветеранах, как разумно использовать их опыт в работе с молодёжью?*

— Очень важно понять, что юбилей не только праздник. Это время итогов, планов на будущее. Не только дань памяти павшим товарищам, но своего рода смотр молодого поколения, то есть тех, кому фронтовики передают эстафету. Поэтому уже сегодня, не откладывая на потом, утвердив план мероприятий к юбилею, придав документу государственную значимость, без раскачки начать работу. Как всегда, деньги для этой цели государством выделяются достаточные, только бы их не разбазарить, превратив только в огни салюта.

Время бежит неумолимо быстро, а участников войны остаётся всё меньше и меньше. Даже не верится, но это факт, что средний возраст их уже перевалил за восемьдесят. Надо спешить, чтобы не прервалась связь поколений. Главное — не допустить кампанейщины, превратив праздник в однодневку. Память не знает перерывов, ветераны нуждаются в заботе, повседневном внимании именно сегодня. А забота должна проявляться на государственном уровне. Вот где простор для местных органов власти! Нельзя не учитывать, что патриотизм не воспитывается сам по себе. Пока живы люди старшего поколения, они, несмотря на свой преклонный возраст, вносят частицу своей души в это святое дело. Как правило, ветераны неутомимы и богатые на добрые идеи и начинания. Согласитесь, когда рядом с вами убелённый сединой человек, с орденами на груди, никто же не будет пренебрегать его сердечным советом, живым словом.

Коль мы говорим о героико-патриотическом воспитании молодёжи, то, на мой взгляд, приоритеты должны быть отданы воспитанию у юношей, военнослужащих чувства готовности к защите Родины, верности боевым традициям, гордости за принадлежность к Вооружённым Силам, повышению престижа воинской службы. Будет здорово, если продуманно, тепло, с любовью провести целенаправленную информационно-пропагандистскую акцию, скажем, по теме: “Мы верили в тебя, солдат 41-го, верим в тебя, сарбаз”. Разумеется, с участием руководства Министерства обороны, других силовых структур, Министерства образования и науки, акиматов, Центрального совета ветеранов, депутатов, учёных, историков, представителей широкой общественности, молодёжи, военнослужащих.

Наш Президент не раз говорил о том, что если страна не будет иметь мощного духовного начала, не будет в общественном сознании культивироваться

любовь к Родине, к её защитникам, то люди будут лишаться мотивов гордиться ими. При этом не будет лишним напоминание местным властям, общественности о важности ратного труда, сфокусировав внимание на защитнике Отечества. Хорошо, что государство и само общество в последнее время с уважением стали относиться к человеку в погонах, к тем, кто в нынешнее непростое время держит на своих плечах оборонный щит Родины. И это при всех издержках и негативных моментах, присутствующих в армии. Доброе начало этому положило ежегодное празднование Дня защитника Отечества. Он отмечается накануне светлого праздника — Дня Победы с участием главы нашего государства — Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами Н. А. Назарбаева. Безусловно, это яркое свидетельство того, что профессия Родину защищать становится почитаемой. По-другому и быть не может. Как не может быть без сохранения и приумножения традиций героики минувших времён.

Вот только к подвигам героев, памяти надо относиться очень бережно, созидательно, понимая, что отвага, храбрость людей старшего поколения, их героические страницы — это такая важная составляющая той же национальной идеи государства. Потому, думая о будущем, о потомках, важно побеспокоиться об увековечении памяти погибших. В первую очередь следует навести порядок на кладбищах, где лежат участники войны, реставрировать обелиски, памятные знаки. В этом плане, наверное, стоит обратить свои взоры на Запад. Будучи в Германии, Венгрии, Польше, Чехии и других государствах, мне удалось посетить кладбища. То, что увидел, поразило своей ухоженностью. В образцовом порядке содержатся и братские могилы советских воинов. Рядом — могилы людей в разные века умерших, они тоже облагорожены. Есть нам чему поучиться у них. Разве живут иностранцы под другим небом? Для этой цели надо ли указание вышестоящего начальства? Не сыновний ли долг?

В наше время нет недостатка в словах и призывах к милосердию по отношению к старикам. Забот всем хватит, если проявить инициативу, добросердечие. Скажем, почему бы не взять тем же школам, молодёжным организациям шефство над домами престарелых, одинокими ветеранами? Нельзя успокаиваться на том, что в своё время издали Книги Памяти, а надо работать над их совершенствованием, дополнять новыми именами. Работы тут — непочатый край. Ведь много ещё имён не установленных. Поисковая работа над розыском погибших, без вести пропавших — тоже требует инициативы, настойчивости. Отрадно, что есть среди нас люди, которые не по служебным обязанностям, а по зову сердца собирают по крупицам материалы о тех, кто не дожил до победного дня. Здесь в качестве примера хочу отметить кропотливый труд поискового отряда “Мемориальная зона”, возглавляемого Майданом Кусаиновым, профессором Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилёва. Он со своими следопытами проводит огромную работу по поиску бойцов и командиров, погибших в сражениях за Ленинград, что на Синявинских высотах и болотах. Отряд помимо поиска устанавливает на братских могилах обелиски “Звёзды-журавли”.

Такую же работу проводит группа “Поиск” города Петропавловска, при поддержке областного акимата. Эта группа по велению сердца регулярно выезжает в Новгородскую область в целях обнаружения и захоронения останков советских воинов, установления их имён.

Не могу не сказать и о молодой девушке из Алматы Лейле Смагуловой, которая по своей доброте и отзывчивости ещё со школьной скамьи начала помогать ветеранам в поиске их родных. И до сих пор она делает это бескорыстно, от чистого сердца. Не случайно гласит народная поговорка: “Сеющий добро пожинает благодарность”. А благодарностью ей было то, что она нашла своего деда, пулемётчика Смагула Ибраимова, погибшего в 1944 году, освобождая города и деревни Прибалтики от фашистских захватчиков. Двадцать лет неустанного поиска не были напрасными. Лейла, поехав на место гибели фронтовика, не только установила памятный знак, но и добила, чтобы имя героя было присвоено на родной земле одной из улиц села Кеген Алматинской области. Поверьте, такими людьми, сочетающими в себе высокие человеческие качества, можно только гордиться.

Нисколько не сомневаюсь в значимости проведения “Эстафеты Памяти” по местам боёв соединений, сформированных в Казахстане. Только в состав делегаций, как я думаю, надо включать не только фронтовиков, но и лучших воинов наших Вооружённых Сил, в том числе учащихся республиканских военных школ-интернатов. Не секрет, что для фронтовика — это молодость, вчерашний день, а для сегодняшнего парня — это далёкая история, оставшаяся на страницах книг и в кинофильмах. Но, побывав, к примеру, на том же рубеже обороны Москвы, где враг не смог сломить панфиловцев, как ветерану, так и его наследнику будут небезразличны события фронтовых лет. А сама встреча двух разных поколений — двух эпох на месте сражений останется в памяти навсегда.

Будет толк и в том, если в период подготовки к юбилею Победы для наших сограждан организовать различные выставки, фестивали патриотической направленности. А также провести песенно-поэтический праздник с исполнением фронтовых произведений, общереспубликанский творческий конкурс школьных сочинений на темы: “Мой дед — пример мужества, отваги и чести”, “Защитники Родины” и т.д. Казалось бы, внешне ничего нет особенного в написании школьниками сочинений, но уверен в одном, что их страницы будут излучать свет любви к Отечеству, старшим поколениям.

Думаю, что в данном направлении целесообразно было бы спланировать ряд мероприятий при поддержке средств массовой информации, издательств, Союзов писателей, кинематографистов. С их активным участием издать серии книг, выпустить фильмы не только о Героях Советского Союза, полных кавалерах ордена Славы, но и о тех участниках войны, тружениках тыла, которые скромно живут в “глубинках”, далеко от столицы.

Словом, величие всенародного подвига, память о прошедшей войне не должны стереться в сердцах людей.

— Сагадат Кожаметович, что Вы пожелали бы коллективу редакции журнала и читателям “Нивы” в связи с предстоящим праздником — юбилеем Великой Победы?

— Как подвиг рождает подвиг, так пусть добро рождает добро. Разумеется, мирного неба, здоровья, счастья, удач во всём, веры в завтрашний день. А “Нива”, как и прежде, пусть будет среди флагманов средств массовой информации страны, завоёвывая почётные международные награды, журналистский коллектив, словно мудрый лоцман, уверенно ведёт свой корабль точно по курсу.

**Беседовал
Сапаргали ЖАГИПАРОВ.**

Евгений СЕМИЧЕВ

“Í îëüõààò êîñòðîî çàðââüî ïááîñâîä...”

Безмолвствует затравленная челядь.
Растерзана азийская страна.
Как волчья окровавленная челюсть
Зубчатая Кремлёвская стена.

Россия! Ты — кормящая волчица.
Твои клыки от голода стучат.
Понуро за тобою волочится
Твой выводок — четырнадцать волчат.

Они ползут на материнский запах,
Они клыками режут твою грудь.
Воротят морды глупые на запад,
Чтоб молоко излишнее срыгнуть.

То кровь твоя по их гуляет венам.
Они друг другу холки теребят.
От титек отвалившись суверенно,
Вольны рычать и тьякать на тебя.

Их хищный взгляд на кровное намётан.
Их ноздри бередит родная кровь.
Они — щенки волчиного помёта.
У них к тебе звериная любовь.

Евгений СЕМИЧЕВ

— член Союза писателей России, поэт. Родился в 1952 году. Закончил Куйбышевский государственный институт культуры и Высшие литературные курсы Союза писателей России (семинар поэта Юрия Кузнецова). Автор книг “Заповедный кордон”, “Свете Отчий”, “От земли до неба”, “Российский развилоч”, “Соколки русской земли”, “Небесная крепь”, “Ве-

ликий верх”, а также многих публикаций в московских и региональных российских изданиях. Лауреат Всероссийской премии “Новая книга России-2002”, Всероссийской премии им. М. Ю. Лермонтова (2004 г.), Большой литературной премии России (2006 г.), Всероссийской премии

им. Расула Гамзатова (2007 г.). Живёт в Самарской области.

В “Ниве” выступает впервые.

Братки

Костерок у притихшей реки.
Птахи певчие в небе порхают.
Постреляли крутые братки,
А теперь по трудам отдыхают.

Постреляли таких же братков
Из чужой и непрошеной стаи...
Дух хмельных голубых васильков
В чистом небе блаженно витает.

Вожденно дымят шашлыки.
Водка плещет ручьём быстротечным.
Поминают убитых братки,
Памятуя о Царствии вечном.

Уложили чужих и своих
Без суда и разбору, по пьяни.
Бог, прими души грешные их!
Все по жизни они христиане.

Не вини, не казни, не клейми
Воровскую блатную ораву.
А как есть, всю её восприми,
Как воспринял убийцу Варраву.

Ибо все они — эти и те —
Люди русские, кровные братья,
На соседнем с Иисусом кресте
Распахнули для мира объятья.

Не лишай их всевышней любви
И прощенья родного народа.
Ведь извечно по горло в крови
Восседает на троне свобода.

Читал мои стихи и плакал,
Печаль не в силах превозмочь.
Спать не давал своим собакам —
Стихами их травил всю ночь.

К утру его подушки взмокли.
Постель насквозь проволгла вся.
Собаки от волнения сдохли,
Печали не перенеся.

Он встал, шатаясь, словно пьяный,
Себя не помня, как в бреду.
Лопату взял, чтоб вырыть яму
И закопать собак в саду.

Хотел от горя застрелиться,
 Припомнив все свои грехи.
 Подумал и — решил напиться,
 И больше не читать стихи.

Он пил полгода без закуски,
 Устроив знатную гульбу.
 Он был отважный новый русский,
 А вот теперь лежит в гробу.

Как пошутила беспристрастно
 Над ним насмешница-судьба...
 Поэзия — небезопасна.
 Помянем Божьего раба!

Сизый месяц за млечную тучку нырнул,
 И туман над рекою алеет.
 Это Бог наш вселенскую стужу вдохнул
 И Россию на выдохе греет.

Польхает костром заревым небосвод
 Над унылым мирским бездорожьем.
 И не сгинет Россия, покуда живёт
 На спасительном выдохе Божьем.

Зря кликуши истошно хоронят её.
 Пировать на костях не придётся.
 Понапрасну клубится над ней вороньё —
 Не затмить ему русское солнце.

И пребудет Россия во все времена,
 Потому что на вечные лета
 Светом Божьим вселенским омыта она
 И дыханьем Господним согрета.

Ясак

1

— Что ещё русские, плачут?
 — Воют и волосы рвут.

— Видно, они нас дурачат,
 Если так дюже ревут.
 Что же, обратно идите.
 Режьте, как подлых собак.
 Глотки зубами порвите,
 Но соберите ясак.
 Бейте. Давите арканом.
 Жгите огнём и бичом.
 Видно, презренным шакалам
 Есть ещё плакать о чём.

2

— Что ещё русские, плачут?

— Нет! Они горькую пьют.
Пляшут. Друг друга собачут.
Песни срамные поют.
Видно, устали бояться.
Нечего больше терять.
Если к рассвету проспятся,
То соберут свою рать.
Шибко они матерятся
В пьяном угарном бреду...

— Значит, пора возвращаться
Нам в Золотую Орду.

Ну что, дружок, продрог? —
Садись поближе к печке.
Буран в бараний рог
Согнул ветлу у речки.

Упрямый, как баран,
Таранит стёкла окон.
Осклабясь на буран,
Труба завывла волком.

Благословим судьбы
Звериные повадки.
Дым плещет из трубы.
А значит — мы в порядке.

Труба ревёт, как зверь.
А за родным порогом
Буран упёрся в дверь
Своим кручёным рогом.

Налей себе вина.
И мне по дружбе малость.
Буранная страна
В наследство нам досталась.

И ледяной таран
Нам от роду не страшен.
Пускай буран-баран
Под нашим боком пляшет.

Какая — к чёрту! — грусть?
Вино печаль развеет.
Заснеженная Русь
Сынов в объятых греет.

Вино разгонит кровь
И сбросит с плеч усталость.
Буранная любовь
Нам к Родине досталась.

Стоит, как святы́й дух,
В буранном переулке
Небесный наш пастух
В своей буранной бурке.

Среди буранной тьмы
Рыдают колокольцы,
Чтоб не забыли мы,
Что мы Господни овцы.

Чтобы смогли найти
Тропу к своим истокам.
И с млечного пути
Не сбились ненароком.

В космической пыли
Клубится русский воздух.
В шестую часть земли
Упёрся божий посох.

Россия — третий Рим.
Другого быть не может.
Крылатый Серафим
Целует посох Божий.

Взгляни, дружок, в окно:
Там небо стужу мелет
И млечное руно
России в ноги стелет.

Закатилось за осинник лето.
Потемнело речки серебро,
Где, лучась, как звонкая монета,
Солнце становилось на ребро.

А теперь оно неярко светит —
Свечечкой рассеивает мрак.
И печально богомолка крестит
Солнышка копеечный кругляк.

Жители села и горожане!
Этот мир принадлежит не нам.
Все мы в этом мире прихожане
И зашли случайно в Божий храм.

Русь взрастила меня, меня поит и кормит.
И я знаю — ей больно, когда я вдали.
Можно вырвать меня, но нельзя вырвать корни.
Глубоко они в сердце земное вросли.

Ничего не нажил себе в жизни я, кроме
Горемычной моей материнской земли.
Можно вырвать страну, но нельзя вырвать корни.
Глубоко они в сердце сыновье вросли.

Нашу землю, политую отчею кровью,
Никакие враги не возьмут в оборот.
Можно нас истребить, но останутся корни.
И — из них прорастать будет русский народ.

Поговори со мной, ворона,
Про светлый день, про отчий край!
Тебя, племянницу Харона,
Архангелы не пустят в рай.

Всю жизнь объедками питаться,
Не нанося другим вреда.
И над рекой времён болтаться —
Туда-сюда, туда-сюда.

Кому-то с неба — Божья манна
И соловьиный райский сад.
А нам, скрежещущим гортанно,
Дороженька прямая в ад.

И хоть характером не робки,
Не застим мы судьбы ничьей.
Авось сгодимся для растопки
Вселенских пламенных печей.

Покуда райские ворота
От нас скрывает злая тьма,
Поговори со мной, ворона!
Не обижай меня, кума!

То было во время далёкое — оно,
Что скрыла от нас воронёная мгла:
На крыше Вероны сидела ворона.
Она театралкой заядлой была.

На фоне небесной кулисы потёртой
На площадках созвездий мерцали огни.
Весь мир был театром, все люди — актёры.
Спектакль для вороны давали они.

Взирала она неприкрыто, надменно,
Как мрачный закат над Вероной адел.
Любила ворона красавца Ромео,
А он на неё и смотреть не хотел.

Воронья любовь не терпела обмана.
Она достигала небесных высот.
Летело на шляпу Ромео гуано, —
На русском наречье — вороний помёт.

А как же ещё обратить ей вниманье
На чувства высокой любви неземной,
Коль юное, милое, божье создание
В неведение мимо плывёт стороной?!

Прости меня, грешного, пылкая лира,
Что я обрекаю тебя на позор.
Но так поступают все женщины мира,
Когда отвергают их любящий взор.

Ромео влюблён был всем сердцем в Джульетту
И к ней обратил весь сердечный свой пыл...
... А позже трагедию пылкую эту
Шекспир через сердце своё пропустил.

Над ним пролетала в то время ворона
И в руки ему обронила перо...
Шекспир посмотрел на неё отстранённо,
Рукою махнул, улыбнулся хитро.

И пьесу спроворил о мрачной Вероне,
Стихами её опалив горячо.
Но, плут, умолчал о влюблённой вороне,
Как будто бы вовсе она ни при чём!

А люди, смятением любовным объаты,
Толпою на пьесу Шекспира идут...
Вот так беспардонно чужие таланты
Коварные гении подло крадут.

В те годы народец, к искусству причастный,
Был груб и жесток и душой, и умом.
Ворюг не таскал в полицейский участок,
А в бочке купал с перекисшим дерьмом.

Такая посуда в театре стояла,
На четверть заполнена смрадной водой...
И было охотников в зале немало
Пополнить её непотребной нуждой.

Шекспир избежал этой чаши позорной,
Как видный писатель и знатный артист,
Хоть путь его к славе высокой народной
Был шибко печален и дюже тернист.

И всё же по смерти по воле Харона
Шекспир был отправлен в пылающий ад.
А что же ворона? На крыше Вероны
Надменно глядит на кровавый закат.

На том, завершив свой лирический опус,
Я в зал должен выплеснуть лаву сукна...
Но нищ был театр под названием "ГЛОБУС".
Отсутствовал занавес в те времена.

Шекспиру поставлен был памятник славный,
Как добрая память потомкам о нём.
За что же ворона презренным гуано
Его поливает и ночью и днём?

Ворона, как женщина, в жизни реальной
Всегда поступать, как желает, вольна.
Простим же вороне сей жест театральный,
Поскольку высокая птица она.

Вот тут и поставлена будет мной точка
В согласье с душою и трезвым умом.
... А вечная слава — прокисшая бочка,
Где люди поэтов мешают с дерьмом.

Памяти Юрия Кузнецова

В долг давал без отдачи
На всю жизнь на мою.
Говорил: "Не иначе,
Разочтёмся в раю..."

Приказал жить стараться.
На вокзал указал.
Как до рая добраться,
Ничего не сказал.

Я до рая едва ли
Доберусь наугад...
На Казанском вокзале
Все дороженьки — в ад.

Поезд “триста весёлый”
Стоит на пути...
— Проводник, на которой
Остановке сойти?

Проводник виновато:
— Пассажир, вам куда?
— Мне до рая бы надо.
— Мы не ходим туда.

Этот пункт очень дальний.
Этот путь слишком крут.
В путевом расписанье
Не означен маршрут.

Вам до рая едва ли
Добрести наугад.
На Казанском вокзале
Все дороженьки — в ад.

... Пожелал жить стараться.
Головой покачал.
Как до рая добраться,
Проводник промолчал.

Поезд “триста весёлый” —
Железный лошак.
Тракт почтовый казённый —
Евразийский большак.

Пешим ходом иль конным?..
Боже, мне помоги!
По церковным иконам
Разношу я долги.

Ставлю свечи и плачу.
Жизнь иначу свою.
В долг даю без отдачи —
Разочтёмся в раю.

Молю Георгия Святого
Меня в его зачислить рать...
Мне после Юры Кузнецова
Уже не страшно помирать.

Могилы утлая траншея —
В иные измеренья лаз.
Без Кузнецова жить страшнее
Во много раз.

Как света Божьего защитник,
В Георгиевский ратный строй
Посмертно Кузнецов зачислен...
Он и при жизни был там свой!

Не раз, бывало, к горным высям
Взмывал он на своём веку.
И был строкой своей приписан
Навечно к Высшему Полку.

Он ел свой горький хлеб недаром.
И был высоким, как атлант.
И величали Божьим даром
Его космический талант.

Но преклонял, случалось, плечи —
Чужую выправить строку.
И завязать шнурки покрепче
Строптивому ученику.

... Молю Георгия Святого
Меня зачислить в ту же рать...
Ведь надо после Кузнецова
Кому-то небо подпирать.

Вячеславу Лютому

Покуда звуки лютни
Душе твоей слышны,
Нам никакие плутни
От веку не страшны.

А лютики-цветочки
Лазурно голубы,
Как ангельские очи
Неласковой судьбы.

И свет небесной сини
Не может нас не греть.
Пока жива Россия,
Согласно сердце петь.

Душа страдать согласна,
И плакать, и любить...
А значит, не напрасно
Господь судил нам быть!

В жару и холод лютый,
Как ад крошечный чёрн,
Кровавой блудной смутой
Нас искушает чёрт.

Но никакие блудни
С пути нас не собьют,
Пока играют лютни
И лютики цветут.

Светлана КУЛАКОВА

Т'яыхэ́к'к'щичэ́ш

Роман

(Продолжение. Начало в № № 7, 8 за 2008 г.)

— Так ты усвоила? Если не будет письма дольше, чем следовало бы по твоим расчётам, ты не паникуй, — напомнила Майя ещё раз провожавшей её тёте, прежде чем войти в вагон.

Поезд тронулся, вместе с перроном тётя Эльза уплывает назад. Утреннее солнце золотит её белокурые волосы, среди них седина незаметна, а серебристый отлив на висках даже красит. Тёте сорок семь, а выглядит она девушкой, незнакомые люди на улице так к ней и обращаются: “Девушка, который час?”. У неё утончённое выразительное лицо, а фигура только начинает приобретать мягкую округлость. Ей очень идёт это шёлковое тёмно-синее в белый горошек платье. Глядя на тётю, Майя думает, что когда станет постарше, тоже будет укладывать волосы валиком на затылке — это классическая причёска балерин, и сошьёт такое же платье в горошек. Она посылает тёте воздушный поцелуй.

Дорога длинная, около трёх суток, каких только историй не услышишь в пути. Вот Елена, благополучная с виду женщина, едет на курорт, на Рижское взморье. Уже свои дочки выросли, а она с незаживающей обидой вспоминает, как в двадцатые голодные годы отдала мать её, шестилетнюю девочку, на воспитание состоятельным людям. Отдала её, не младшего братишку и не старшую сестрёнку, а именно её. И хоть относились приёмные родители к ней как к родной дочери, и хоть выросла она, не зная лишений, образование получила, но жжёт её обида на родную мать: почему её отдала! Умом понимает, что в той ситуации это, возможно, был правильный выбор — малыш был ещё слишком беспомощен, а старшая девочка — помощница, но сердцем до сих пор жалеет, что не разделила с родными всех тягот их жизни. “Да, родная кровь”, — понимающе говорит одна из слушательниц.

Родная кровь... Майя вдруг вспоминает, как однажды, несколько месяцев назад, она наткнулась на заметку в одной из центральных газет, где упоминался некий строитель, передовик производства, носящий фамилию и инициалы её отца — Касеванов А. Г. Это вам не Иванов, Петров, Сидоров, встречающиеся довольно часто, и не Касьянов, встречающийся пореже. А Касеванов — фамилия редкая, она пока ещё не встречала такой ни в жизни, ни в литературе. Никаких далеко идущих предположений ей тогда не пришло в голову, а теперь она подумала: что если это её отец, родная кровь?

Она уже знала, что отец с матерью расстались ещё до её рождения, что он не подозревает о её существовании. О том, что он был, напоминала единственная фотокарточка да запись в свидетельстве о рождении.

У меня такие же, как у него, глаза и брови, — думала Майя, вспоминая его фото, — и сейчас мне почти столько же лет, сколько было ему тогда, когда я родилась. Он, наверное, воевал, у него семья, дети, другие родственники. Как это всё-таки здорово — иметь большую дружную родню, состоящую из отца и матери, бабушек и дедушек, тётушек и дядюшек, братьев и сестёр — родных и двоюродных, племянников, снох, зятьёв, пример тому — семья Гергенрейдеров.

А ведь его дети — это её сводные сёстры и братья. Как бы ей хотелось породниться с ними. Но это не придёт само собой, ей надо предпринять какие-то действия. Например, послать по почте письменный запрос в Красноярское адресное бюро — под заметкой в газете значился город Красноярск — проживает ли там Касеванов Анатолий Григорьевич, и если да, то по какому адресу? Но кто знает, какие там у них порядки, что, если Касеванова вызовут в милицию или перешлют ему запрос? Узнает семья, осложнения в личной жизни. В таком деле важен непосредственный контакт, важно расположить к себе, убедив, что ей ни от кого ничего не нужно, кроме общения. Ей важно знать, что отец жив, что на белом свете они с тётёй Эльзой не одиноки.

К концу пути она пришла к мысли, что если поднапрячься, можно сэкономить время и деньги, сдав досрочно зачёты и экзамены, ведь не зря известный афоризм утверждает, что время — деньги.

Будь это не столица, а другой город, претворить задуманное не составило бы особого труда — усидчивости ей не занимать, но столица полна соблазнов, особенно если живёшь в общежитии и сокурсницы каждый вечер убегают то в театр, то на концерт, то просто погулять по вечернему городу. “Мне надо досрочно сдать сессию”, — как бы оправдываясь, что оказалась такой некомпанейской, отвечала она на приглашения, оставаясь в опустевшем общежитии, а внутренний голос предостерегал: опять одна, опять уединяешься, смотри, так и становятся старыми девами, я тебя предупредил. Ничего, в будущем году наверстаю, — нарочито бодро возражала она навязчивой “кликуше”. Зато когда был сдан последний экзамен, впереди оставалось две недели оплаченного учебного отпуска, свободы и волнующих надежд.

Первые двое суток, пока путь пролегал среди местности, знакомой по предыдущим поездкам, она отсыпалась. Но вот миновали узловую станцию, от которой ветка железной дороги уходила на юг, к дому, и на мгновение Майя почувствовала угрызения совести: одинокой, несчастной, покинутой ощутила бы себя тётя Эльза, если б знала, если б могла себе представить её в окне проходящего мимо поезда. Но цель оправдывает средства, и тётё с её беспокойным характером лучше пребывать в неведении, особенно, если поездка окажется безрезультатной, если же успешной — победителей не судят.

Стучат, строчат колёса, как швейная машинка, пронизывая двумя параллельными строчками степи и леса, пересекая реки, и чем ближе к цели, тем больше возникает сомнений и меньше остаётся решимости. Глупо думать, что ей обрадуются, у всех свои проблемы и заботы, но не возвращаться же назад, вон сколько километров отмахала.

Наконец на исходе дня, когда солнце уже садилось, она ступила на перрон огромного незнакомого сибирского города и, выйдя вслед за основной массой пассажиров на привокзальную площадь, спросила у кондуктора одного из автобусов как добраться до ближайшей гостиницы.

Надвигались сумерки, а в гостинице на виду красовалась табличка “мест нет”. Дежурная посоветовала:

— Подойдите к тётё Зине, она в буфете убирает посуду со столов. У неё скоро кончится смена, и вы с ней можете уехать на турбазу, она живёт в том районе. Там бывают свободные места, если угодить между заездами туристов.

— А если не угожу?

— Тётя Зина вас пристроит либо у себя, либо у соседей.

— Я бы взяла тебя к себе, — сказала тётя Зина, — но дома беспорядок, сноха затеяла побелку. Ну да не беда, пристрою где-нибудь.

Спустя полчаса они ехали в маленьком пыльном и тряском автобусе куда-то на окраину. Между тем сгустились сумерки, с одной стороны от дороги светились огоньки пригорода, с другой — вблизи темнело поле, а дальше — под светлеющей полоской неба угадывался лес. По мере продвижения, лес приближался и возле турбазы подступал уже близко к дороге. Турбаза представляла собой несколько деревянных построек, образующих внутренний двор. В служебном помещении дверь выходила наружу, к автобусной остановке, она была приоткрыта и полоса света падала на деревянные ступеньки. Они с тётей Зиной поднялись. В небольшом кабинете перед настенным зеркалом причёсывалась молодая полная женщина в спортивном костюме, похоже было, что она собирается уходить.

— А, тётя Зина, физкультпривет, — дружески улыбнулась она, оборачиваясь.

— Привет, Наташа, привет, вот привезла тебе дивчину, у нас мест нет, не оставлять же на улице.

— Нет, конечно, — добродушно согласилась Наталья, — мы что-нибудь придумаем.

Всё устроилось наилучшим образом. Три обитательницы четырёхместного номера, куда отвела её Наталья, где-то припозднились и явились за полночь, когда она уже засыпала. Они тихонько шебаршили, шушукались, и под их шорох и шёпот она уснула, а утром поднялась, когда они ещё спали.

В городе из телефона-автомата набрала справочное 09, ей дали телефон адресного бюро. Узнав место его нахождения, Майя достаточно быстро нашла управление внутренних дел. Ступив на порог этого специфического заведения, по сути своей призванного защищать права людей, пресекая тех, кто на них посягает, она, не зная за собой никакой вины, вдруг оробела, вспомнила тётю Эльзу: что чувствовала она, приходя отмечаться в подобное учреждение? Обиду, недоверие и страх? Отсюда её постоянная тревога, настороженность. Кто знает, что придёт в голову этому молодцу, стоявшему при входе на посту? Проверит документы — кто такая, зачем приехала в такую даль, с какой целью? И в каталажку — до выяснения.

Эти мысли промелькнули мгновенно и, подавив насколько возможно в себе раба, она более или менее независимо спросила:

— Где тут у вас адресное бюро?

Постовой без всякого намёка на бдительность, даже как-то равнодушно, указал:

— Вторая дверь направо.

— Это вы звонили? — спросила подтянутая особа средних лет с аккуратным — завиток к завитку — рыжим перманентом.

— Да, мне нужен адрес моего отца, Касеванова Анатолия Григорьевича, — и в подтверждение Майя предъявила свой паспорт.

Видимо, это был весомый аргумент, потому что без дальнейших вопросов сотрудница взялась за картотеку, кивнув ей на стул.

— Есть Касеванов Алексей Григорьевич, а Анатолий Григорьевич не значится, — сказала она спустя несколько минут.

— Это дядя Алёша, его брат, он мне поможет связаться с отцом, — наугад сказала Майя и нарочито небрежно, боясь спугнуть покладистость строгой сотрудницы своей заинтересованностью, спросила: — какой там у него адрес?

Она напряглась, опасаясь услышать: “не положено”, но женщина молча написала на листке адрес и подала ей. Спросить, как найти указанную

лицу, Майя не посмела и задала этот вопрос постовому. Тот толково, чётко и понятно набросал на обратной стороне листа схему маршрута. Сибиряки определённо ей нравились — отзывчивые люди.

На автобусе она доехала до моста, пешком переправилась по нему на другой берег, полюбовавшись величественной рекой, и там нашла нужную улицу.

Теперь, когда стало известно, что отца в городе нет и ей предстоит встреча не с ним, а с дядей, впрочем, с дядей ли, не исключено, что это всего лишь однофамилец, её напряжение спало. Теперь она не мучилась тем, как подойти, что сказать. Теперь всё упрощалось.

Если это дядя, она представится, расскажет о себе, оставит свой адрес и дальше всё будет зависеть не от неё. Дядя, конечно, сообщит о ней отцу, и от того, даст ли он о себе знать, выяснится его отношение к ней. Так даже лучше — она не станет навязываться.

Дом, где жил Касеванов, ничем не отличался в ряду однообразных пятиэтажек. Она заглянула в ближайший подъезд, сориентировалась по почтовым ящикам, что нужная ей квартира в следующем подъезде, заглянула туда, прикинула, что это третий этаж, ну и всё, пока здесь делать было нечего — Касеванов наверняка на работе, — и она отправилась назад, побродила в центре города, по набережной, посидела у причала.

К концу рабочего дня Майя снова была во дворе касевановского дома и заняла позицию в беседке, откуда хорошо просматривались все идущие со стороны автобусной остановки. Люди возвращались с работы и растекались по подъездам.

Она не знала возраста Касеванова, он мог быть и моложе, и старше её отца. Если Касеванов похож на её отца и она его узнает, что маловероятно, то заговорит с ним здесь, если же спустя какое-то время никто не привлечёт её внимания, тогда она поднимется в квартиру, решила Майя.

Между тем прошло достаточно времени, люди входили и выходили из подъезда, но ни в ком не угадывались родственные черты, а интуиция подсказывала: нет, не он.

Но вот из-за угла появился мужчина лет под пятьдесят, выше среднего роста, крепкого сложения, на круглой голове короткий седоватый “ёжик”, загорелое лицо с красноватым оттенком. Его облик подходил под образ, который у неё сложился под впечатлением от газетной заметки. И тут с балкона его окликнула женщина:

— Алексей, купи хлеба.

Мужчина послушно повернул назад, Майя выпорхнула из беседки вслед за ним.

— Извините, вы Касеванов Алексей Григорьевич? — окликнула она, когда они повернули за угол.

— Да, чем обязан? — Касеванов искоса взглянул на неё и острые буравчики его зрачков на фоне серых глаз, точь-в-точь такие, как у отца на снимке, уже не оставляли никаких сомнений, что он не однофамилец.

Окрылённая удачей, сопутствовавшей до сих пор, Майя забежала вперёд и спросила, лукаво глядя ему в глаза:

— Я вам никого не напоминаю?

На неё снизошла та лёгкость, которой ей так часто не хватало.

— Девушка, нехорошо приставать к взрослым мужчинам, — добродушно сказал Касеванов, однако же внимательно взгляделся в её лицо и где-то в глубине его буравчиков взметнулось смущение.

— Дядя Алёша, — улыбнулась Майя, — вы думаете не в том направлении. — Она догадалась, что он мысленно ворошит грехи своей молодости. — Я, Касеванова Майя Анатольевна, — и, достав из сумочки паспорт, раскрыла перед ним.

— Что? — он перевёл взгляд с паспорта на неё, и в нём отразилась напряжённая работа мысли.

— Предупреждаю сразу, — быстро сказала Майя, становясь серьёзной, опасаясь, что он не захочет её выслушать. — Мне ни от отца, ни от вас, ни от кого другого ничего не надо. Я просто хочу познакомиться с отцом. Они с моей мамой расстались до моего рождения, и он не подозревает о моём существовании. О вас я узнала случайно, прочитав в газете, и, надеюсь, вы поможете мне встретиться с отцом.

— С отцом? — Касеванов мягко, задумчиво посмотрел на неё. — Но Анатолий погиб в сорок первом.

Погиб... Тонкой иглой пронзила сердце боль утраты.

— Расскажите мне о нём: где жил, чем занимался, был ли женат, дети, где погиб, — попросила Майя чуть охрипшим голосом.

Они остановились возле магазина, каждый второй прохожий знал Касеванова, с ним здоровались, заговаривали, и Майя предложила:

— Купите хлеб и на обратном пути присядем в беседке.

Так и сделали, но едва расположились, как из подъезда выбежал мальчуган лет пяти с чёрными бойкими глазами и пристроился у Касеванова между колен.

— Сын, — пояснил он, видимо, смущаясь своим запоздалым отцовством, — от второго брака.

Действительно, мальчишка сошёл бы за внука.

— Я твоя двоюродная сестра, а ты мой брат, — сказала Майя.

Мальчик недоверчиво спросил:

— А где ты живёшь?

В это время на балконе появилась жена Касеванова, подавая призывные знаки.

— У меня предложение, — сказал Алексей Григорьевич, обернувшись к Майе, — пойдём с нами, посидим, поговорим, посмотришь фотокарточки, — и, получив согласие, вручил булку сыну, — тащи, Серёнька, маме хлеб и скажи, что у нас гостя.

Черноволосая, статная, округлых форм, лет на десять моложе мужа, Касеванова встретила их настороженно. У неё было привлекательное лицо, но во взгляде её зелёных с жёлтыми и коричневыми крапинками глаз было что-то хищное, рысье.

— Дитя любви? — с неискренней ласковостью в голосе, двусмысленно сказала она, когда Касеванов представил Майю как дочь Анатолия, и с превосходством законной жены, самолюбиво вздёрнув подбородок, посмотрела на себя в зеркало.

Майя промолчала, отнюдь не проникшись симпатией, а Касеванов сказал:

— Он был женат на её маме. Проходи, Майя, — Касеванов проводил её в гостиную, — пока мы накрываем на стол, Серёнька покажет тебе альбом с фотокарточками, расскажет кто есть кто. Алевтина, — обернулся он к жене, — накрываем в зале.

Серёжа быстро, игриво листал альбом, стрелял большими чёрными глазами по сторонам, устаивая вниманием те снимки, где "это папа, это мама, это я".

— Серёнька, не шали, — упрекнул Касеванов, доставая из серванта бутылку с водкой и рюмки, — впрочем, после ужина посмотрим обстоятельно.

За столом Касеванов налил рюмки, поднял свою и предложил:

— Помянем Анатолия. Он погиб в самом начале. В июле его послали на курсы сапёров, оттуда родители получили пару писем и одно, последнее, в конце октября с дороги. Писал: “Завтра будем в Москве”. А через месяц пришла похоронка. Под Москвой погиб.

Как выяснилось из последующей беседы, об Анатолии Касеванов знал ничтожно мало. В детстве, как правило, испытываешь интерес к старшим, малышня не достаивает внимания. А потом, закончив школу, Толик уехал далеко от дома поступать в лётное училище, не прошёл по здоровью, устроился в техникум, закончил, да там и остался работать. О дальнейшей жизни брата у Касеванова были поверхностные сведения, получаемые от родителей, которые в свою очередь располагали весьма скромной информацией, почерпнутой из его, надо полагать, скудных и нерегулярных писем.

Касеванову было известно, что Анатолий женился. Родители с гордостью показывали ему фотокарточку, на которой Толик был запечатлён с красивой черноокой девушкой, носившей редкое имя Вильма. Помнится, они тогда гадали-предполагали, какой национальности избранница сына: немка, латышка, литовка? А по облику — так и вовсе цыганочка. Отец тогда сказал: “Какая вам разница, главное, девка — что надо! Имя ни о чём не говорит, вон у Гусевых — Луиза”.

А спустя какое-то очень даже непродолжительное время он узнал, что брат с “цыганочкой” расстался и уехал на Дальний Восток. Толик был ласковый, добрый, но скрытный, и ни словом не обмолвился о причине. Так это и осталось загадкой. Мать, естественно, выгораживала сына: “И то сказать, какой с цыганки спрос!”. И пеняла отцу: “Девка — что надо! Много ты в них разбираешься”.

Майя понимающе улыбнулась, ведь это не кто-нибудь говорил, а её бабушка с дедушкой.

— Мама немка, — сказала она и, предваряя вопрос, добавила: — я тоже не знаю причины их развода.

— Она, наверное, снова вышла замуж? — спросила Алевтина, сидевшая напротив, и, гордо вскинув подбородок, посмотрела на себя в зеркальную витрину серванта у Майи за спиной. Она позировала как Нарцисс, влюблённый в своё отражение. Вставляла в разговор междометие — и понимающе переглядывалась со своим отражением, поправляла на столе сервировку — и вознаграждала себя одобрителем взглядом, делала замечание Серёже — и улыбалась себе, дескать, какой шалун.

— Нет, — ответила Майя, — то есть, я не знаю. Когда началась война, мы потерялись. Мы с бабушкой и тётёй попали в Казахстан и с тех пор нам о ней ничего не известно.

Алевтина выразительно посмотрела на мужа и, вздёрнув подбородок, спросила:

— И что же ты ищешь здесь?

— Алевтина, займись Серёжей, видишь, он зевает. Купай, готовь ко сну, а мы с Майей ещё посидим, — снисходительно сказал Касеванов.

Он так тепло и доверительно сказал “мы с Майей”, что она сочла ненужным обращать внимание на Алевтину бесцеремонность.

Потом они с Алексеем Григорьевичем смотрели фотокарточки.

— Это твой дед Григорий, цыганистой внешности, как твоя мама Вильма, потому, наверное, её и защищал, а это бабушка Мария — мы с тобой в неё, белобрысые, а это наш с Толиком старший брат Сергей, погиб ещё в гражданскую войну. Старики всё мечтали внука назвать Серёжей. В первом браке у меня детей не было, а Серёнька родился — отца с матерью уже не было в живых, не порадовались старики. Между прочим, он похож на деда, тёмной масти, — в голосе дяди явственно чувствовалось удовлетворение, что сын в его породе.

Ему, конечно, виднее, но при желании в отпрыске можно было бы найти и материнские черты, но ему, надо полагать, предпочтительнее дедовские, — подумала Майя, — эта самодовольная самка воплотила его мечту, произвела наследника и преисполнена чувства собственной значимости.

За окном уже чернела ночь, и Майя засобиралась уходить.

— Молодой девушке в чужом незнакомом городе небезопасно, — сказал Касеванов, — ночуй у нас.

Постелив ей в гостиной на диване, Алевтина как бы вскользь заметила, что утром они уходят из дому в восемь часов, и громко напомнила мужу, курившему в кухне:

— Ты не забыл, что на завтрашний вечер мы приглашены к Одинцовым?

Это был более чем прозрачный намёк, чтобы гостя вдруг не вздумала загоститься.

Хотя Алексей Григорьевич отнёсся к ней по-родственному тепло и внимательно, Майя понимала, что явилась незваной и нежданной, и вовсе не хотела, чтобы из-за неё в семейной жизни дяди возникли какие-либо трения, и она, чтоб Алевтина сама спала спокойно и не “накручивала” дядю, сказала:

— А я в это время уже буду в пути.

Алевтина мгновенно оживилась и на радостях предложила, улыбаясь своему отражению в зеркале и поправляя причёску:

— Идём в кухню, перед сном чайком побалуемся, у меня в заначке есть несколько “Белочек”.

Чаепитие прошло в идиллической атмосфере, они разошлись по своим спальным местам почти что добрыми подругами.

Не включая света, Майя прошла к дивану, легла навзничь, подложив ладони под затылок, прикрыла глаза, перебирая в памяти, возрождая в своём воображении тех, кого обрела сегодня и тут же потеряла. Как жаль, что они ушли, не подозревая о её существовании. Они не думали о ней при жизни и теперь не упоминают её в своих молитвах там.

Ах, мама, мама, что там между вами произошло, между отцом и тобой — неизвестно, но ты не должна была единолично лишать свою дочь отцовских корней, а его — дочери.

Майя уснула на рассвете, закутавшись в плед от холода, повеявшего в открытую форточку, и очнулась внезапно, когда Серёнька произнёс над её ухом: “Она спит!”.

Она вскочила, смущённая, опасаясь, что задерживает хозяев, но, взглянув на часы, успокоилась. Стрелки показывали половину восьмого, а ей причёсаться — плеснуть воды в лицо и причёсаться.

Дядя уже стоял в прихожей спиной к зеркалу, Алевтина повязывала ему галстук, поглядывая через его плечо на своё отражение в зеркале, и говорила:

— Женился на красивой, так держи форс.

Касеванов повернулся к Майе, протянул руку, поцеловал в щёку, сказал:

— Всяческих благ тебе, племянница, пиши, — и уже в дверях оглянулся, — если вдруг возникнут затруднения с билетом, — лето, — народ едет в отпуска, — приходи, не стесняйся.

Приведя себя в порядок, Майя хотела откланяться. Она поцеловала Серёньку в макушку, подала руку Алевтине, но та пригласила:

— Что же ты, даже чаю не выпила, идём в кухню.

Майя не была голодна, но из вежливости не отказалась.

На столе стояли маслénка, сахарница, лежали кружочки нарезанного батона.

Алевтина разлила чай, сказала: “пейте”, а сама отлучилась.

Майя протянула руку за кусочком батона, но Серёнька накрыл его своей ладошкой. Майя сначала не поняла, полагая, что они оба облюбовали один кусочек, и потянулась к другому, но Серёнька накрыл и его, плутовато глядя на неё чёрными глазами.

— Извини, братец, эта игра не по мне, — пробормотала Майя смущённо и отхлебнула из чашки. Она подумала, что неплохо бы сделать ответный ход в знак признательности за гостеприимство, например, купить торт в “Кулинарии” на первом этаже соседнего дома.

На тот случай, если ни торта, ни чего другого, приличествующего случаю, не окажется, она попрощалась, не посвящая Алевтину в своё намерение, и когда возвратилась с великолепным ореховым тортом, Алевтину с Серёнькой уже не застала. Пришлось оставить торт у соседей с просьбой передать по назначению вечером.

Вот и всё, думала она, спускаясь вниз по ступенькам, с отцом покончено, неужели и с мамой не доведётся встретиться?

24

Обратный билет удалось достать только на поезд, отправляющийся на следующий день, и с вокзала она явилась на турбазу.

Три прежние соседки по номеру, которых она оставила утром спящими, уже съехали. Вместо них застала женщину в годах. Галина, так представилась новая соседка, прилетела из Курска по туристической путёвке в красноярский заповедник “Столбы”, но это был сопутствующий пункт её программы. После трёхдневного пребывания на турбазе ей предстоял многодневный круиз по Енисею из Красноярска до Диксона и обратно на теплоходе “Валерий Чкалов”, который Майя видела у причала. Галина была спортивного склада, в молодости имела разряды, теперь, когда от большого спорта отошла, все отпуска проводила в путешествиях.

Именно так Майя хотела бы проводить свои отпуска и сожалела, что опоздала на ежедневную экскурсию на “Столбы”, но Галина её утешила, сообщив по секрету, что один из инструкторов турбазы согласился по просьбе группы отдыхающих совершить с ними ночной поход к “Столбам”, чтобы с вершины одной из скал наблюдать восход солнца из-за Саянского хребта. Рассказывали, что это незабываемое по красоте зрелище.

— Но у меня нет спортивного костюма, — озадаченно возразила Майя, — не полезу же я в юбке на скалу.

— Наденешь мой, у меня два, — великодушно успокоила её Галина.

После ужина поодиночке, чтобы не привлекать внимания широкого круга туристов и кого-нибудь из администрации, посвящённые в затею

собрались за кустами через дорогу от турбазы, а оттуда группой человек в двадцать двинулись в лес.

Смешанный, с густым подлеском и множеством сушняка по сторонам и под ногами, он не произвёл на неё впечатления. Она видывала другой, роскошный лес, когда однажды в школьные каникулы отдыхала в лагере на берегу большого озера, чистого и прозрачного, с песчаным дном и пляжем, противоположный берег которого темнел едва различимой полоской, по вечерам светившейся огнями расположенного там курорта. А вокруг парил сосновый лес.

Им, старшеклассникам, повезло с вожатой — студенткой факультета физкультуры пединститута. Она хорошо знала маршруты и в своё удовольствие таскалась с ними по ближним и дальним окрестностям. Выходили обычно после завтрака и углублялись в лес, источавший аромат хвои. Идти было легко и приятно по толстой пружинящей подстилке из опавших сосновых иголок. Как и теперь, то был июль — макушка лета. Солнце выкладывалось по полной программе, и золотые потоки струились сверху, сверкая и переливаясь в изумрудной зелени крон, обтекая могучие красно-коричневые стволы. Ближе к полудню разогретый воздух дрожал и струился зыбким маревом, на стволах выступали янтарные капли, и к тонкому аромату свежей хвои примешивался крепкий дурманящий запах смолы.

Иногда обходили невысокую гору, у подножия которой располагался лагерь, вдоль основания, иногда взбирались на вершину и, перевалив через неё, спускались с другой стороны в долину с весёлой берёзовой рощей, лужайками и полянами. Над буйной зеленью порхали бабочки, носились стрекозы, гудели шмели. И этакая красота — среди бескрайних однообразных степей Северного Казахстана.

Между тем среди спутников, поначалу следовавших за вожатом гуськом, сама собой произошла перегруппировка по интересам и симпатиям. К ним с Галиной приблизил пожилой геолог, высокий, худощавый, с аскетическим лицом и молодыми серыми глазами. Когда приходилось преодолевать препятствия вроде валуна или упавшей поперёк дороги лесины, он галантно предлагал поочерёдно сначала одной, потом другой руку, разводил в стороны и придерживал ветки придорожных деревьев и кустарников. Как и Галина, он был счастливым обладателем путёвки на теплоход “Валерий Чкалов”. Впрочем, счастливым на её, Майин, взгляд, сам же он, большую часть жизни проведший в экспедициях, получив путёвку в подарок от профкома по случаю своего пятидесятилетия и перехода на кабинетную работу в своём же ведомстве — привыкай, дескать, друг, к оседлости и респектабельности — скептически оценивал достоинства пассивного отдыха на теплоходе и опасался, что умрёт от скуки.

— Даже мысли такой не допускайте, это надо же придумать: умереть со скуки! — горячо возразила Галина.

Глаза её алчно блестели, геолог ей явно нравился. Кроме того, что-то неуловимое в его облике, поведении, в том, что ни разу не обмолвился о семье, короче, чутьё наводило на мысль, что он, если и не одинок, то, во всяком случае, на него можно позариться.

Посчитав себя третьей лишней, решив из деликатности, что Галину не следует обременять своей персоной, достаточно того, что она посвятила её в затею, пригласила принять участие и даже помогла с экипировкой, Майя приотсталла. Глядишь, и её кто-нибудь подберёт, а если нет, тоже не беда — некоторые идут поодиночке.

Но Олег Георгиевич, так звали геолога, оглянулся, подождал её и спросил с затаённой улыбкой:

— Вам, наверное, с нами неинтересно?

— Ну что вы! — смутилась она и подала руку, перешагивая через сплетение корней.

У него была сухая тёплая ладонь и тёплый взгляд, оставляющий впечатление, будто из-под поношенной, повидавшей виды оболочки выглядывает, смотрит на белый свет юноша, попавший в плен к старухе Старости.

Разговор вертелся вокруг красот природы. Галина превозносила Кавказ, который объездила и облазила вдоль и поперёк, Олег Георгиевич скромно и ненавязчиво вспоминал различные случаи из своей геологической жизни, Майя больше слушала, стесняясь своей провинциальности, малоосведомлённости, неискущённости, но когда и ей случалось вставить слово, Олег Георгиевич заинтересованно поощрял её продолжить разговор, проявить себя. Оказалось, что он бывал в Боровом — жемчужине Северного Казахстана и разделял её восхищение его красотами.

Олег Георгиевич уже бывал на “Столбах”, но присущая ему непоседливость отвергла перспективу провести длинный летний вечер в стенах турбазы, и он согласился составить компанию инструктору Саше, которому нужен был опытный бывалый человек, напарник для подстраховки разношёрстной, романтической, но бестолковой публики, напросившейся в ночное путешествие.

Незаметно наступили сумерки, и когда вышли к бревенчатой сторожке, прикорнувшей на краю небольшой поляны, внизу сгустился мрак, а в светлющем небе вспыхивали звёзды. Окружающий лес слился в сплошную тёмную стену с зубчатым контуром поверху, из-за которого выплывала полная дебелия луна.

В сторожке нашлось достаточно гранёных стаканов, чтобы разлить на всю братию две бутылки красного вина, предусмотрительно прихваченного в дорогу кем-то из туристов, из потаённого места Саша извлёк несколько шампуров, на которые нанизали и поджарили на костре порезанную кружками варёную любительскую колбасу, пожертвованную на общий стол наиболее предусмотрительными индивидуумами, большинство же, как и они с Галиной, отправились налегке, не позаботившись о хлебе насущном.

С колбасой управилась в считанные минуты.

— “Каштанка не наелась, а только опьянела от еды”, — процитировала Зоя, весёлая толстушка лет тридцати пяти, — на десерт предлагаю песню.

Попели нестройными голосами, погасили костёр, Майя с Лилей, как самые молодые, собрали стаканы. Они ещё не успели их помыть из стоявшей у порога фляги, как Саша деловито вскинул на плечо рюкзак и командовал:

— Пошли.

— Подождите, мы ещё не управилась, — попросила Лиля.

— Не волнуйтесь, девочки, я вас не оставлю, — успокоил Олег Георгиевич.

Лиля понесла в сторожку последние стаканы и отчего-то замешкалась, загремела в темноте опрокинутым ведром, а Олег Георгиевич взял Майю под руку и произнёс:

— Какая великолепная ночь!

Чёрное небо уже сплошь было усеяно звёздами, величаво плыла луна, заливая всё вокруг белым призрачным светом, казалось, что находишься в центре мироздания и тебя неспешно обтекает вечность.

Вышла из сторожки Лиля, и Олег Георгиевич, прижав к своему боку Майину руку, увлѣк её вперѣд, вслед за растворившейся во мраке, исчезнувшей из виду группой, рассказывая что-то из своей богатой приключениями жизни. Так и шли: она с Олегом Георгиевичем, а Лиля как бы особняком.

Нехорошо, некрасиво, думала Майя, наверное, Лиля чувствует себя одинокой, уязвлѣнной и уйти ей некуда — вокруг ночь и лес, а тех, впереди, уже и не слышно. Неужели Олег Георгиевич, интеллигентный человек, не понимает, что в ситуации, когда две женщины и один мужчина, оказывать явное предпочтение одной и игнорировать другую, невеликодушно и даже неприлично?

Майя попыталась высвободить руку, но он ещё крепче прижал её к своему боку. Она пришла в смятение: может, он имеет какие-то виды на неё, провинциалочку, или, хуже того, она дала повод посчитать себя доступной? Майя настойчиво отняла руку, сделала вид, что поправляет босоножку, а поправив, пошла автономно, независимо размахивая руками.

— Лиля, — позвала она и протянула руку, — иди сюда.

Но Олег Георгиевич её опередил, подхватив Лиллю под руку и, демонстративно наклонившись, что-то зашептал ей на ушко. Лиля радостно смеялась.

Теперь всё было с точностью до наоборот: те двое шли вместе, а она особняком. Ну вот, подумала она, против чего боролась, на то и напоролась. Лилька не станет оглядываться на тебя, заботиться о твоём душевном самочувствии.

Действительно, та повисла у геолога на руке и торжествующе хохотала.

Майя понимала, что эта пустышка не представляет для него интереса, что весь спектакль — мѣсть его уязвлѣнного самолюбия. Теперь он не казался ей интеллигентным, неординарным, интересным. На поверку он оказался обычным, серым, провинциальным, уязвимым и, главное, мстительным субъектом.

Она прибавила шагу, обогнала их, чтобы лишить возможности куражиться перед ней, и, подогреваемая негодованием, забыв о страхе, вскоре настигла группу. Геолог с Лилькой тоже не замедлил явиться, похоже, они следовали за ней по пятам: ломать комедию впустую неинтересно.

— Подцепить мужчину ума не надо, — сказала назидательно Галина, — а вот удержать... — она сделала многозначительную паузу.

Это был камушек в её огород. Очевидно, Галину задело, что с самого начала предпочтение было отдано не ей, и теперь она торжествовала: пусть он не с ней, но и не с Майей.

Впрочем, Галинино замечание можно было не принимать исключительно на свой счёт, его можно было отнести и в Лилькин адрес — вскоре геолог оставил её и пошёл впереди с Сашей, но всё же Майя возразила, так как была не согласна в принципе:

— А я убеждена, что “подцеплять” мужчину и удерживать — занятие недостойное, это унижительно, не думаю, чтобы я могла такое себе позволить.

— Не зарекайся. Кстати, что ты имеешь в виду под “подцепить” и удержать? Я, например, подразумеваю: заинтересовать. И в этом нет ничего предосудительного. Не так ли?

Майе нечем было крыть, и она согласилась:

— Пожалуй, да. Но это не в моём характере. Я бы предпочла, чтобы меня “подцепили”.

— Ну и напрасно. Ты ограничиваешь свои возможности обрести спутника жизни, лишаясь себя выбора, пассивно дожидаясь, когда выберут тебя.

В словах Галины было рациональное зерно.

— Но в том-то и дело, что не всё в жизни поддаётся руководству разума, расчёту. Я, например, могу быть раскованной, расчётливой с человеком, к которому равнодушна, но чем больше мне нравится человек, тем больше я перед ним робею, и о том, чтобы его “подцепить”, не может быть и речи. Мешает в жизни, но что же делать? Я такая. Впрочем, как я заметила, мужчины не такие уж простаки и зачастую не жалуют тех, кто к ним “цепляется”, и отнюдь не редко обращают внимание и на нас, скромниц.

— Ну-ну, желаю успеха, скромница, — добродушно сказала Галина, — вот видишь, за разговором и не заметили, как пришли к цели.

Тропа закончилась на возвышенности, где облитая лунным светом громоздилась скала. Её верхушка, как будто срезанная по горизонтали, была в диаметре почти как основание.

Саша достал из рюкзака снаряжение: верёвки и крюк. Вместе с геологом они с нескольких попыток закинули крюк на вершину так, что он зацепился в расщелине, и геолог, держась за верёвку и нащупывая ступнями выступы, точки опоры, первым начал восхождение. Он поднимался медленно, подолгу выбирая куда поставить ногу, наконец достиг вершины, проверил надёжность страховки и подал голос:

— Можно подниматься.

— Кто смелый? — спросил Саша.

— Мы, — вызвалась молодая семейная пара.

Первой покарабкалась жена, муж снизу направлял, фиксировал её стопы. Саша страховал мужчину. В какой-то момент, уже близко к финишу, женщина оступилась и села мужу на плечи. Так, верхом на благоверном, подтягиваясь руками по верёвке, она одолела последние метры. Тем не менее, поднявшись с четверенек, вскинула руки в победном приветствии. Ветер трепал светлую косынку в её руке, и Галина шепнула:

— Пойдём в числе последних, там холодно.

Нет, это не по мне. С моими способностями, с нетренированными мышцами — это самоубийство, подумала Майя. В школе на уроках физкультуры она не могла подтянуться на турнике, висела как лапша. Сорваться, покалечиться — чего ради? Но пока промолчала.

— Следующая вы? — спросила у Зои Галина, когда уже почти все поднялись.

— О нет! Я не сумасшедшая, чтобы рисковать головой ради пусть самого распрекрасного зрелища. Я останусь здесь, хотя одной не очень весело.

— Я останусь с вами, — Майя была рада, что не одна в своём решении.

Галина, а вслед за ней Саша поднялись последними, и Майя с Зоей остались одни. Снизу не было ни видно, ни слышно людей, они ушли в глубь площадки, и только круглая луна с любопытством взирала сверху. Вокруг темнел таинственный, загадочный лес, а над всем над этим царила ночь.

— Смотри-ка, кто-то спускается, — удивилась Зоя.

Майя обернулась, и её сердце ёкнуло. Оно ей подсказало, что геолог спускается ради неё.

— В чём дело, почему вы остались? — спросил он обеих, но пристально взглянул в глаза только ей.

Его взгляд выражал понимание и сожаление о происшедшем между ними инциденте, излучал примирительную улыбку, и она ответно улыбнулась.

— Я физически не готова к скалолазанию, а выезжать на чьих-то плечах не могу себе позволить.

— Может быть, это к лучшему, что вы не поднялись. Там ветрено, холодно, а ваша экипировка, — он поднял воротничок её вязаной кофточки, — не для таких мероприятий.

Майя испытала облегчение, была тронута, что он, не посчитавшись с возрастом, сделал примирительный шаг. Обида прошла ещё тогда, когда он оставил Лильку, и с тех пор её не покидало чувство, что она сама неправильно повела себя с ним, задела его мужское самолюбие, ранимое в ситуации значительной разницы в их возрасте, спровоцировала его ответный выпад.

По-видимому, он тоже испытывал радость примирения, и между ними возникло нечто тёплое, задушевное.

Они выбрали место, где коротать ночь, — на замшелом камне у подножия скалы с заветренной стороны. Между скалой и камнем Олег Георгиевич развёл костерок.

— Ну вот, у вас здесь даже уютно, а там, наверху, находишься как бы между двумя безднами: внизу сгустился бескрайний мрак, сверху искрится синяя глубина, а между ними ветер, пробирающий до костей, ну прямо-таки картина сотворения мира.

— Оставайтесь с нами, — сказала Зоя.

Словно в противовес её предложению, к краю скалы подошли несколько человек и скандировали сверху:

— Олег Георгиевич, мы вас ждём!

Инициатор, наверное, Галина, подумала Майя.

Как знать, может быть, он и остался бы подольше, если бы она поддержала Зою, сказала бы: “Останьтесь с нами”. Но она отдавала себе отчёт, что в таком случае надо предложить взамен что-то более интересное, занять беседой хотя бы. А что она может рассказать ему, такому бывалому, выдавшему виды? Её заклонило, она молчала.

Не взглянув на неё, Олег Георгиевич направился к верёвке и стал взбираться вверх. Её сердце тоскливо сжалось. Встретился на пути человек, который, возможно, мог бы стать главным в её жизни, а она не смогла, даже не попыталась его удержать.

Костёр они с Зоей прозевали: вовремя не подложили сушняка, и он погас. Спичек не было, Зоя в лёгкой кофточке озябла и предложила, приплясывая:

— Может, пойдём к сторожке? На тропе развилок не было, не заблудимся. Разведём костёр, там есть спички, напьемся чаю.

Майя согласилась.

Они шли скорым шагом по тропе, освещённой холодным лунным светом, а вокруг на многие километры простирался непроницаемый сонный лес. Справа и слева безмолвно теснились деревья, кустарник, и только их шаги нарушали тишину глубокой ночи. Майя не испытывала страха, как будто бродить ночью по лесу было для неё привычным делом. Зоя тоже ступала энергично — у неё впереди маячила мечта напиться чаю.

Вдруг, неожиданно, справа стена леса разомкнулась, и взору предстало фантастическое зрелище: обширная по площади воронка была завалена вырванными с корнями, нагромождёнными в беспорядке друг на друга деревьями. Косматые корневища-лешие тянули гигантские руки-ветки, чтобы схватить зазевавшихся путников, затянуть в преисподнюю.

— Я не помню, чтобы мы проходили мимо этого нагромождения, когда шли к скале, — озадаченно сказала Майя, — а ты? — она заподозрила,

что сама была слишком поглощена сердечными переживаниями, и не обратила внимания на обочину.

— Мы здесь не проходили, — уверенно ответила Зоя.

— Может, мы были увлечены разговором и не заметили? — настаивала Майя.

— Как такое не заметить? — возразила Зоя. — Идём назад, пока не поздно, мне здесь очень не нравится, — она зябко передёрнула плечами.

Они двинулись прочь от жутковатого места чуть ли не бегом, недоумевая, как могли заблудиться не то что в трёх соснах — на одной, без развилок, тропинке.

Удалившись на приличное расстояние, они попрिдержали рысь, чтобы перевести дух, и вдруг испуганно замерли: им навстречу шли. Ещё не было видно — кто, но слышались неясные голоса, треск веток под ногами.

Схватившись за руки, они не двигались с места. Бежать назад, в сторону завала, не имело смысла, дорога вела неизвестно куда, и удаляться от группы тоже не следовало. Был только один путь — к скале.

— Если кто-нибудь попытается хоть пальцем до нас дотронуться, — сказала Зоя, — кричим, визжим на всю тайгу.

— Да, — согласилась Майя, сдерживая внутреннюю дрожь, а Зоя продолжала:

— Если дойдёт до разговора, скажем, что одна группа дожидается на скале, другая — на подходе, ребята задержались у сторожки, а мы с тобой вырвались вперёд. Пусть знают, что мы не одни, что их не боимся. — Зоя встряхнула головой, выпятила пышную грудь. — Идём.

Между тем впереди вырисовались в сумрачном свете трое мужчин. У Майи мелькнула мысль, что надо было, как только услышали настораживающие звуки, сойти с тропы, спрятаться за деревьями, но теперь было поздно, и вскоре они сошлись.

Это были молодые мужчины в том, однако, возрасте, когда шалости уже не пристали, и первая реплика одного из них, круглолицего крепыша в клетчатой рубашке с рюкзаком за плечами, обнадёжила на мирный исход встречи.

— Ну и ну, две заблудшие овечки, — произнёс он удивлённо и добродушно.

— Вроде девочки не того склада, чтобы в полночь болтаться по тайге, — сказал другой, высокий, с крупными чертами лица, окинув их цепким взглядом.

Третий, бросив рюкзак у ног, закурил, никак не реагируя.

— Мы отстали от группы, — пояснила Зоя, — наши товарищи на скале.

— Вы рискуете, девочки, — сказал высокий, — здесь разный народ бродит, могут и напугать. Ежели что, идите с нами до турбазы.

— Спасибо, но они будут беспокоиться, — кивнула Майя в сторону скалы, заметив на лице Зои колебание. — Всего вам доброго, — и взяв Зою под руку, увлекла вперёд.

— А я бы предпочла идти с ними, — сказала Зоя, оглянувшись на удаляющихся незнакомцев, — ты заметила, какие красивые глаза у того, молчаливого?

— Но мы не знаем их и что у них на уме, — возразила Майя, — а глаза при лунном свете у всех мерцают как звёзды.

Скала стояла как и подобает скале — незыблемая, неприступная. Издали невозможно было различить присутствие на ней людей из-за

темноты, а вблизи из-за угла зрения, отсутствия перспективы, только свисающая верёвка свидетельствовала, что они ещё там.

— Вот видишь, — обиженно сказала Зоя, — они даже не заметили нашего отсутствия, а ты говорила: “будут волноваться”.

— Они уже, наверное, восход наблюдают.

— Представляю себе. Дамочки, небось, восторженные охи-вздохи изображают, нимфами прикидываются, — с досадой сказала Зоя, — а мне сейчас больше всего хочется выпить чаю и в постель. О, наконец-то! — вскинулась она. — Саша прокладывает обратный путь. Смотри, вслед за ним идёт Лилька, а за ней семейная парочка...

— Стоило ли тащиться в такую даль, чтобы всю ночь просидеть под скалой? — высокомерно, задиристо говорит спустившаяся Лилька. — А у нас там весело было, Олег Георгиевич такой заботливый... А какой восход мы наблюдали!

— Восход вы смотрели полчаса, зато всю ночь мёрзли на пронизывающем ветру, а нам с Майей Олег Георгиевич развёл костёр, мы гуляли по лесу, встретили геологов, — парирует Зоя, наделив незнакомцев привлекательным статусом.

Лилька явно самоутверждается, но не раскрытием своих достоинств и добродетелей, а агрессией — грубо, дерзко, неинтеллигентно. Отвечать ей — значит снизойти до её уровня. Да и не в Лильке дело, недалёкой, примитивной девчонке. Это ведь с подачи геолога она возомнила о себе. Спрашивается, зачем ей, Майе, ввязываться в какие-то взаимоотношения, а тем более в распри, с малознакомыми людьми, с которыми через несколько часов расстанется и уже не встретится никогда? Природа — вот что достойно внимания, а они топчутся на пяточке и шипят, как мартовские кошки.

— Оставь эту зануду, — сказала Майя, увлекая Зою прочь, — то, ради чего она карабкалась по отвесной стене и мёрзла всю ночь на ветру, можно наблюдать и отсюда, только немного позже.

Здесь, с теневой стороны скалы, окаймлённой на расстоянии нескольких шагов сосновым лесом, в ночную прохладу и сырость только-только проникает полусвет зари, зато с восточной открывается панорама пологого спуска: сизые клочья тумана клубятся, цепляются за деревья, а вдали над кромкой леса небо розовеет, золотится, подсвечивая прозрачные перистые облака. Наконец, из-за далёкого зубчатого контура выглянул золотой луч, как шаловливое дитя окинул мир весёлым взглядом, и вслед за ним высыпали его собратья, окрасив всё вокруг яркими сочными красками.

— Смотри, Майя, — говорит Зоя, — вот тропа, по которой привёл нас Саша, а мы с тобой махнули вон по той.

Между тем группа из нескольких человек, спустившихся вслед за Лилькой, решает с Сашиного согласия двинуться в обратный путь не дожидаясь остальных — все продрогли и устали.

Майя с Зоей присоединяются к уходящим, Лилька остаётся. Впрочем, вскоре они отстают от группы, рванувшей резвой трусцой.

— Пусть несутся, — говорит Майя, — нам некуда спешить, мы будем наслаждаться утром.

А утро действительно великолепное. Туман испарился, сияет небесная голубизна, бриллиантовыми искорками переливается роса в мягком рассеянном свете, свежий воздух приятно омывает и холодит открытые участки кожи, дышится свободно, в голове легко и ясно.

У сторожки никого не было и, судя по всему, группа здесь не задерживалась.

— Ну и как? Будем кипятить чай? — спросила Майя. — Ты о нём мечтаешь ещё с полуночи.

Это не только забота о Зое и даже вовсе не о ней. Она маскирует своё желание дождаться оставшихся у скалы. Глупое женское тщеславие не может преодолеть соблазн удостовериться, кому отдал предпочтение геолог, тайно надеясь, что никому.

— Сейчас я уже мечтаю о чём-нибудь более существенном. В столовой, наверное, столы накрыли, тётя Дуся на раздаче овсянку в миски ляпает, — мечтательно говорит Зоя, — поспешим же к нашему завтраку.

Ну что ж, видно так тому и быть. Может, так даже лучше — не подвергать себя риску быть уязвлённой.

Голод и усталость притупили яркость восприятия природы — они деловито несутся, уже не глядя по сторонам.

Жестами, доведёнными до автоматизма, тётя Дуся выдаёт в окно раздачи пару яиц, шлёпает в миску порцию овсянки. Теперь часок вздремнуть — и на вокзал. Но вздремнуть не получается — в голове круговерть: проплывают, упираясь верхушками в небо, голенастые сосны, растопырил корявые ветки подлесок, её колышет, качает в клубящемся пространстве, из недр которого возникают образы и лица. Пристально мерцает чёрными буравчиками зрачков дядя Алёша, плутовато улыбается Серёнька, спесиво вскидывает подбородок Алевтина, укоризненно-непонимающе смотрит Олег Георгиевич — ушла, не попрощалась...

До последнего Майя оттягивает свой отъезд на вокзал, но так и не дождавшись возвращения части группы, оставляет записку Галине с благодарностью за экипировку и приветом Олегу Георгиевичу.

... Ты откуда взялась? — тётя Эльза удивлённо и радостно воззрилась на неё, застыв с занесённой над столом свежей накрахмаленной скатертью. — Не станешь же утверждать, что поезд пришёл раньше времени на два часа?

— Нет, не стану, тётечка, я приехала другим поездом.

Майя оставила чемодан у порога, чмокнула тётю в щёку и взялась за другие концы скатерти. Тётино спокойное расположение духа и приготовления к её встрече свидетельствовали, что сокурсница ответственно отнеслась к поручению, письма шли по расписанию, и тётя Эльза, ни о чём не догадываясь, со дня на день ждала племянницу. Ей и в голову не могло прийти, где таскается её тихоня и скромница. Она ждала её не сегодня, так завтра, накануне в доме всё было вымыто, вычищено, постирано, оставалось нанести последние штрихи в убранстве вроде скатерти.

Вскоре Майя сидела за праздничным ужином, рассказывая об институтских делах, зачётах и экзаменах. Тётя подкладывала ей лучшие кусочки, любовалась, гордилась ею.

Когда прибрали со стола, Майя достала из сумочки фотокарточки.

— Взгляни, тётя, — предложила она.

— Ты сфотографировалась? Прекрасно.

Тётя вытерла о передник руки и первым взяла снимок, на котором была запечатлена семья дяди Алёши Касеванова. Сначала её лицо выразило спокойное недоумение: кто это? Майя загадочно молчала, а лицо тётки Эльзы розовело, снимок дрогнул в руке, тётя Эльза опустила на табуретку, подняла взгляд, полный напряжённого ожидания.

— Не томи, это не Вильма с Анатолием?

— Нет, тёточка, к сожалению. Это брат отца со своей женой и сыном. Не правда ли, братья похожи, разумеется, с поправкой на возраст, особенно глаза?

— У них не только внешнее сходство, — заметила тётя Эльза, вглядываясь в лицо Алевтины, — они выбрали женщин одного типа.

— Я подозреваю, что не он выбрал её, а она прибрала его к рукам, — возразила Майя и ревностно спросила: — ты находишь, что она похожа на маму?

— Я так не сказала. Одного типа — это не значит, что похожи. По прошествии двадцати с лишним лет я не могу судить, я не знаю, как теперь выглядит твоя мама. В какой-то момент у меня возникла ассоциация с тем снимком, где они вдвоём с Анатолием, но, скорее всего, из-за сходства братьев, а не женщин. Впрочем, не в этом дело и не это важно. Я догадываюсь, у тебя есть что мне рассказать.

— Да, тёточка, совершенно случайно я раскопала свои корни по отцовской линии. К сожалению, из всей семьи в живых остался только дядя, да и тот мало что мог рассказать об отце, он и сам знал о нём только в общих чертах. Однако, начну по порядку.

Разумеется, ради тёткиного спокойствия она исключила из повествования свои таёжные приключения.

— Знаешь, тёточка, что мне пришло в голову в итоге? — заключила она свой рассказ. — Что до сих пор мы были пассивны, ждали, что мама разыщет нас, а сами ничего не предпринимали. А ведь известно, что под лежащий камень вода не течёт.

— Что мы можем предпринять? — тихо спросила Эльза.

Лёгкая тень набежала на её лицо. Вот оно то, о чём предупреждал когда-то Алекс, подумала она. “Не закичивайся на Майе, — сказал он ей в последнюю ночь перед кончиной, когда ему стало легче, — в твоей привязанности к ней присутствует излишняя исступлённость, граничащая с тиранией, и когда девочка станет старше, чрезмерная опека будет тяготить её. Если объявится её мать, ты отойдёшь на второй план и, зная твою нежную ранимую душу, могу себе вообразить, как тебе будет одиноко. Если представится возможность — встретишь хорошего человека — устраивай свою жизнь”.

Встретишь хорошего человека... Встречала. И убедилась, что для сближения, для совместной жизни набора хороших качеств недостаточно. Это как в кулинарии. Одно и то же блюдо иногда удаётся, иногда нет, хотя готовится по одному рецепту. Неуловимое нечто придаёт основным компонентам завершенность. Так и в межличностных отношениях для гармоничного развития необходимо совпадение по духу. А кроме того она обнаружила, что нетерпима по мелочам. Этот кичится своим знакомством с влиятельными людьми, а тот за каждой фразой вставляет “понимаешь”. Пожалуй, ни с кем, кроме своей милой племянницы, она не уживётся. Только надо учесть предостережение Алекса в смысле тирании. Девочка выросла...

— Тётечка, о чём задумалась? Я говорю: для начала надо бы написать в сельсовет той деревни на Кавказе, где мы жили до войны, сообщить свой нынешний адрес на случай, если кто-нибудь нас разыскивает. Я это сделаю завтра же.

— Да, милая, это ты хорошо придумала, а у меня тоже есть для тебя новость: одна родительница, дочку которой я готовила к экзаменам на ин-яз, имеет возможность составить тебе протекцию. На “Сельмаше” открылась вакансия, зарплата побольше, чем здесь у тебя, и премиальные.

25

На сто процентов женский плановый отдел был во власти обаяния Деева, заместителя директора по экономике. Майя поняла это по тому интересу, с которым воспринималось всё, что касалось его персоны. Из разговоров она поняла также, что он недавно работает в этой должности, и подробности его личной жизни представляют для женщин жгучий интерес.

— Ты видела нашего Деева? — с затаённой гордостью спросила Майю в первый же день Нина Чупикова, простодушная сорокалетняя женщина. — Ах, какой мужчина!

— Вчера видела его с женой в кино, — нарочито небрежно сказала молоденькая Люда и, сделав паузу, оглядела отдел, чтобы удостовериться, что все, побросав работу и разинув рты, с нетерпением ждут её оценки. — Рядом с ним не смотрится.

— Ну как же! — простонала Нина. — Я его жену представляла стройной и черноокой красавицей. Может, он не с женой был, девочки?

— С женой. Я тоже их как-то видела, — подтвердила Клавдия Фёдоровна, скорбным видом давая понять, что разделяет Людину оценку. — Он, она, девочка лет пяти и у него на руках свёрток.

— Сын, — отозвалась Елена Ивановна, начальник отдела, — он каждый вечер с ним гуляет. Мы живём по соседству.

— Что ни говорите, девочки, но это свидетельствует, что Деев серьёзный человек, — спустя некоторое время вернулась к жгучей теме Нина. — Уж наверняка не одна красotka на него глаз положила, а он за обыкновенной внешностью разглядел...

Тут у Нины вышла заминка. Пока она думала, что же разглядел Деев, другие со смехом подсказывали:

- Красивую душу,
- Блестящий ум,
- Золотой характер,
- Кулинарные способности.

Поначалу, с полгода, у Майи не было определённого участка работы. Она подменяла заболевших, отпускнуиков, подключалась при “запарках”, авралах, не считаясь со временем, и приобрела репутацию перспективной сотрудницы.

Спустя какое-то время она заметила, что Деев, входя в отдел, всякий раз с ней встречается взглядом, но ей и в голову не приходило, что он мог заинтересоваться ею. Наверное, он думает: эта Касеванова такая неприлежная, только и оглядывается на дверь, на всех входящих и выходящих, решила она, и однажды, когда он вошёл, не подняла головы от бумаг. Но когда он уходил и уже не мог видеть её, она не удержалась и посмотрела вслед. Уже по ту сторону порога он вдруг резко обернулся, и Майя не успела

спрятать взгляд. Его глаза весело блеснули. В тот же день он позвонил Елене Ивановне: “Пусть ко мне зайдёт Касеванова”.

— Так, Майя, Майя Анатольевна, — сказал он, — вот тебе толстая инструкция, наше министерство в последнее время только такие издаёт, читать на целый день хватит. Я пытался, но не дают, то и дело отвлекают. Ты внимательно прочти, разберись и набросай соответствующий приказ по нашему предприятю, а потом мне суть расскажешь.

В обращении на “ты”, в глазах сквозило дружеское расположение. Было приятно, что Деев дал ей такое, как ей казалось, ответственное поручение. Она постаралась, и Деев остался доволен. Теперь он часто сам, минуя Елену Ивановну, давал ей задания.

Его расположение, замеченное другими, давало ей зелёный свет при деловых контактах с сотрудниками других отделов. Даже неприступная Ершова из отдела труда, доставлявшая всем сотрудницам, а в первое время и Майе тоже, множество неприятных минут своей безосновательной строптивостью, теперь благосклонно предоставляла журнал со статистическими данными, который раньше у неё можно было выпарпать только после долгих, нудных препирательств.

Как-то, уже весной, Майя готовила для Деева справку. По пути на планёрку, проводимую директором, он зашёл к ним в отдел, наклонился, облокотившись на её стол рядом с ней так, что их лица были рядом, и заглянул в справку.

— Что тут у нас получается? — спросил он и коснулся плечом её плеча. Теплота в его голосе заставила её искоса взглянуть на него. Его серьёзный мягкий взгляд проник в самую глубь её глаз и взволновал.

Он ушёл, а она продолжала машинально складывать и вычитать, с кем-то о чём-то говорила, если к ней обращались, а чёрные бездонные глаза неотступно стояли перед её мысленным взором и в душе звучал мягкий волнующий голос. Она вспомнила недавнее совещание у него, в ходе которого у неё возник вопрос. Тогда Деев, дослушав говорившего, вскинул на неё глаза и коротко спросил: “Что?”. Видимо, вопрос промелькнул у неё в глазах, и Деев уловил его, несмотря на то что в кабинете было много людей и он был занят: вёл совещание, слушал выступавших, задавал вопросы.

И много других знаков внимания, расположения и симпатии с его стороны вспомнила она, и волна нежного чувства поднялась в ней.

Ей казалось, что о её чувстве никто не догадывается, пока весёлая и разбитная Конькова из соседнего отдела не развеяла это заблуждение.

— Майечка, — сказала она, сидя на перевёрнутом ведре на краю огуречного поля в подшефном совхозе, когда, закончив работу, они ожидали автобус, — что лучше: журавль в небе или синица в руках?

Майя, ещё не зная, куда клонит Конькова, но чувствуя, что вопрос задан неспроста, ответила уклончиво:

— А это зависит от обстоятельств, от душевного настроения.

— Правильно, от обстоятельств. А душевный настрой не всегда правильно ориентирует в жизни. Если синица в руках, то можно и с журавлём покурлыкать, а если в руках ничего, вернее, никого, то лучше не терять попусту время на журавля, а прежде заполучить синицу. Хочешь, я о себе расскажу? Всё же лучше учиться на чужих ошибках, чем на своих. — И, не дожидаясь ответа, продолжила: — Закончила я институт, и направили меня в деревню, в совхоз. А директором там он, молодой, красивый. И женатый. Поэтому я и не помышляла, что между нами может что-то быть. Первое время я его знакам внимания

не придавала значения. Приятно, конечно, но считала, что это отношение умного начальника к молодому специалисту, желание внушить уверенность в себе на пользу делу. Он, видя мою дремучую бесчувственность, дал понять, что нравлюсь ему. Он пробудил, зажёл во мне ответное чувство. Ведь как чаще бывает? Встретились двое и оба сразу полюбили? Нет. Сначала влюблён один, и он своим поведением, вниманием и прочими приёмами добивается взаимности. Более трёх лет длился наш роман. За это время были у меня поклонники, но я всех отвадила из-за него. А потом вдруг поняла, что отношения наши зашли в тупик. Так и впредь будем украдкой встречаться, целоваться. Клянётся, что любит меня, но семью не оставит. Потому как на ответственной должности, партийный. А мне уже двадцать семь. В селе на таких смотрят как на засидевшихся в девках. И я уехала. В городе поспешно вышла замуж, но удачно, попался хороший человек. Я к чему это рассказала? А к тому, чтобы ты знала: для мужчин, особенно для тех, что на верху служебной лестницы, главное в жизни — карьера. Пока любовь доставляет им удовольствие, не угрожает карьере, спокойствию — хорошо. Но пояись малейшая угроза их благополучию, да та же взбучка в парткоме, партия держит своих сынов в строгости — и любовь улетучивается.

Майя долго противилась чувству к Дееву и, наверное, не дала бы ему разгореться, не почувствуй взаимности. Когда она поняла, что он к ней неравнодушен, она была счастлива. Она ничего не ждала от этой любви, ни на что не надеялась, ведь Деев женат, у него двое детей. Она просто радовалась возможности видеть его каждый день, говорить с ним, ощущать на себе его тёплый внимательный взгляд. Так прошло около двух лет. Развязка наступила неожиданно.

26

— Девочки, шеф приехал! — с нарочитым, наигранным ужасом воскликнула Нина Чупикова, нарезая на подоконнике колбасу для утреннего чаепития. — Судя по всему, и домой не заходил, из аэропорта — прямо сюда. Ой, — Нина присела, — посмотрел на наши окна!

— По пути он может заглянуть к нам, — озабоченно говорит Елена Ивановна и, порывшись в папке, кладёт поближе бумагу, которая может понадобиться шефу. — У тебя готова сводка? — спрашивает она Нину.

Люда достала зеркала, разложила на столе косметические принадлежности, подправляет грим. Если шеф войдёт и застанет её за неслужебным занятием, она не стушется, спокойно и с достоинством наложит последний штрих.

Майе завидно. Она тоже хотела бы заглянуть в зеркало и, если надо, подкрасить что-нибудь, но боится, что разоблачит себя, проявив в данный момент интерес к своей внешности.

Где-то через час раздался скрипучий сигнал внутреннего телефона, Елена Ивановна взяла трубку.

— Зайди к Дееву, — говорит она, выслушав его, и Майя чувствует, как ёкает её сердце, а глаза и губы не могут спрятать разоблачающую улыбку. Она вскакивает, чтобы лететь на зов, но, вспомнив о конспирации, делает вид, что спешит к шкафу, и, взяв первую попавшуюся папку, внимательно смотрит в какую-то бумажку, стараясь придать своему лицу подобающее выражение. А по радио, затрудняя задачу, льётся песня: "... только б день начинался и кончался тобой...".

Деев, видно, только что пришёл от директора, стоя разбирает бумаги на столе. Он оборачивается, и его глаза говорят, что он рад видеть её.

— Это отдай Елене Ивановне, — говорит он и подаёт бумагу, — а это пригласительный билет на трёхдневный семинар. Посмотри, может, съездишь?

Семинар проводит министерство на одном из предприятий отрасли в старинном городе России. Майе хотелось бы поехать, но приглашают начальников отделов, да и тема семинара её смущает, что-то о научно-техническом прогрессе.

— А я справлюсь? — спрашивает она.

— Справишься, — уверенно отвечает Деев.

В это время звонит его жена. Уже не в первый раз она ему звонит в тот момент, когда у него Майя.

— Ты что, проверяешь меня? — добродушно спрашивает Деев в трубку и ласкает взглядом Майю. В его душе полный комфорт: одна любовь струится из глаз в глаза, другая лётся в ухо. — Жарь картошку, я сегодня ещё не ел, — говорит он жене и кладёт трубку. — Оформляй командировку, — это уже Майе.

Деев из тех удачливых людей, что идут по жизни легко и весело, принося радость себе и другим. Майя понимает бесперспективность своего увлечения. Она живёт сегодняшним днём, не загадывая на будущее. Пусть жена жарит ему картошку, растит детей, а ей достаточно видеть его каждый день, чувствовать, что нравится.

Из программы семинара следовало, что первый день отводится заезду, второй — занятиям, третий — экскурсиям по предприятию и по городу.

Майя старательно конспектировала содержание выступлений, волнуясь, чтобы не упустить что-нибудь важное. Но в конце семинара участникам раздали тезисы докладов, и третьей части программы — развлечением, она отдалась с лёгким сердцем.

На следующий день с утра были экскурсии, а после обеда их отвезли на базу отдыха с ночёвкой. В начале вечернего застолья Зинаида Васильевна, начальник отдела министерства, проводившая семинар, произнесла речь и дала зелёный свет веселью. Лилось вино, произносились тосты во славу родного ведомства. Спустя некоторое время Маргарита, соседка по столу и гостиничному номеру, имевшая большой опыт всевозможных семинаров и совещаний, шёпотом предсказала, что скоро у Зинаиды Васильевны случится истерика, а потом она пожелает сплясать “цыганочку”. В самом деле, Зинаида Васильевна вдруг склонилась к плечу сидевшего рядом с ней директора предприятия, на базе которого проводился семинар, и оросила его слезой. Из прерываемых всхлипами жалоб можно было понять, как трудно слабой женщине тащить на своих плечах отрасль и, самое главное, ведь никто не оценит, не посочувствует. Всё застолье горячо протестует, горячо сочувствует. Минуту Зинаида Васильевна безутешна, потом встряхивает головой, как бы сбрасывая с себя бремя государственных забот, промокает слёзы и самоотверженно говорит: “Спляшем-ка “цыганочку”! Маргарита шепчет, что это её коронный номер. Все встают из-за стола, Зинаида Васильевна набрасывает на плечи цветастую шаль, поводит плечами, разводит руками, хлопает правой ладонью по левой пятке и самозабвенно отдаётся пляске. Вслед за ней в едином порыве в пляс пускается всё застолье. Потом начались танцы.

— А кого у вас прочат вместо Деева? — спросил пригласивший её на вальс один из участников семинара.

— То есть как вместо Деева? — не поняла Майя.

— Разве вы не знаете? В кулуарах об этом уже вовсю идут разговоры: Деева забирают в министерство.

Что-то в ней, наверное, это была душа, вздрогнуло, похолодело, покатило, покатило вниз и наконец зашло в протяжной и глубокой отчаянной тоске. Наверное, так воспринимается смертный приговор.

Кажется, она сбилась с такта, кажется, остановилась. Впрочем, возможно в тот момент умолкла музыка. Стали снова рассаживаться за столом, а она, сославшись на головную боль, ушла в свою комнату.

Хорошо, думала она на обратном пути, сидя в самолёте, что это известие не застало её врасплах на рабочем месте, на глазах у сотрудников. Самый острый период тоски и отчаяния она перенесла, переболела сама, без свидетелей, и у неё хватит сил предстать на работе невозмутимой, она будет гасить тяжёлые эмоции деловитостью. Ей очень грустно, но она не станет цепляться за него, вешаться ему на шею, не омрачит оставшиеся дни его пребывания на заводе. Она останется в его памяти красивой, гордой, она расстанется с ним улыбаясь.

В отделе её забросали вопросами, далёкими от жгучей темы: длина и покрой юбок, стрижки, каблуки... Наконец, исчерпав вопросы моды, все занялись работой. Елена Ивановна не проявила интереса к тезисам семинара, она была чем-то озабочена, и Майе пора было идти с отчётом к Дееву.

Она сгорала от нетерпения увидеть его и боялась встречи, боялась выдать свои чувства. Наконец, с душевным трепетом открыла дверь его кабинета и встретила весёлый добрый взгляд. Она вкратце рассказала о семинаре, они посмеялись над пристрастием Зинаиды Васильевны к застольям и “цыганочке”, и у неё отлегло на душе. Она нежилась, купалась в ласковых лучах его глаз и ушла от него с мыслью и надеждой, что тот партнёр по вальсу что-то перепутал, что, может быть, кто-то зачем-то пустил “утку”.

А на следующее утро к ним в отдел пришёл главбух и, подсев к Елене Ивановне, сказал как о чём-то давно известном:

— Всё, выписал Вадиму Юрьевичу денежки, завтра улетает. Ты знаешь, у меня ощущение, что теряю близкого человека. Ах, жаль! Хороший человек, умница.

— Когда коллегия? — спросила Елена Ивановна.

— Послезавтра. Коллегия утвердит — и он уже не наш.

Это был приговор. Ей приговор. Она почувствовала страшную пустоту.

— Майя, — сказала Елена Ивановна, когда главбух ушёл, — не отправляйте отчёт по почте, занесите Вадиму Юрьевичу, он увезёт его в министерство, и обратите его внимание на строчку по плугам.

Она вошла к нему, не поднимая глаз, чтобы не выдать чувства, открыла нужную страницу отчёта, положила перед ним, заговорила и не узнала своего голоса.

— По плугам невыполнение плана — Т-ский завод поставляет некачественные отливки, — произнёс чей-то глухой голос.

Две крупные слезы сорвались с её век и упали, как дождевые капли, на полированную поверхность его стола. Она чувствовала, что сейчас они прольются ливнем и, с ужасом обнаружив, что у неё нет с собой носового платка, прикрыла лицо козырьком ладони.

Деев молча положил перед ней ключ от своего кабинета, сказал тихо: “закроешь”, и вышел, захлопнув за собой дверь.

Излив горе, она подсушила лицо листком бумаги и ушла, оставив ключ в секретариате. Теперь к основной причине переживаний добавились стыд и чувство вины — устроила “потоп”. Что он теперь думает о ней? Кому приятны слёзы?

В отделе жизнь шла своим чередом, но для Майи она потеряла смысл. И вдруг в конце рабочего дня как приговорённому к казни — помилование, вернее, отсрочка, Елена Ивановна, придя от Деева, объявляет:

— Майя, оформляйте командировку. Послезавтра летите в министерство с письмом по корректировке плана.

Майя ошеломлена, но не до такой степени, чтобы не заметить, что окружающие ошеломлены не менее: Деев летит завтра, она — послезавтра. Что бы это значило?

Она не знает что и думать, но ей хочется так думать: Деев использует любой предлог, чтобы подольше видеться с нею, и её сердце захлёстывает бесконечная нежность к нему. Она чувствует, как кровь приливает к её щекам, глаза заискрились, а в сердце замаячила надежда. Надежда неясная, призрачная, надежда непонятно на что.

Следующим утром, едва они расселись по местам, вошёл Деев, направился прямо к ней, положил перед ней тот самый отчёт, который она оросила слезами. Она подняла на него глаза и виновато улыбнулась. Он ответил тёплым взглядом и пояснил:

— У меня будет мало времени, ты сама с этим справишься.

И потом, когда он говорил с Еленой Ивановной о других делах, стоя здесь же, рядом, положив руку на спинку её стула, Майя чувствовала, что он здесь ради неё, чтобы она не комплексовала по поводу вчерашнего “потопа”.

Незадолго до конца рабочего дня, собираясь уходить, он улетал вечерним рейсом, Деев вызвал её к себе в последний раз и попросил сдать в заводскую библиотеку несколько книг. В оправдание своего поручения сказал:

— Я пообещал сыну забрать его из садика пораньше, — и помедлив, добавил: — он мне верит.

Майя поняла, какой смысл он вложил в последние слова “он мне верит”, и испытала двоякое чувство: с одной стороны, она была тронута, что ему приходится оправдываться, с другой — её задело, что он как будто защищается от её притязаний. И напрасно, она никогда не питала относительно него никаких иллюзий.

... Утром Москва встретила её хмурым насупленным небом. Пока ехала в автобусе, начался дождь. Он барабанил в боковое стекло, и заштрихованный косыми струями город казался серым и сумрачным. Выйдя из автобуса, Майя влилась в плотный людской поток.

В министерстве она узнала, что Деев на заседании коллегии и освобождается во второй половине дня. Отсвет благосклонности, питаемой к нему, пал и на неё. В отделе, куда она принесла отчёт, небрежно отложенный в сторону, больше интересовались Деевым, его семейным положением — женщины есть женщины, пусть даже министерские.

Потешив их любопытство и одновременно оценив цепким взглядом их самих, Майя с удовлетворением отметила, что все женщины, которых она увидела здесь и в других отделах, достаточно заурядны и едва ли представят для Деева интерес. Дав ход письму по корректировке плана, она решила, что здесь ей уже нечего делать. Сегодня Дееву не стоит попадаться на глаза — надо привести себя в порядок, выспаться. Да и у него

нынешний день не из лёгких. Впрочем, коллегия — формальность, поскольку вопрос уже решён.

Между тем дождь не прекращался. Усталая, голодная, промокшая, Майя добралась наконец до гостиницы, приняла душ и легла в постель. К ночи ей стало совсем плохо: болело горло, поднялась температура, был озноб. К утру стало чуть легче, но, взглянув в зеркало, она пришла в отчаяние: бледное, осунувшееся лицо, губа вздулась — высыпала простуда.

Первым, кого она увидела, выйдя из лифта в министерском коридоре, был он — высокий, черноглазый, неотразимый, а чуть в стороне щебетали, стреляя в его сторону заинтересованными глазками, две министерские свиристелки.

И опять она прятала свои чувства за деловитостью, отчитываясь в своих действиях, а в голове неотступно вертелась мысль о несовершенстве своей внешности, опасение, как бы он не подумал, что она имеет на него какие-то виды, что ему не интересно то, о чём она говорит, так как теперь заводские дела ему безразличны.

Тут появилась Нина Львовна, заместитель начальника главка, которую за властный и вспыльчивый характер за глаза звали Тигрой Львовной, и завладела Деевым, взяв его под руку.

— Идёмте, Вадим Юрьевич, я вас представлю Виталию Францевичу.

— Ну, хорошо, — сказал Деев, обращаясь к Майе, влекомый Ниной Львовной.

Нервы её сдали, и она чувствовала, что от следующей встречи с Деевым ничего путного уже не выйдет. Отметив в канцелярии командировку, она покинула министерство и купила билет на обратный рейс.

То, что она испытала в тот вечер, когда впервые узнала о переводе Деева в министерство — пронзительное чувство потери, пустоты — снова навалилось на неё в самолёте. Но теперь вдобавок ко всему примешивалось сомнение: а правильно ли она себя вела? Ведь за весь период знакомства с Деевым их отношения держались на его инициативе. Он одаривал её вниманием, продвигал по службе, предлагал интересные командировки, благодаря ему она побывала в разных городах, её кругозор расширился. А она? Она купалась, нежилась в лучах его глаз, улыбки, расположения, но ничего не предпринимала, чтобы закрепить свои позиции, удержать его. Существуют же в конце концов для этого женские приёмы, хитрости. Время от времени в заводских стенах разражались скандальные романы, и не всегда заблудшие возвращались в лоно семьи. Она же сдалась без борьбы.

Тётя удивилась её появлению.

— Не ждала, извини, и вот затеяла большую стирку.

— Я закончила дела, управилась, — сдержанно ответила Майя.

— Ну и погуляла бы в столице, насколько позволяет командировка.

— Я устала, тётечка, — у неё задрожали губы.

— Детка, милая, что случилось? Ты заболела? — тётя испуганно растегнула ей плащ, помогла раздеться.

Майя потерянно села на табуретку возле порога.

— Ты меня пугаешь, Майя, у тебя вид, будто ты понесла непоправимую утрату.

Слова тёти попали в самую точку: жизнь без Деева представлялась бессмысленной, пустой. И зажатое горе вышло на свободу. Она заплакала.

Тётя сняла с неё туфли, отвела на кровать, подала воду, накапав туда валерианы. Майя клала зубами о край бокала, пыталась сдержать

нервную дрожь. Тётя уложила её, сама легла рядом, крепко обняла, помогая унять тряску. Мало-помалу Майя расслабилась.

— Может, расскажешь? — спросила тётя.

— Рассказывать, в общем-то, и нечего. Деева перевели на работу в министерство.

То, что Майя увлечена Деевым, для Эльзы не было новостью. При одном упоминании о нём лицо племянницы светилось, и не надо было обладать большой проницательностью, чтобы догадаться о её чувствах.

— Между вами что-то было?

— Ну что ты! Как можно! — вспыхнула Майя. — И почему вы все такие... такие заземлённые? Думаете, что женщина и мужчина не могут обойтись без пресловутой физической близости. У нас всё не так. У нас взгляды, интонации, улыбки... — Майя замолчала, подбирая слова, а тётя Эльза, улыбаясь закончила:

— Вздохи при луне и жёлтые цветы...

— При чём здесь жёлтые цветы?

Это я вспомнила “Обыкновенную историю” Гончарова, там дядюшка вот так же иронизирует над возвышенной влюблённостью племянника. Я согласна с тобой, что самый светлый, счастливый период любви — период целомудренного увлечения. Счастье заключается в ожидании счастья. Извини, наверное, тебе будет больно это слышать, но лучше переболеть как можно раньше. Всякая любовь, даже самая сильная, со временем тускнеет. Вспомни свою первую любовь.

Майя хихикнула, вспомнив себя, третьеклассницу.

— Вот видишь, теперь ты вспоминаешь с улыбкой. То же самое будет через год-два и с нынешним увлечением. Если бы он не был женат, тогда другое дело. Тогда тебе стоило бы побороться за свою любовь. Но у него дети. И даже если бы он отдал предпочтение тебе, всё равно когда-нибудь наступил бы момент, когда он упрёкнул бы тебя в том, что встала между ним и детьми. И всё, что бы ты ни делала, он бы сравнивал с тем, как это делала жена. И могло бы оказаться, что у жены и картошка жареная вкуснее, и огурцы она солит лучше, и пироги печёт. Потому что он к этому привык. Привык к её пирогам, а не к твоим. А теперь тебе надо поужинать и хорошо выспаться, чтобы завтра на работе никто не догадался, что у тебя на сердце. Ты же не хочешь, чтобы тебя жалели или злорадствовали, не так ли?

— Так, тёточка, так, но почему у одних всё складывается гладко, счастливо, а у других...

— К примеру, у кого гладко и счастливо?

Они перебрали обстоятельства жизни сотрудниц, считающихся наиболее благополучными, и у всех были свои проблемы.

— Если верить твоим выкладкам, у нас в отделе только я одна счастливая, — улыбнулась Майя.

— А ты верь. Верь! Потому что так оно и есть. Вспомни, в течение двух лет общение с Деевым приносило тебе радость и только в конце — сколько ты страдаешь? — и только в конце — муки. Ты потоскуешь ещё месяц-два, а потом острота горестных ощущений пойдёт на убыль. И какая арифметика в итоге? Два года чистой радости! И целая вечность для воспоминаний о ней. Вот на этой оптимистичной ноте давай и закончим.

Спустя несколько дней вечером тётя подала ей раскрытую книгу, где на полях вертикальной чертой был помечен абзац. Майя прочла: “Таня и

Сергей Николаевич полюбили друг друга. Был назначен день свадьбы. Однако она не состоялась. У Сергея Николаевича была невенчаная жена и дети. Он не смог переступить через них... Таня умирала... Когда она оправилась, Толстой Л. Н. сказал ей: "Счастье проходит, а чувство нравственного поступка навечно остаётся с тобой...".

— Спасибо, тёточка, — сказала Майя, — я справлюсь.

Но вовсе не тётины внушения, не Льва Николаевича нравоучения возымели действие. Сама повседневная жизнь, дело, тот самый мир общественной деятельности и исторического созерцания, о котором писал Белинский, не дали раскиснуть, замкнуться, погрузиться во внутренний мир сердца.

27

... Вскоре после годового отчёта на завод прибыли ревизоры. Перед самым их приездом Елена Ивановна надолго слегла в больницу, и Майе, к тому времени ставшей её замом, пришлось пережить немало стрессовых ситуаций, так как проверяемый период таил грехи уголовно наказуемые — приписки в отчётности. В одном случае попросили местные власти — чтобы стать победителем в соцсоревновании по республике области не хватило несколько десятков тысяч вала, в другом — министерство попросило перекрыть недодел другого завода по плугам. А коль высшие инстанции находят это позволительным, почему бы и самим не прибегнуть к такому способу, чтобы получить премию.

Один такой случай был и на Майином счету, когда в отсутствие Елены Ивановны она приняла к отчёту "липовые" накладные по указанию Тагильцева, директора завода. Где уж ей идти ему наперекор, если и Елена Ивановна, и главбух в таких случаях не могли воспротивиться давлению — Тагильцев был крут.

Поначалу была надежда, что если ревизоры обнаружат приписки, Тагильцев свяжется с министерством и оттуда попридержат их прыть. Однако дело приняло неожиданный оборот. К проверке подключился комитет народного контроля, неподвластный министерству, а потом и следственные органы. Как стало известно, ревизоры не сами потянули за нить приписок, сами они не стали бы этого делать. Они получили письменный сигнал, копия которого поступила в комитет народного контроля. Проиригнорировать его они не могли.

Начался многосерийный детектив, затянувшийся на месяцы.

Вот ревизоры и работники комитета народного контроля сняли остатки готовой продукции на складе, проверили по документам отгрузку. Вывод: двести жаток и пятьсот плугов приписаны.

Вот обнаружены излишки подшипников, идущих на жатки, стальных отливок на плуги. Это подтверждает факт приписок. Жатки и плуги не могли быть изготовлены без этих деталей.

Вызовы к следователю десятков работников, у начальника сборочного цеха, подписавшего фиктивные накладные, инфаркт.

— Вы должны были знать, что приписки влекут за собой уголовную ответственность, — сказал Майе следователь.

— Я лицо подчинённое. Мне моё начальство велело принять к отчёту эти документы, — ответила она.

— Суши сухари, тётя, — мрачно пошутила Майя за ужином.

Вслушав её, тётя даже в лице переменялась.

— Ты целиком и полностью зависишь от того, насколько порядочен Тагильцев. Если он станет отрицать, что дал тебе указание включить в отчёт двести “липовых” плутов, ты никоим образом не докажешь противное. Думай, думай, чем, какими аргументами можешь защититься.

— Адвокат пусть думает, — горько шутит Майя.

— Какие могут быть шуточки, на карту поставлена твоя дальнейшая судьба.

Они пьют валериану.

... Тагильцев не перекладывал ни на кого вину, и в конце концов его и главбуха исключили из партии, уволили с работы и отдали под суд.

— Не понимаю, тётя, зачем их лишили партийных билетов до суда? А если суд их оправдает? Ведь частично приписки совершены по указанию свыше.

— Во-первых, они не смогут доказать, что было указание свыше, слова к делу не пришиты. Во-вторых, существует такая установка, будто члены КПСС не совершают преступлений. На скамью подсудимых попадают исключительно беспартийные.

— Но ведь очевидно, что они совершили подсудное дело будучи членами партии. Было бы логичнее принимать решение о пребывании в партии после приговора суда. Если суд признает виновными, тогда и исключить.

— У нас много чего не поддается логике. Предполагается, что глупый народ этого лицемерия не понимает.

Несмотря на то что для неё лично всё закончилось благополучно, её нервишки были изрядно потрепаны, ведь ревизия, следствие, судебные слушания тянулись почти год, и когда позвонили из профсоюзного комитета, предложив “горящую” путёвку на курорт, Майя согласилась.

В конце следующего дня она сидела в вагоне поезда, колёса которого ритмично выстукивали: на восток, в Синегорье, на восток, в Синегорье. Через сутки — толчея на большой станции, пересадка и снова поезд. От старинного сибирского города до Синегорья Майя добиралась обычным рейсовым автобусом, так как заезд на курорт закончился и санаторный автобус к поезду не посылали.

В Синегорье въехали в сумерки. Большой посёлок раскинулся между двумя грядами гор, постепенно сближающимися где-то далеко впереди.

Основная масса пассажиров вышла у магазина, и до санатория Майя ехала вдвоём с полной дамой в каракулевой шубе.

Здание санатория в глубине парка празднично светилось множеством окон.

— Красиво как, — вздохнула Майя, остановившись перед тем как войти в парадный вестибюль.

— Да, — согласилась спутница в каракулевой шубке, — и воздух здесь кристально чист. Я отдыхаю здесь четвёртый раз. Давайте знакомиться, меня зовут Анна Филипповна.

Их поселили вместе на втором этаже. Укладываясь спать, Анна Филипповна спросила:

— Майечка, вы сова или жаворонок? Я, несмотря на мою тучность, жаворонок. Встаю рано и намерена до завтрака гулять на свежем воздухе.

— Если вы не против, я составлю вам компанию, — ответила Майя.

Обедала Майя за трёхместным столиком в компании двух женщин лет тридцати пяти, их звали Фаина и Надежда. Они приехали раньше,

успели подружиться. У них было много знакомых мужчин, но Надежде для полноты коллекции не хватало одного, какого-то лесника.

— Фаина, — говорила за завтраком Надежда, шуря узкие чёрные глаза в дальний конец столовой, — если в ближайшие дни я не познакомлюсь с лесником, я перестану уважать себя как женщину.

— Зачем он тебе? — лениво вопрошала Фаина. — Мало тебе Андрейча и Кости?

— Да ну их, с ними не чувствуешь себя в безопасности. Вчера вечером пошли с Андрейчем к роднику за водой, а на спуске, где большой валун, из-под ног вдруг зверюшка какая-то выскочила. Мой кавалер в сторону шарахнулся, поскользнулся, графин выронил. Мы потом в темноте шарились, шарились, так и не нашли, без воды пришли. А лесник — могучий мужчина, с ним не страшно и в лес, и в ресторан.

— Ну-ну, — засмеялась Фаина, — нашему б теляти волка поймати.

— А что, я женщина ещё ничего. Правда, Майя? — сверкнула глазами Надежда. — Только вот как обратить на себя внимание и в то же время не выглядеть навязчивой, не испугать? А то ведь он в лесу не привык к женщинам, всё больше со зверьём да с браконьерами.

— А вы случайно потеряйте тужельку. Шла-шла перед ним, и вдруг шлёп-шлёп босиком, он сразу обратит внимание.

— Майя, вы коварная женщина. Такое предложить! Уж не положили ли вы глаз на моего лесника? Пятки — моё самое уязвимое место. Мать всегда говорила: “Надежда, не носи босоножки, если хочешь нравиться мужчинам”.

— Что вы, что вы! В моём совете не было злого умысла. Я его ни разу не видела, вашего лесника.

— Смотрите, Майя, вот он, в самом конце зала у окна, за крайним столиком, — вмешалась в разговор Фаина. — Майе он, пожалуй, больше подойдёт. Ты, Надежда, маловата ростом для него, да и пятки у тебя с изъяном, — поддразнила она подругу.

Дня через два, придя к ужину раньше соседок, Майя заполняла заказ-меню на следующие дни. Огромный зал столовой гудел как улей.

— Добрый вечер, — услышала Майя над собой глуховатый голос, и чья-то крупная рука опустила в пустую вазу веточку вербы с начинающими пушиться почками.

Майя подняла голову и встретила долгий, внимательный взгляд человека, которого тут же мысленно окрестила Могучим Кедром. Всё в нём излучало силу и мужество: и высокая крепкая фигура, и смуглое волевое лицо с крупными чертами, и прямой взгляд продолговатых карих глаз. На нём был китель с листочками дуба в петлицах, и Майя догадалась, что это тот самый лесник, на которого имела виды Надежда. Верба, похоже, ей.

— Вам ни о чём не говорит эта веточка? — спросила Майя Надежду, когда они с Фаиной устроились за столом.

— Это вербочка, какая пушистая, где вы её взяли? — равнодушно спросила Надежда.

— По-моему, это первый признак вашего успеха на пути к цели.

— К какой цели? — оживилась Надежда.

— Я, по крайней мере, знаю об одной вашей цели — добиться внимания лесника. Вот перед вами знак его внимания.

— Откуда вы знаете, что это он её принёс? — подозрительно спросила Надежда.

— Сама видела, — засмеялась Майя, — он при мне её сюда опустил.

— И ничего не сказал?

— Он вежливый человек и, разумеется, сказал: “Добрый вечер”.

На следующий день во время тихого часа Майя с Анной Филипповной присоединились к группе отдыхающих, отправлявшихся на прогулку до детского санатория, расположенного в трёх километрах. День был солнечный, тихий, подтаивало, дорога шла лесом. Потрескивали ветки под тяжестью рыхлого снега, время от времени снежный ком срывался и падал, увлекая за собой другие. Ветки вздрагивали, расправлялись, распространяя вокруг свежий запах хвои. На обратном пути, не доходя до своего корпуса, Майя с Анной Филипповной и ещё двумя женщинами присели на скамейку. Все устали, а заходить в помещение не хотелось. Майя не заметила, откуда появился лесник, она его увидела только тогда, когда он подошёл совсем близко. В его крупных ладонях спокойно и уютно сидел заяц. Кедр опустил на корточки перед скамьёй и посадил зайчишку Майе на колени. Майя в первое мгновение отшатнулась к спинке скамьи, ожидая что заяц прыгнет, но тот сидел, где его посадили, подрагивая ушами. Кедр смотрел Майе в лицо и весело улыбался.

— Он ручной, — сказал Кедр и осторожно убрал зайца.

В воскресный день за завтраком объявили, что через час состоится пешеходная прогулка к минеральному источнику.

На время, оставшееся до прогулки, у Майи был заказан междугородный разговор с домом, и, если связь не подведёт, она успеет на экскурсию.

Подвела связь — слышимость была почти нулевая, немного сама замешкалась, и когда пришла к месту сбора у восточного корпуса, то застала там только жирного кота, лениво жмурившегося в сторону поднимавшейся в гору цепочки отдыхающих. Его вид говорил: умный в гору не пойдёт. Тем не менее Майя решила идти. Главное — не упустить из виду хвост цепочки, иначе можно уйти не в ту сторону, так как от тропы идут ответвления.

Минут через пятнадцать она всё же потеряла экскурсантов из виду, но их голоса и смех стали слышаться громче и не сверху, а справа. Майя догадалась, что тропа повернула круто вправо, и кто знает, куда они там ещё повернут, за ними не угнаться. Пока не поздно, надо поворачивать назад и потихоньку спускаться.

Метрах в десяти, в стороне от тропы, Майя увидела рябину и ей захотелось отломить веточку, чтобы поставить в вазу рядом с вербой. Снег оказался довольно глубоким, но Майя благополучно добралась до цели. Отломив веточку, она повернула назад к тропе, но пошла не по своим следам, а взяла немного ниже. Вдруг, не дойдя несколько шагов до тропы, она провалилась почти по пояс. Хоть яма была неглубокой, но выбраться из неё мешали ветки на дне. Барахтаясь в снегу, Майя вдруг увидела спешившего по тропе вниз, к ней на помощь, Кедр. Ей и приятно было видеть его, и досадно, что он застал её в таком виде. Выбравшись с его помощью, она спросила:

— Как вы здесь оказались?

— Я шёл с экскурсией. Оглянулся — увидел вас. Дождаться не решился, постеснялся навязывать своё общество. Когда повернули направо и вас не стало видно, я вернулся, чтобы дождаться, а вы тем временем предприняли непонятный манёвр в сторону, закончившийся аварией, и я поспешил на выручку. Ну как, пойдём или вернёмся?

— Пожалуй, вернёмся, — сказала Майя.

Они медленно спускались, и Кедр рассказывал ей о лесе.

— Здесь в основном сосна и лиственница, а там, где я живу, есть кедр и пихта.

Он вскользь обмолвился, что приехал в своё лесничество после армии, и с тех пор лес стал его домом, работой, жизнью.

Майя слушала молча, изредка поглядывая на мужественное обветренное лицо. Она слышала от Надежды, что жена оставила Кедра, не захотела жить в глуши.

Вечером он постучал к ним в комнату, вошёл несколько смущённый, и сказал:

— Майя, если у вас не намечается ничего более интересного, пойдёмте со мной в кино.

— Идите, Майечка, идите, пока приглашают, — сказала Анна Филипповна, не дожидаясь Майино ответа, — думаете, всегда будут приглашать? Нас уже не приглашают, — вздохнула она с лёгкой грустью.

Ещё несколько вечеров они провели вместе. Гуляли в парке, бродили по заснеженным улицам посёлка. Майе нравились деревянные домики, дымок из труб, палисадники перед окнами.

— Как должно быть тепло и уютно в таком жилье, — сказала как-то она, обернувшись к Кедру, отставшему на полшага, — в печи дрова потрескивают, половицы деревянные поскрипывают, пушистый кот мурлычет.

Кедр как-то растроганно посмотрел на неё, взял за плечи, притянул к себе и поцеловал.

В эту ночь она долго не могла заснуть. Вспоминала подробности каждой встречи, поцелуй, как с трудом перевели дыхание, как смотрели друг другу в глаза. Его взгляд излучал теплоту и нежность, и в её сердце робко затеплилась надежда на счастье.

Вслед за этим пришли сомнения. Её слова об уютном жилье он мог истолковать как намёк, как призыв: позови, мол, меня в своё одинокое лесное гнездо. И, растроганный, ответил лаской. А она раскисла, размечталась. Нет, она не позволит себе увлечься. Не хватало ещё стать героиней курортного романа. Надежда с Фаиной рассказывали, как рыдали две женщины с предыдущего заезда, расставаясь с поклонниками.

Он искал встречи с ней весь следующий день, но она сумела сделать так, что встречи эти были на людях. Она была равна с ним, но он чувствовал, что что-то случилось, искал причину и не находил, и смотрел на неё тревожным вопросительным взглядом.

Вечером она рано легла в постель, сославшись на головную боль. Анна Филипповна предложила таблетку и ушла с приятельницей на ежевечернюю прогулку. Вернувшись, как бы между прочим сказала: “Ваш знакомый гуляет один и вид у него печальный”.

Майя промолчала, а у самой тоскливо заныло сердце. Но и в следующие дни не изменила своего поведения. Она рассудила так: возможно, она нравится Кедру, возможно, ему приятно быть с ней, иначе он не стал бы искать её общества. И ничего предосудительного нет в том, если бы они проводили вместе время, тем более что и он одинок, и она. Но дело в том, что для него это, возможно, лёгкий флирт, мимолётное увлечение, каких на курортах бывает немало, а вот она... Легко решить — “не позволю себе увлечься”. А если это уже произошло, если уже сейчас предстоящий отъезд

вызывает тоску и уныние? Стало быть, надо всё это пресечь в самом начале, иначе потом горечь потери будет ещё острее.

Однако эти теоретические рассуждения хороши были до тех пор, пока Кедр не оставлял её своим вниманием.

Но однажды утром Кедр не пришёл на завтрак. Это удивило и встревожило Майю. Что бы она ни делала, её мысли были заняты Кедром. Тусклым, унылым казался день. Не было Кедра и за обедом. “Уехал”, — решила Майя. Во время тихого часа она не пошла гулять с Анной Филипповной, ей хотелось остаться одной, хотелось плакать. То она терзалась собственной несправедливостью: зачем избегала Кедра, зачем не была откровенной в своих чувствах к нему? То закипала обида на Кедра, и собственное поведение представлялось дальновидным и мудрым. Хорошо бы она выглядела, если бы безоглядно отдалась чувству, а он пренебрёг ею!

Томительно долго тянулось время до ужина. За ужином Надежда, лукаво шурясь, сказала:

— Фаина, посмотри, пожалуйста, мой Андреич на месте? Сама не хочу оглядываться, а то загордится.

— На месте. Куда он денется? — удивилась Фаина. — Кому он нужен, кроме тебя?

— А когда на глазах — спокойнее. Вот лесник — был и нету. А я не привыкла без мужчины. Когда рядом мужчина, я себя увереннее чувствую.

Тянулся долгий унылый вечер.

Комната Майи была последней в конце коридора. Сразу за ней был небольшой холл, где стояли трюмо, диван, два кресла и фикус. В холле находили уют любители уединения. Свет там обычно не включали, достаточно было коридорного освещения.

Вставив ключ в замочную скважину, Майя услышала скрип кресла в холле и знакомый глуховатый голос:

— Майя, — сказал Кедр, выходя из полумрака, — мне надо с вами поговорить.

Она слегка вздрогнула от неожиданности. Сердце отчаянно забилось.

— Я сниму пальто, — ответила Майя и, войдя в комнату, обессиленно опустилась на стул, чтобы унять сердцебиение. Минуты через три она вышла. Кедр встал ей навстречу, крепко взял её за запястье и увлёк в глубину холла.

— Майя, — заговорил он, не выпуская её руки и настойчиво глядя ей в глаза, — осталась неделя до конца сезона. Я не могу и не хочу уехать, не сказав вам. Я вас люблю. Есть ли у вас что ответить мне?

— Есть, — тихо отозвалась Майя и опустила голову ему на плечо.

Он обнял её и мягко привлёк к себе.

Потом они сидели в креслах, и Майя спрашивала, где он был весь этот день, рассказывала, как томилась, скучала без него. Он задумчиво смотрел на неё. Майя спросила, о чём он думает.

— Я сожалею, — ответил Кедр.

— О чём?

— Что мы не стали целоваться с самого начала.

Майя счастливо засмеялась.

— Я ездил в город, — пояснил Кедр, — чтобы поговорить по телефону со станцией Таёжной, отсюда не дозвониться. Там у знакомых я оставил мотоцикл. Просил, чтобы к моему приезду мотоцикл был на ходу.

Кедр помолчал, взял Майину руку и, склонив голову, прикоснулся к ней губами. Майя свободной рукой провела по жёстким густым волосам.

— Майя, — глухо сказал Кедр, — поедem со мной. Навсегда.

— Что я буду делать в лесу?

— Меня любить.

Майя в замешательстве молчала. Всё было неожиданно.

Кедр, понимая её растерянность, предложил:

— Я предлагаю так: отсюда мы едем ко мне. Побудешь у меня сколько захочешь, сколько сможешь, потом уедешь домой, уладишь свои дела, и я приеду за тобой. У нас в лесничестве и леспромхозе тоже можно работать экономистом или бухгалтером.

Майя улыбнулась:

— У Чехова есть рассказ “Из дневника помощника бухгалтера”. Читал?

— Нет.

— Первая запись: “Наш бухгалтер Плоткин заболел. Доктора говорят: скоро помрёт. Наконец-таки я буду бухгалтером”. Через два года: “У бухгалтера опять заболела грудь. Если помрёт, то место за мной”. Ещё через два года: “В Аравии холера. Быть может, в Россию придёт. Быть может, бухгалтер заболеет и помрёт, и я получу место бухгалтера”. Через три года: “Во дворе Плоткина всю ночь выла собака. Моя кухарка говорит, что это верная примета. Стану бухгалтером, куплю енотовую шубу и шлафрок”. Наконец умер Плоткин, а бухгалтером назначили не его, а Чаликова. Следующая запись: “У Чаликова жена сбегала. Может, с горя наложит на себя руки. Ежели наложит, я бухгалтер”.

Так и я в вашем леспромхозе буду ждать места. Но я согласна. Только, может быть, я поеду к тебе не сейчас. Я на работу опоздаю и тётя будет волноваться, если задержусь. Лучше ты приезжай ко мне. Посмотришь наши края, может, тебе у нас понравится.

— Майя, я не против к тебе приехать, но поскольку ты уже здесь, почти рядом с моим домом, поедem ко мне хоть на два дня, хоть на день! Будешь иметь представление, чтобы можно было сравнивать. Потом вместе будем решать.

На станцию Таёжную приехали далеко за полдень. Оставив Майю в зале ожидания, Кедр ушёл за мотоциклом. Через полчаса он появился в унтах и полушубке.

На площади перед вокзалом мела колючая позёмка, надвигались сумерки. Кедр отстегнул полог у коляски мотоцикла, достал оттуда тулуп, распахнул перед Майей.

Укутанная с головы до пят, она села в коляску, и мотоцикл рванул вперёд. Всё было хорошо, и Кедр был заботлив, но сердце у Майи тревожно дрогнуло, заныло. Она не оставила о себе никаких сведений, никому не сказала, что уезжает с Кедром. Случись что-нибудь, мало ли бывает дорожных происшествий, и тётя знать не будет, куда она исчезла, а если и узнает, то для неё будет загадкой, как её послушная племянница оказалась в глухом таёжном краю и по своей ли воле. Это уже второе её таёжное приключение.

Проехали станционный посёлок, дорожный указатель подсказывал, что впереди посёлок леспромхоза. Пролетев по главной улице, Кедр повернул в сторону леса. Сумрачный, суровый, он с двух сторон подступал к дороге, сгущая тьму. Кедр включил фару. Он всё чаще оборачивался к Майе, говорил что-то ободряющее, но она ничего не слышала из-за тулупа и шума мотора, но по выражению лица догадывалась: скоро приедem.

Наконец лес раздался, открыв взору большую поляну, сбоку которой примостился бревенчатый дом с надворными постройками.

Они въехали во двор, огороженный невысоким частоколом, остановились у крыльца. Кедр помог Майе выбраться, повёл на крыльцо. Открыв входную дверь, первым вошёл в темноту и тут же, вернувшись с фонариком, как тогда, в холле, крепко взял Майю за запястье и повёл за собой.

Снова тревожно заныло сердце. Как она могла, как решилась на такое предприятие! Так могла поступить восемнадцатилетняя девчонка, а ей, слава Богу, тридцать. Запаниковала, старушка, как же, последний шанс. От этих мыслей Майя пребывала в скованно-смущённом состоянии.

Между тем они прошли большие сени и вошли в горницу. Почему-то Майя подумала именно этими непривычными словами: сени и горница.

Кедр зажгёт лампу, висевшую над столом, и Майя огляделась. Справа была большая русская печь, потом дверь в другую комнату. Прямо — два окна, в простенке между ними — большой стол, слева — шкаф с кухонной утварью, у печки — скамья, у стола — табуретки.

— Сейчас я растоплю печь, потом затоплю баню. Согреешься, отдохнёшь и станет веселее, — сказал Кедр.

Он занёс охапку дров и через несколько минут в печи загудело. Майя села перед дверцей и стала подкладывать поленья. Кедр тем временем принёс воды, поставил чайник, достал из рюкзака, привезённого со станции, банки с тушёной, распечатал и поставил разогревать, а сам ушёл затопить баню. Зашумел чайник, заметно потеплело в комнате. Вернулся Кедр, поставил на стол миску с мёдом, в другую переложил тушёнку, нарезал хлеб, извлечённый из того же рюкзака, заварил какую-то траву и коричневые листья.

Всё показалось Майе необыкновенно вкусным: и пышный хлеб, и душистый мёд, и ароматный чай.

— До меня здесь жил лесник, — между тем рассказывал Кедр. — Года три назад он уволился — детям в школу далеко, переехал в посёлок, и эта сторожка стояла пустая. Другой лесник, принятый на его место, живёт в деревне в другом конце участка. Я в то время работал в лесхозе. Надоело бумаги перекладывать, хотелось живой работы, а тут в Сосновском лесничестве освободилось место техника, ну я и перешёл. Когда с женой развёлся, занял эту сторожку. Хорошо здесь, особенно летом. А до посёлка, сама видела, на мотоцикле около часа.

— Она в посёлке живёт?

— Нет, уехала в Красноярск. У меня в посёлке дом, сам срубил. Друзья, конечно, помогали, но в основном сам. Сейчас там временно кварталы живут. Если останешься, поселимся там.

— Я хочу быть с тобой, но где — давай решим после того, как ты приедешь ко мне, посмотришь наш город.

Когда Кедр сказал, что идёт посмотреть, готова ли баня, она пришла в смятение. Кто знает, как тут у них заведено. Может, Кедр предполагает, что в баню они пойдут вместе? Нет, она не может себе такое позволить.

— Готово, Майя, собирайся. Я провожу тебя, — сказал он, входя в комнату. — Не попарившись в баньке, ты не будешь иметь полного представления о прелестях здешней жизни. Не торопись и ничего не бойся. Я знаю, ты трусишка, — Кедр лукаво улыбнулся, — но ты закроешься на щеколду, и никакой медведь тебе не страшен.

Майе стало стыдно. У Кедрa и в мыслях не было того, о чём она подумала.

— Спасибо, Миша, — смущённо улыбнулась она и провела ладонью по его щеке.

Он понял её состояние, взял её руки в свои, посмотрел внимательно в глаза и сказал:

— Ни о чём не волнуйся, всё будет так, как захочешь ты.

Проводив Майю, Кедр ушёл в дом, а она, оставшись одна, ещё раз попыталась мысленно разобраться в своих чувствах.

Конечно, двадцати дней курортного знакомства мало, чтобы узнать человека. А чтобы полюбить? Бывает же любовь с первого взгляда. Только в одних случаях она сохраняется и при втором, и при последующих взглядах, а в других — улетучивается. Пожалуй, хорошо, что она поехала с Кедром. За сутки она узнала его больше, чем за все дни курортного знакомства. Если бы они разъехались каждый в свою сторону, а потом он приехал бы за ней, как она предлагала, она не имела бы ни малейшего представления о том, куда он её зовёт. И Кедр, вероятно, думал об этом, настойчиво приглашая к себе. Чтобы она потом не ахнула: “Куда ты меня завёз!”.

“Всё хорошо, всё правильно и нечего терзаться”, — в конце концов сказала себе Майя, одеваясь в чистом предбаннике. Баня сняла усталость, дала ощущение собственной чистоты, привлекательности.

Кедр уже ждал её на крыльце дома. Он перемахнул через перила и в мгновение ока оказался рядом.

Ветер утих, разогнав тучи. Высоко в небе мерцали звёзды, в лунном свете искрились волнистые перемёты снега на поляне перед избушкой.

Майя была без варежек, и Кедр продел кисти её рук в рукава своего полушубка. Его руки крепко обхватили её запястья.

— Послушай тишину. Как будто мы одни во всей вселенной. В городе такой тишины не услышишь. А летом здесь какая красота! Вон там берёзовая роща, а дальше течёт речушка, дно в ней песчаное, вода прозрачная и...

Кедр вдруг умолк, прислушиваясь. Майя тоже насторожилась и услышала шум мотора, а вскоре увидела приближающийся свет фар.

— Несёт кого-то нелёгкая, — с досадой сказал Кедр. — Иди в дом, в дальней комнате я постелил постель, ложись и отдыхай, а я постараюсь спровадить неожиданных гостей.

Майя ушла в дом, но ложиться не стала, пока не прояснится, что за гости. Она села у тёплой стены, обогреваемой печкой, и взбила влажные волосы. В передней комнате слышались голоса и стоны. Потом чей-то голос сказал: “Михаил, ты прости нас. Сами понимаем, что не вовремя, да нет у нас другого выхода”. Майя догадалась, что о её присутствии знают. Через некоторое время в дверь постучали и вошёл Кедр с виновато-растерянным видом, сел рядом.

— Это наши. Егерь с охотинспектором. Наткнулись на браконьеров, стали преследовать, а те с оружием, егеря ранили, а тут мотоцикл забарахлил. Ехали мимо, увидели свет в доме, обрадовались. Я охотинспектору свой мотоцикл отдал, он поехал за врачом. Егеря вести на мотоцикле опасно, ранение серьёзное, весь посерел, бедняга.

— У меня анальгин есть, — сказала Майя.

— Давай дадим, может, полегчает, — обрадовался Кедр.

Егерь лежал с закрытыми глазами на широкой лавке у печи.

— Ерохин, есть анальгин, может, выпьешь? — спросил Кедр.

Ерохин открыл глаза и снова закрыл, чуть кивнув головой.

— Я посижу с ним до приезда врача, а ты ложись, устала.

— Нет, я с тобой буду, — возразила Майя, — в поезде выплусь.

— Останься ещё на сутки, — попросил Кедр. — Ты не видела ни посёлка, ни здешних окрестностей, мы даже поговорить с тобой не успели как следует.

— Нет, Миша, не могу, — мягко сказала Майя. — Я же потом застряну на неделю. Сам знаешь, как трудно с билетами. А общее представление о здешних местах у имею и о тебе тоже, — улыбнулась она.

Кедр вопросительно взглянул на неё.

— На курорте я мысленно окрестила тебя Могучим Кедром.

— Ну останься, — Кедр накрыл своей крупной ладонью её ладошку. — Очень прошу тебя. Я почему-то уверен, что на работе к тебе не будет претензий, если задержишься.

— Не могу, тётя будет беспокоиться, она мне как мама.

— Дадим телеграмму, что задерживаешься.

— Уехала в Синегорье, а телеграмма с какой-то станции Таёжной. Нет, Миша, раз уж так получилось, пусть будет так. Тебя буду ждать.

Охотинспектор с врачом приехали в два часа ночи. Пока врач сделал укол, обработал рану, перевязал, пока Ерохина отвели, усадили в машину, прошёл ещё час. Наконец они уехали, но остался ещё охотинспектор.

— Михаил, помоги, давай вместе посмотрим, что с моим мотоциклом, чтобы я поскорее убрался, — попросил он виноватым голосом. — Я бы мог с ними уехать, но мне утром надо в райцентр, а без мотоцикла, на рейсовом автобусе я только к обеду попаду.

Пока Кедр с охотинспектором возились с мотоциклом, Майя нажарила картошки с салом, вскипятила чай. Наконец пришёл Кедр.

— А где твой инспектор? Я картошки нажарила на троих.

Кедр потянул носом воздух.

— Ух, какая вкуснятина. Я съем за двоих. А инспектора я спровадил. Он хотел идти к тебе с извинениями и попрощаться, но я не пустил, сказал: “Проваливай”. И так всю ночь проканителились.

Времени оставалось только на неторопливый завтрак. Они с Кедром сидели за столом друг против друга, в печи потрескивал огонь, шумел чайник.

... И вот поезд вёз её всё дальше от станции Таёжной. Несмотря на проведённую без сна ночь, Майя не могла уснуть и мысленно повторяла путь от Синегорья туда, в лесную сторожку на заснеженной поляне. На душе у неё были покой и ожидание счастья. Скрытная по натуре, она припрятала свою радость на самое донышко души. Тёте она решила рассказать о Кедре тогда, когда получит от него первую весточку.

Но прошла неделя, а от Кедра не было вестей. Для письма срок короткий, а дозвониться оттуда непросто, — успокаивала она себя. В течение следующих двух недель она гасила тревогу, объясняя молчание Кедра тем, что он не стал писать и звонить потому, что сам вот-вот нагрянёт. Потом она уже ничего не ждала.

Временами, вспоминая доброе лицо Кедра, она не хотела верить чёрным мыслям. Его могли послать в командировку, письмо могло затеряться, он мог заболеть, да мало ли что могло случиться. Ещё немного, и Кедр даст о себе знать. Но проходило время, и Майя снова говорила себе: “Кедр надо забыть”.

Продолжение следует.

Марфуга БЕКТЕМИРОВА

“È ёраіâü, è ââñíà —
âñ ó íâñ âíâðâäè!..”

Беспокойное сердце

А может, зря я и
напрасно плачу,
И моё счастье где-то рядом скрыто?
Но всё равно я не ишу удачу,
Когда у скакунов горят копыта.

Бывают дни — от боли я немею.
И даже иногда себя ругаю.
Но жить, как все, я просто не умею,
Я чувствую,
Что я — совсем другая.

Пройду спокойно через лёд и пламя,
Не утрашусь телесного увечья.
Лишь только б ты мою святую память
Не расколос о скалы бессердечья!

Когда цветов коснутся злые ветры,
Глядишь, — они поникли головою.
А там, где чувства зябнут без ответа,
Там сердцу не иметь уже покоя.

Имя казахской поэтессы **Марфуги БЕКТЕМИРОВОЙ** хорошо известно в нашей республике. Она — член Союза писателей Казахстана, лауреат фестиваля “Жигер” творческой молодежи республики, победительница состязания поэтов страны, посвящённого 150-летию великого Абая, лауреат премии акима Костанайской области за выдающиеся достижения в сфере культуры и искусства, деятель культуры РК. Автор поэтических сборников “Ласточка”, “Зеркальное озеро”, “Подснежник”, “Любящее сердце”, “Озеро души”, “Где ты, мой лебедь?”, “Моя Атлантида”. В прошлом году в Москве была выпущена её книга “Белый парус мечты”. В настоящее время живёт и работает в Астане.

Редакция журнала “Нива” поздравляет своего постоянного автора Марфугу Бектемирову с золотым юбилеем и желает ей новых творческих свершений, неиссякаемого поэтического вдохновения, крепкого здоровья, благополучия и счастья!

Готова верить правде или лжи,
Неистово, как в чудо верят дети,
Когда б сказали мне:
“Отец твой жив!” —
И стало бы мне легче
Жить на свете.

Когда есть солнце — не опасна тьма,
И ночь при звёздах кажется светлее.
Я без тебя могу сойти с ума,
Жизнь без тебя всё горше, тяжелее.

Судьба, не пощадившая отца,
Ты так несправедлива и жестока!
Без доброго отцовского лица
Сама себе кажусь я одинокой.

Но в сердце ты моём и день, и ночь.
С чем я могу сравнить мою потерю?
Я дочь, я твоя любящая дочь!
И в то, что нет тебя —
Я не поверю!

Ты — самый дорогой мне человек
Из всех людей, кого я только знаю!
Отец, я так тоскую по тебе,
Что даже твердь
Кольшется земная.

Звезда

Смотреть на звёзды — праздный труд
У бездны на краю.
Они надолго в плен берут
Фантазию твою.

Как разгадать — в чём тайна звёзд
И сила языка?
Как к счастью перекинуть мост? —
Вопрос на все века.

Так за витком идёт виток
В далёкие миры.
Горит и светится цветок
На острие горы.

Не бойся ночи, моя муза!
Ответь мне тихо, как дела?
Скажи, с каким нелёгким грузом
Ко мне сегодня ты пришла?

Пересказать тебе мне трудно,
 Где мне приходится летать.
 Своей пылливой, жадной грудью
 Должна я многое впитать.

Порой печальною невестой
 Сидеть за праздничным столом,
 Мечтая возвратиться в детство,
 Но все дороги замело.

Садись ко мне, моя сестрица,
 Поведай радость и добро.
 И под луной пускай искрится
 Твоих серёжек серебро.

Ты говоришь,
 Вздохнув, устало:
 “Опять белым-бела земля,
 И толстым снежным покрывалом
 Укрыты степи и поля”.

26 сентября

Двадцать шестое сентября —
 На белых берёзах в листве полыхает заря.
 Под утренним солнцем
 Для нас эти свечи зажглись.
 Я в руки беру
 Твой божественный томик,
Марина!
 Мы — две поэтессы с тобой
 В этот день родились.

Двадцать шестое сентября..
 Так Слово явилось,
в таинственном тигле горя́,
 И эхо его прокатило
 От гор до равнин,

И дождь золотой
освятил твоё имя,
Марина!
 Как жаль, что мой голос
 Не может сравниться с твоим!

Мне песня твоя встревожила душу не зря.
 Прыжок антилопы стремителен,
 Как наваждение,
 Ведь ты родилась
 В этот солнечный день сентября.
 Но двадцать шестое — это и мой
 День рожденья!

На берегу Тобола

Как ты весной волнуешься, Тобол,
Когда деревьев набухают почки!
Но не сравнятся в красоте с тобой
Весенних трав зелёные листочки!

Ты — царь!
Все остальные — слуги!
А тот, кто не поверит мне,
Пусть поглядит,
Как лёгонькие струи
Качаются на вздыбленной волне.

Ты — символ силы, гордая река!
И в тесноте береговых извилин
Играючи, ты топишь облака.
Но против своих волн и ты бессилён!

Я так люблю сидеть на берегу,
Деля с тобой и радости, и беды.
А иногда часами я могу
Вести с тобой сердечные беседы.

Вдоль города течёшь
И вдоль села,
Из века в век, не зная остановки.
И взрослые ласкаешь ты тела,
И детские весёлые головки.

Костанайская степь

Раскалённая степь,
Ты лежишь, как в огне.
Только всадник промчится на белом коне,
Унося трепет сердца в прозрачную даль.
Дуновением ветра ты лечишь печаль.

Здесь берёзы высоки,
Горды тополя.
Ходит ветер по белым волнам ковыля.
Чувств нахлынувших жажду я здесь утолю,
И печалью своею тебя окроплю.

Вам, берёзы,
Вверяла я тайны свои.
Я ведь дочь Синегорья,
Вы — сёстры мои!
Разомкните скорей свой танцующий круг
И в объятия возьмите одну из подруг.

Вы, берёзы, прекрасны,
Стройны и умны.
Помогите дойти мне до слов глубины.
Чтобы слово моё о родной стороне
Нескончаемой радостью пело во мне.

Темой строк своих лирику выбрала я.
Горечь времени пью, как по капельке яд.
Если скажут:
Любовью земля оскудела;
Мой любимый,
Напрасно о том говорят!

Ты приносишь мне счастье и радость одну.
Только сам на душе словно носишь вину.
Когда всё на земле так непрочно и зыбко,
Чувства тоже уходят
На дно в глубину.

Я прошу, мой единственный, не уходи!
И любовь, и весна — всё у нас впереди!
Голубиная песня моя, точно птица,
Бьёт крылами
И рвётся к тебе из груди.

Я страданья и слёзы любые стерплю.
Только ты позови, мой любимый, молю!
Я подставляю тебе, как лебедушка, крылья
И постель белым пухом
Тебе застелю.

Нас из камня воздвигнет ещё кто-нибудь,
И тоскуя, пройдёт нами пройденный путь.
Я любовь на земле воспеваю стихами,
Ты — на небе прославить её
Не забудь!

Когда о взгляд твой обожглась, От чувств нахлынувших немея, Подумала, ну что за власть, Любовь, над нами ты имеешь?	Что же могло тебя привлечь? Не моего же платья шелест! И вдруг беззвучно слышу речь, Что ты — космический пришелец!
--	--

На вид задумчива, грустна, Училась, классикой читала. И только в сокровенных снах Я о любви большой мечтала.	Я тайный импульс твой ловлю, В твою игру вступив негласно. Ты не сказал ещё: "Люблю!" — Но мне без слов и так всё ясно.
---	--

Перевод с казахского Виктора КОРЫТНОГО.

г. Астана.

Николай ВЕРЁВОЧКИН

Легенда о слепом лосе

Повесть

В безмолвном мраке ночного леса посредине чёрной мочаги стоял седой лось. Кровавыми пустотами глазных впадин вглядывался он в темноту, день и ночь окружавшую его.

По вязкой чавкающей грязи я крался к нему.

В руках моих были ржавые ножницы.

Я должен был добить издыхающего зверя. Перерезать сонную артерию.

Но не было во мне милосердия.

Я был предназначен казнить лося, чтобы человек, выбивший ему глаза, спал спокойно, не опасаясь мести.

Внезапное, как порыв ветра, сострадание наполнило меня ужасом собственного намерения. И дошло до меня, что я — не только человек, крадущийся к издыхающему зверю, но и лось, которому сейчас перережут горло ножницами.

Я проснулся.

Меня разбудили не петухи Приволья, умевшие петь гимн республики. И даже не Пашин автобус, приученный кукарекать по утрам.

Большой зелёный кузнечик, спавший, как и я, в предбаннике, запрыгнул мне на нос, вызвав неудержимое желание чихнуть. И то-то я был потрясён, увидев в утреннем сумраке над собой это расплывчатое чудовище, ещё не различая масштабы сна и яви.

Николай Николаевич ВЕРЁВОЧКИН

родился в Северо-Казахстанской области. Член Союза писателей Казахстана. Журналист, художник-карикатурист. Служил в рядах Советской Армии. Работал в районной, областной молодёжной, республиканских газетах России и Казахстана. Печататься как беллетрист начал поздно — в 1992 г. В “Ниве” была опубликована его повесть “Грибной дождь в Новостаровке”, в 1993 г. в “Просторе” — “Жертвенный осёл”. С того времени в основном в этих журналах опубликовано около двух десятков повестей. Автор четырёх книг:

“Древоград” (1994 г.), “Страна без негодяев” (1998 г.), “Белая дыра” (2002 г.), “Зуб мамонта” (2003 г.). Несколько рассказов из первой книги вошли в хрестоматию “Русская словесность” для 5-го класса казахстанских школ (2001 г.). Лауреат конкурсов СОРОСа в номинациях “Современная пьеса” (“Ковчег-транзит, или Время строить лодку”) и “Современный роман” (“Зуб мамонта”). Лауреат “Русской премии”

за 2006 год (повесть “Человек без имени”), опубликованная в 1-3 номерах “Нивы” за 2004 г.). С 2007 г. печатается в журнале “Дружба народов” (Москва).

Живёт в Алматы.

Ап-чхи !

И чудовище, сверкнув розовыми подкрылками, исчезло.

Окно запотело от тепла сгоревших досок танцплощадки. Это весёлое тепло всё ещё хранила медленно остывающая каменка.

Тусклым золотом пиратского клада светилась на полу груды лука. По стенам свисали гирлянды чеснока, бороды берёзовых веников, пучки трав. Дверью в другой мир туманилось зеркало. Растрескавшееся под стеклом серебро делало его похожим на старую картину.

У печной заслонки метёлкой вверх стоял веник.

Языческим, тревожным покоем веяло от последней утренней звезды в чистом уголку окна. Она пахла хвоей, полынью, грибами — колдовскими, росными запахами августа.

Вечность пролежал я в приятном оцепенении, пока не услышал жалобный стон автобуса, вынужденного в столь ранний час продолжать свой скорбный путь в Белогорье. И путь этот, судя по звукам, был полон ухабов и рытвин. Невыспавшийся автобус взывал к состраданию. Я стар, плакал он, мне надоел этот знакомый до каждой кочки маршрут, по которому изо дня в день в сушь и слякоть, в ливни и ветер по пыли, лужам и сугробам вынужден влачить я свои железные кости.

И въезжая на грейдер, он издал звук, похожий на хриплый крик петуха.

Тут же по всему Приволью не дружным, но горластым хором его подержали ревнивые собратья. В этом разное угадывалась знакомая мелодия гимна. Бодрая и одновременно печальная.

Звук одинокого мотора между тем, удаляясь, превратился в комариный гул.

День назад этот ветеран просёлочных дорог, переполненный людьми и сумками, вёз нас в Приволье.

Шумная его теснота была непривычно доброжелательной.

Пассажиры в основном казахи. Несколько славянских лиц. Преимущественно женских. На капоте, покрытом старым ковром, юная мама с ребёнком. От них трудно оторвать взгляд. Что-то очень знакомое в этих чертах и глазах, полных умиротворения. Я успокоился только когда вспомнил, где я их видел. Леонардо да Винчи. Мадонна в гроте.

Приятная встреча.

Все бабушки и дедушки сидели. Молодые стояли в проходе. Неспешными ручейками струились одновременно несколько бесед. И как ветерок над степенным говором изредка пронёсился юный смех.

У лобового окна болталась лохматая ведьма с крючковатым носом. И как только убаюканный тряской салон задрёмывал, водитель хлопал в ладоши. В тот же миг кукла оживала, дёргалась всем телом и заразительно хохотала. Глаза её при этом вспыхивали поочерёдно красным, жёлтым и зелёным светом. И весь автобус безудержно хохотал вместе с ведьмой.

Беззаботность старого доброго времени, чрезмерно охаянного и обогланного ныне, окружала меня. Я словно попал в заповедный край, которого не коснулись страсти наживы, собачьи свары из-за мозговой косточки, которую каждый норовит вырвать из пасти соседа. Но, скорее всего, старый автобус служил инструментом естественного отбора. В его дружеской тесноте тряслись, потели, делились новостями и смеялись люди, чуждые суеты и корысти, люди, ценившие покой родной глуши.

— Паша, остановись. Маратик пописать хочет, — время от времени певуче окликала водителя апашка в белом кимешке.

И автобус послушно останавливался.

Никто не возмущался непредвиденной задержкой. Малыш делал своё дело и с достоинством возвращался. После третьей остановки кто-то поинтересовался, не пил ли он пива “Дербес” с выигрышной крышкой, на что бабушка, мило улыбнувшись, ответила, объяснив ситуацию мимикой: “Малины немьтой объелся”.

Автобус заезжал во все деревни и аулы по пути следования. Причём пассажиров Паша развозил по домам. С мужчинами прощался по имени и за руку. Женщинам улыбался.

Местные выходили на дорогу и, притормозив, Паша передавал им пакеты, которые грудой были навалены у лобового стекла. Погрустнев, он брал деньги и записывал в школьную тетрадь заказы. Кто-то просил купить в городе чай, кто-то лекарство, лак, подгузники. А кому-то был нужен тест на беременность. По доброте своей Паша никому не отказывал, нанося своему бизнесу чувствительный урон. Не будь он так отзывчив, человеку пришлось бы ехать в город за покупкой самому. И, естественно, заплатить за проезд. А так никакого навару. Кроме спасибо, которое, как известно, в кошелёк не положишь, на хлеб не намажешь и в шкаф не повесишь.

По мере того как мелкосопочник сменялся лесостепью, а та голой степью, асфальтная дорога переходила в грейдер без покрытия и, наконец, в полевою колею.

Мимо проплывало, уже примелькавшееся, незамечаемое глазом запустенье. Бетонные рёбра ферм. Брошенные дома. Бурьян. От иных деревень остались лишь погосты.

Под вечер, когда я сильно засомневался в рассказах Дениса Фёдоровича о Приволье, окружённом чащами корабельных сосен и целебными родниками, линия земли искривилась синими холмами. И вскоре я увидел посреди безбрежной степи остров сосновой тайги.

Мы въехали в лес, который начинался резко, без переходов. Только что была ровная степь, и вот крепостной стеной стоят высокие сосны.

У дороги плакат, написанный красками по жести. Лось-исполин, гордо подняв голову, пристально вглядывался в наш автобус. Над его тяжёлыми, широко раскинутыми рогами по закатному небу и силуэтам деревьев суровым рубленным шрифтом крупно начертано: “Охота строго воспрещена!”. А под ногами — белым по чёрному — весёлым курсивом только для дальних зорких: “Добро пожаловать!”.

Мы с сохатым проводили друг друга взаимно настороженными взглядами, и за очередным поворотом в вечернем благодатном свете открылась поляна, а на ней избы, непризнающие прямизны улицы. Они стояли вольно. Как партизаны в строю. Казалось, что вместе со стогами и плетнями они выросли, как сосны, там, куда ветер занёс семя.

И вот я проснулся в предбаннике на деревянном, старинной работы, диване.

В уголке окна таяла последняя звезда. Тщетно пытаюсь всколыхнуть отстоявшуюся за ночь тишину, надрывались петухи.

Послышались скрип двери, шлёпанье босых ног по доскам крыльца, плеск воды.

Это хозяйка Анна Фёдоровна, последовательница Порфирия Иванова, обливала себя целебной водой из Пьяного родника и желала всем хорошим людям Земли доброго здоровья.

Привёз меня в этот земной рай Денис Фёдорович, младший брат Анны Фёдоровны.

В мире нет более непохожих людей, чем я и мой товарищ.

Он ярко-рыж. Рыж невероятно. Вызывающе рыж. На свете нет ничего, более рыжего. Рыжики бледнеют рядом с ним. Ирландцы смущаются. В любой толпе его невозможно не заметить. Я же человек столь заурядной внешности, что, если вам доведётся увидеть меня в компании из двух человек, вряд ли вы заметите меня.

Денис Фёдорович всегда и всем говорит правду. В упор. В глаза. По профессии он сварщик. Огненная эта работа очень подходила к его темпераменту. Казалось порой: он только и может, что намертво приварить или навсегда отрезать. Его не смущают при этом ни общественное положение, ни физические размеры собеседника. Что бы вы ему ни сказали, он всегда найдёт, что возразить. Я же склонен малодушно согласиться с утверждением, что чёрное — это белое, лишь бы не обременять себя долгим спором.

Он идёт напролом, открывает двери ногами, говорит, что думает. Я же, случись встретить идущего по тротуару голубя, уступаю дорогу. И при этом слегка кланяюсь.

Но при этом неуживчивый правдолюб Денис Фёдорович и дня не может прожить, как он слегка высокопарно выражается, без тесного круга друзей. И круг этот столь обширен, что его впору звать хороводом. Я же, по недогаду попав в этот круг, не чаю как из него вырваться. Чувствую себя мухой между двойных стёкол зимнего окна.

Я уже давно приметил: всё, что связано с “тесным кругом друзей” — горячие беседы за жизнь, охота, рыбалка — лишь повод принести свою печень в жертву “Бахусу”. Имею в виду не языческого бога, а фирму, выпускающую спиртные напитки. Однако же страстный любитель застолий Денис Фёдорович ограничивается стопкой. Круг друзей, зная его твёрдый характер, позорно терпит такое явное, вызывающее неуважение к себе. Но зато уж мне спуска не даёт. В душе я противник застолий и крепких напитков, но человек с пластилиновым характером. Все мы непьющие, возмущается круг, непьющий — состояние временное.

Денис Фёдорович — пророк, проповедник, вождь и великий просветитель. Всех, кто неосторожно приближается к нему, он тут же пытается обратить в свою веру. Дай ему волю, он весь мир наставит на путь добра и справедливости. Я же дикарь-одиночка. Время, когда я на всю зиму был оставлен в горах охранять имущество экспедиции и за три месяца не встретил ни одного представителя человечества, вспоминаю как лучший период жизни.

Денис Фёдорович любит говорить. Горячо. Страстно. Напористо. Изобличая пороки мира сего, сверкает очами и так жестикулирует, что всегда надо помнить о собственной безопасности и держать дистанцию. Я же предпочитаю слушать. Внимательно, безмолвно, изредка кивая головой. И при этом думаю о чём-нибудь своём.

Между нами, труднее всего переубедить человека, который вас внимательно слушает и со всем соглашается.

Для Дениса Фёдоровича жизнь — борьба.

Я предпочитаю “покой и волю”.

Мы с моим рыжим товарищем вступили в возраст, когда человек ещё вынужден посматривать вперёд, чтобы ненароком не споткнуться, но всё чаще и чаще оглядывается назад. С каждым шагом в будущее прошлое кажется всё милее.

И вот как-то в приступе ностальгии задумал Денис Фёдорович навестить места своего детства. Запечатлеть их на видеокамеру. Подходило такое время, что вскоре могло случиться так, что на родине не останется никого, к кому можно было бы приехать в гости.

И поскольку Денис Фёдорович не мог терпеть одиночество, он пригласил в эту поездку меня.

А надо сказать, что при всех несовпадениях наших характеров была у нас и одна родственная черта: авантюризм, предполагающий склонность к спонтанным решениям, и любовь к перемене мест.

Едва мы сошли с автобуса, как угодили в баню.

Наш приезд совпал с её “презентацией”.

Баня была построена из брёвен брошенного дома. Дед Ромаша заплатил в кассу лесхоза четыреста тенге, и ему разрешили не только раскатать сруб, но и разобрать на дрова догнивающий настил танцплощадки. Вот уже несколько лет танцевать в Приволье было некому.

Баня получилась столь просторной и уютной, что я тут же положил на неё глаз, определив себе в гостиницу.

Жар был весёлым и пар лёгким. Не зря же баня была натоплена досками танцплощадки.

Всем хороша деревенская баня. Если бы ещё не надо было пить водку. Водка называлась “Хома”.

По рецепту местного знахаря была она настояна на осиновой коре.

Выпив, мужики судорожно, как на электрическом стуле, передёрнулись и восклицали: “Хорошо!”.

— Хорошо, когда выпьешь да ишо, — соглашался дед Ромаша.

Как человек необщительный и скучный, выпиваю я редко. Но, выпивая, никогда не морщусь. Даже если закусываю лимоном, луком или чесноком, горбушкой хлеба, густо намазанной горчицей или хреном. Чем очень горжусь.

Но на этот раз... Увидев моё лицо, дед Ромаша преисполнился сострадания и предложил мне ту же водку, но — на выбор — настоящую на ирге, малине или золотом корне.

Разумеется, я отказался, поскольку терпеть не могу снисхождения и людей на особом положении.

— Всё, что горько, полезно. Крепким, как лось, будешь, — одобрил моё поведение дед Ромаша.

— И таким же красивым, — добавил мой рыжий товарищ.

— Мужичу красота, как бабе лысина, — поделился своим соображением Паша-автобусник, закусывая северный напиток южной дыней и сверкая румяным, распаренным шаром головы, — вся красота у мужика в силе.

Каждую стопку горькой лосиной настойки запивали водой из бочки, стоящей в углу предбанника. Черпали её кованым ковшом.

Вода из Пьяного родника имела чудесное свойство избавлять от похмелья.

Объяснялось это чудо историческим событием, за давностью лет имеющим несколько версий и разноречий. По одному из преданий, однажды некий святой, умирая от жажды, брёл в сушь через чащобу. Повстречался ему пьяненький мужичонка. И хотя не по дороге ему было со странником, но отвёл он его к роднику. Утолив жажду, святой перекрестил и родник, и милосердного пьяницу. Другие утверждают, что никого божий человек не перекрестил, но, когда, опустившись на колени, приник губами к воде, он обронил в родник крестик. Как бы там ни было, с тех пор, сколько бы ты ни выпил, а запьёшь водой из Пьяного родника — веселье остаётся, а хмельной дури нет.

Свидетельствую: правда.

Чудо испытано мной на собственном организме.

Благодаря чудотворной воде, разговор в предбаннике шёл без хвастовства и сумбура, не с пятого на десятое, а ладный, последовательный. Распаренные гости и деревенские жители частично были укутаны в простыни, а частично опоясаны полотенцами, напоминая римских патрициев, пирующих с египтянами. И только дед Ромаша, фигурой и обликом — состарившийся Поддубный, был в тельняшке. Она грела ему душу, напоминая о военно-морской молодости. Парная была ему противопоказана по состоянию здоровья. Водка же не возбуждалась, поскольку, настоящая на целебной осиновой коре, была уже, собственно, не водкой, а лекарством.

От обсуждения врачующих свойств горькой настойки перешли непосредственно к лосям и их странном пристрастии к осиновой коре. И я узнал, что когда дед Ромаша уходил на пенсию и сдавал егерство Семёну Бомбастову, лосей на его массиве насчитывалось семьдесят восемь голов. Стоял вопрос о регулировании численности стада, поскольку зверь этот всё-таки наносит вред лесному хозяйству, поедая молодые побеги не только осины. Семён Бомбастов, присутствующий тут же, заёрзал, скрипя стулом, наморщил лоб и стал похож на ёжика.

— Давно я свежего лосиного помёта не встречал, — сказал он, как бы винясь и жалуясь одновременно. — Горностай белку изводит, а лося, косулю, рысь браконьер выбивает.

И как бы торопясь предупредить обличительную речь Дениса Фёдоровича, уже гневно засверкавшего очами, пробормотал скороговоркой:

— У них вездеходы, карабины с оптическими прицелами ночного видения, сам чёрт сват. А ты попробуй угнаться за внедорожником на “Иже” да ещё без бензина. На своих двоих не угонишься.

В этот момент, когда разговор приобретал гнетуще неприятный оборот, в баню вошёл художник Васята и с порога тихо сказал:

— Видел я одного лося.

Русые с желтизной волосы до плеч. Борода по ключицы. Глаза светлые, с позолотой, виноватые. И весь светится, как сноп соломы на вечерней зорьке.

Жители Приволья как-то странно посмотрели на него, а Семён Бомбастов отвернулся и фыркнул.

Паша-автобусник же произнёс странный, полный двусмысленности тост:

— Здорово, Васята! Дай Бог хорошего жениха твоей невесте.

Художник, в чём я впоследствии убедился, вовсе не насмешка. Это его лося я видел на въезде в Приволье. Васята и в самом деле был художником. Из тех самородков, что так и остаются в родной глуши не оценёнными, не ограниченными. И оттого в их непонятно откуда взявшемся таланте

есть что-то дикое, колдовское, пугающее. Дар его в Приволье считают баловством. И лишь немногие меценаты, вроде деда Ромаша, приобретают произведения искусства для личной коллекции. У деда Ромаша несколько работ Васяты. Можно и музей открывать. Вырезанная из осины рысь. Три гравюры по дереву. Причём не бумажные оттиски, а сама основа. Если бы дед Ромаша узнал цену этим поделкам, он, пожалуй, удивился бы и не поверил. Но в том, что каждая из них стоит бутылку, он не сомневался. А в парной над старинным диваном висела картина Васяты, писанная маслом. Богочеловек благостно смотрел на выпивающую компанию. Над головой его сиял золотой нимб. На нимбе сидела бабочка. Из горящего сердца вылетали крылатые головы ангелов-младенцев, умильно смотрящих вверх и вбок. Господь стоял на фоне закатного приволинского пейзажа. За его спиной синели сосновые холмы, на самом высоком из которых можно было разглядеть пожарную вышку. Полотно это дед Ромаша оценил высоко. В две бутылки. Дед любил Васяту. Но говорил о нём с огорчением: «Дал Бог, трактарах, дураку золотые руки. Трезвый — прямо портрет рисуй и на Доску почёта вешай. А влетит в балду сто грамм, тут уж он наколбасит. Зимой выпьет и в одних трусах в Белогорье бежит. Босиком. А ты его спроси зачем».

— Пошёл я в лес лосиные рога поискать, — продолжал Васята. — Москвич у нас гостил. Хорошие деньги обещал за рога.

— Зачем ему лосиные рога? — вставил Паша, — поди, жена олени приготовила. За бесплатно.

Конечной остановкой на маршруте было степное Белогорье, десятью километрами дальше, но Паша всегда возвращался на ночь в лесное Приволье. Вставать ему приходилось ни свет ни заря, и он похвалялся тем, что по утрам его автобус кукарекает раньше приволинских петухов. На что уязвлённый дед Ромаша отвечал: «Эка невидаль. А ты бы послушал наших петухов: гимн исполняют! Да так душевно. Всякий раз встаю лицом на восход и руки по швам». Ростом, обликом и добродушием был Паша похож на артиста Леонова в молодости.

— Олени ему не нужны были, — серьёзно отвечал Васята. — Ему лосиные нужны были.

— Кстати, чтоб ты знал: лоси — тоже олени, — назидательно и важно сказал Семён Бомбастов. — Все, у кого рога отпадают, олени.

— Значит, я тоже олень, — опечалился Паша.

Недавно он развёлся с женой.

Безропотно переждав комментарии к своему рассказу, Васята продолжал:

— Иду. Лес светлый, чистый. Далеко просматривается. За второй мочагой по дороге на Новостаровку, где направо осинник, вижу: бежит лось. Напролом. Сам, как танк, а ногами легко, как балерина, перебирает. Белый, как будто его извёсткой побелили. Галстук болтается. Бежит прямо на меня. Я за сосной притаился, а он рядом да мимо, хоть палкой бей. Так холодным ветром и обдало, будто снежный сугроб прокатило. И замечаю: глаз у него нет. Вместо глаз — дыры. И кровь запеклась. Потёки, как слёзы. Слепой... А бежит между деревьев ровно, только хруст стоит. Будто кто им управляет.

Он замолчал.

И все молчали.

— Когда выпиваешь, надо водой из Пьяного родника запивать, — наконец посоветовал Денис Фёдорович.

— Что мне врать-то? — обиделся Васята. — Какая мне прибыль врать? Скажи, деда.

Дед Ромаша разгладил усы, крутую лысину пятернёй причесал и ответил обстоятельно:

— Спиной стоял, ничего не видел.

Деда, старого морского и лесного волка, никто и никогда не перебивал. Кроме Дениса Фёдоровича, разумеется. Если кто встречал по незнанию в его речь, он эдак посмотрит и скажет с ласковой строгостью: “Девочка моя” или “Мальчик мой”, принимая в расчёт половые различия, но не возраст. Вроде того, куда, мол, поперёк батьки к мамке в спальню. И бесцеремонный собеседник ступёвывался и извинялся.

Деда Ромашу не перебивали даже тогда, когда он молчал.

Выдержав паузу, он продолжал:

— Сколько живу, а седого лося не встречал. Слепого доводилось.

Надо сказать, что в реальной жизни речь деда Ромаша не была такой пресной. Как царская корона рубинами, алмазами и сапфирами, была она изукрашена, пересыпана яркими, образными, сочными, но к сожалению, нелитературными словами. В пересказе она многое теряет. Можно передать смысл, но не самобытность.

— Был у меня крутой друг из Астаны. Надо мне соль у родников и по кормовым базам рассыпать, а соли нет. Звоню. Какие разговоры, Роман Семёнович. На завтра машина с солью у конторы стоит. Вот такой был друг. Увидел: приклад у моей двустволки треснул и проволокой перемотан — на вертикалку! С гравировкой. Приклад с инкрустацией. Дарю. Присказка у него была: делить надо так — мне, тебе и прокурору, никогда проблем не будет. Раз в год я ему королевскую охоту устраивал, — дед Ромаша поднял руку, предвосхищая возможные намёки. — Лицензия, всё как положено. У меня с этим строго было. Вот расставил я людей на номера. Наказал: упусти-те зверя — жена нечищенной картошкой накормит. Сам в загон пошёл. С тем расчётом, чтобы зверя на крутого выгнать. Оглядываюсь, а он — ружьё коромыслом — приседает. Я ещё подумал: будет лось смотреть, как ты физкультурой занимаешься. Гõним. Матёрый был лось. Выгнали на крутого. Шарахнул он по лосю из двух стволов. А зверь как бежал, так и бежит. Прямо на него. Стоит мой охотник, как памятник генералу Карбышеву, не шелохнётся. Оледенел. С какого конца из ружья стреляют, забыл. Лось от него в метре, как паровоз, пронёсся. Да со всего маху рогами в стекло иномарки — шарах! В мелкие дребезги рассыпалось. А в машине зять моего крутого друга отдыхал. Охотник выпить на охоте. Развезло малость. Вот он от выстрелов глаза разлепил, а в это время стекло на него сыплется, и у самого его носа лосиная морда. С рогами. Смотрит, а глаз у зверя нет. Дыры, а из них кровь течёт.

Дед Ромаша был опытным рассказчиком. А бывалый рассказчик всегда на самом интересном месте остановится. И чем-нибудь посторонним займётся. Скажем, начнёт муху на лету ловить.

— И что дальше было? — не выдержав, спросил Паша.

— А что было. Пошли мой друг крутой с зятем мелкими шажками в осинник кальсоны закапывать.

И снова замолчал.

— А лось?

— А лось убежал.

— Как убежал? — не поверил Паша. — Без глаз? Что же вы его не добились?

Расстроился и я, представив страдания ослеплённого зверя.

— Дело к ночи, — повинулся дед. — Шёл я по кровавому следу, пока не стемнело. Ушёл зверь. Редко, но бывает. В лесу ничего не пропадает. Рысьям да волкам тоже чем-то питаться надо.

— Вот скажи, деда, зачем ему лося убивать было? — спросил Васята с горечью в голосе, не нуждаясь в ответе. — Сказать, с голоду пух человек, так нет. Поди, каждый день чёрную икру ел, а красной заедал. Только что себя потешить. Какая радость — зверя убить? Жил он себе в болотах, никого не трогал. Нет — выследили, выгнали на ружьё. Что лося, что ребёнка убить — разницы, считаю, нет.

Слова Васяты мужикам не понравились. Все разочарованно загудели. Но возражения были слабы. Дед Ромаша с мудрым видом пробормотал: “Зверь есть зверь”, а Семён Бомбастов высокомерно заметил: “Ты, Васята, не охотник, тебе не понять. Охотнику без охоты нельзя”.

— Погодите, всех лосей перебьют, на нас лицензии будут брать, чтобы себя потешить, — мрачно предрёк Васята. — Вот когда погонят на засаду, поймёте: каково это лосем быть.

Разговор принимал неприятный поворот. Но Паша, заговорщицки блеснув глазами, вернул его в прежнее русло:

— Рассказать, что с тем лосем стало?

Паша-автобусник в отличие от жителей Приволья, как бы выросших в лесную глушь и редко выезжающих за её пределы, жил на колёсах и знал все новости окрестных сёл.

— Вы Конопатого Фогеля из Новостаровки знали?

— Это который с горбом?

— Нет, ты путаешь. С горбом это Сашка Брикс. У Фогеля горба не было. У него фикса золотая была. Вот поехал он короткой дорогой на Самановку, через лес. А путь там за сошкой через мочагу. Уже темно было. Фары включил. Видит: лось в мочаге лежит. Подранок. Сил нет из грязи выбраться. Бока ходуном ходят. Вот-вот издохнет. Конопатый думает: столько мяса зря пропадает. И как назло с собой ни топора, ни ножа. Одни ножницы в бардачке. Так он этому лосю горло ножницами перерезал. Я потом смотрел — маленькие ножнички, кривые. Этот Фогель такой чистюля был. Как свободная минута, он уже этими ножничками ногти стрижёт.

— А глаза у него были? — спросил Васята.

— Глаза? У Конопатого? Кто бы ему без глаз права дал?

— У лося.

Паша задумался.

— Знаю, что сильно раненный был. А вот про глаза врать не буду. Может быть, были, может быть, нет. Меня Фогель потом этой лосятиной угощал. Так себе мясо. Твёрдое.

— Ты при случае про глаза спроси, — сказал Васята.

— Теперь не спросишь. Лет десять как Конопатый в Германию уехал. Если бы друзья были, а то так — привет, привет, пока, пока. Адреса не знаю.

Когда, казалось, разговор о слепом лосе был исчерпан, дед Ромаша сказал фразу, которой я не придал особого значения.

Если бы эту фразу проветять на сите от вводных слов и выражений, она выглядела бы приблизительно так: на свете есть много такого, что умный человек предпочёл бы не знать и не видеть.

Этот седой лось с выбитыми глазами разволновал меня.

Паша повёз Семёна Бомбастова на другой край Приволья. Денис Фёдорович с дедом Ромашей пошли в дом. Васята незаметно, как рафинад в чае, растворился в ночи.

Я вышел на крыльцо бани и долго смотрел в кромешную темноту, в которой шумели сосны, и откуда тянуло свежестью и грибной прелью. И очень ясно представилось мне, как в этом мраке и шорохе бежит сейчас КЕМ-ТО УПРАВЛЯЕМЫЙ слепой лось.

Как чья-то не прощённая вина, чья-то израненная совесть. Как укор.

Этот поседевший от боли зверь с выбитыми глазами не мог не вызвать сострадания. Даже если он существовал лишь в воображении Васяты, местного Нико Пиросмани.

В ту ночь мне снился лось. Сон был страшен. Проснувшись, я всякий раз включал свет. И тотчас же, пробудившись, начинала жужжать муха. Напившись воды, привезённой из Пьяного родника, я щёлкал выключателем. В тот же миг муха смолкала, словно засыпая на лету. Мне даже мнился щелчок от её падения на пол. Я засыпал, и сон снова возвращался.

Я был незванным гостем и чувствовал себя в Приволье неудобно. Хотя мы с Денисом Фёдоровичем заранее обсудили этот деликатный вопрос и решили жить в полном самообеспечении, но всё же наш приезд принёс хозяевам дополнительные хлопоты.

Одного взгляда на Приволье было достаточно, чтобы понять: деревня не живёт, а выживает. Скорее даже, доживает, поскольку населяли её в основном пенсионеры. И вот, здравствуйте вам, гости дорогие... Анна Фёдоровна и дед Ромаша в преклонных годах и уже не в состоянии держать большое хозяйство. Из живности было у них с десяток кур, кот Тимофей да пёс Черныш. Как говорил дед Ромаша, всей скотины — один пёс на три двора.

Но встретили меня радушно. Таков уж деревенский обычай. Особенно искреннюю, сердечную радость изъявил цепной пёс Черныш. Увидев мой рюкзак, он повёл чутким носом, завилал обрубок хвоста и, гремя цепью, встал на задние лапы, исполнив что-то вроде степа. Во мне и Денисе Фёдоровиче он сразу по запаху узнал родственные бродяжки души.

У каждого пожилого пса своя печальная история.

С тех пор как дед Ромаша запрятал ружьё в пыльный сейф, Черныша, вольную душу, посадили на цепь.

Спрашивается, за что?

Он и так был привязан к хозяину. Без цепи.

И, главное, зачем?

Черныш совершенно беззлобная собака. Что касается его сторожевых качеств, то бездарнее охранника во всём свете не сыщешь.

Он даже лаять не умеет.

Использовали его, как бы это сказать, в качестве наглядной агитации, в которой много слов, но мало смысла. В надежде, что придёт вор, увидит Черныша и не посмеет совершить, что задумал. Так в деревнях вешают на двери замки, не закрывая их на ключ.

— Собака он добрая, да грешок за ним водится, — объяснила заточенные Черныша Анна Фёдоровна, — домашних уток с дикими путает.

При этих словах она лукаво посмотрела на моего рыжего товарища и от души расхохоталась. Денис Фёдорович тут же насупился и недовольно пробурчал:

— Ну сколько можно вспоминать одно и то же.

Но Анна Фёдоровна всё же вспомнила первую охоту младшего братика. Вышел он за околицу, видит — канава вдоль грейдера заполнена дождевой водой, а в ней утки плавают. Подкрался и с первого же выстрела попал. Приносит домой селезня обтеревить, а селезень-то свой, домашний.

Не зря, видно, пёс учуял в Денисе Фёдоровиче родственную душу.

Черныш, что уже следует из клички, был чёрен, как ночь. С лёгкой проседью вокруг глаз и по низу живота.

В лице же его (уж извините, язык не поворачивается называть лица животных мордами), как у большинства охотничьих собак, угадывалась интеллигентность. Было в его лице что-то от старого мудрого еврея. Уши свисали пейсами, в глазах печальный вопрос и рот слегка скошен.

Впрочем, назвав Черныша охотничьей собакой, я, кажется, сильно преувеличил. Не только я, но и дед Ромаша затруднялся определить его породу. Что-то между водоплавающей и гончей. С примесью волкодава.

В первое утро мы с Денисом Фёдоровичем, прихватив видеокамеру, собрались в лес — посмотреть, правда ли, что грибов море, и не лукавят ли старожилы, говоря, что все до единого они червивые.

Черныш вызвался быть нашим гидом. Он скулил, вставал на задние лапы и звенел цепью, как декабрист кандалами.

Чьё сердце из железа?

Анна Фёдоровна не выдержала:

— Взяли бы вы его с собой. Всё на цепи да на цепи. Ишь, как по лесу соскучился.

Хорошо быть освободителем. Даже освободителем одной собаки. Представляю, каково это — быть освободителем народов.

— И охота вам зря ноги бить? — напутствовал нас дед Ромаша.

— Что ты им дорогу заговариваешь, — укорила его Анна Фёдоровна. — Кому везёт, тот и под снегом груздь найдёт.

— Везучий и на чердаке утонет, — согласился с ней дед Ромаша. — Корзину-то возьмёте?

— Не надо нам корзины, — ответил Денис Фёдорович, — грибы увидят — попрячутся.

Деревня Приволье так удачно устроена, что здесь нет явно выраженной границы между человеческим жильём и природой. Вышел на крыльцо — и уже в лесу, затворил за собой калитку — дикие дубри. Дятел по утрам долбит сосну, растущую во дворе. А иной раз и по бане барабанит, только труха летит.

Мы вошли в лес, как в первый век до нашей эры.

На хвое и мхе настоялась августовская предосенняя тишина.

Мы неспешно поднимались на взгорье светлым сосновым лесом по мягким серебристо-зелёным мхам. Опьяневший от внезапной свободы Черныш бегал вокруг нас кругами. Порой он делал стойку на неприметных глазу пичужек и очень расстраивался, не видя с нашей стороны должного отклика. Я и сам чувствовал себя охотничьим псом. Вглядывался в лес. Вслушивался в его звуки. Принюхивался. Пробовал на язык. Осязал.

— Интересно, будет Черныш искать грибы, — вслух подумал я. — Как бы ему дать понять, что нас интересуют грибы исключительно не червивые?

— Нужно было соседского Гришку взять, — ответил Денис Фёдорович, сомневаясь в Черныше.

Соседский Гришка, как вы догадались, поросёнок. Сказать точнее — хряк. Один на всё Приволье.

Я подозвал Черныша, дал ему понюхать трухлявый груздь и строго приказал: “Ищи!”. Пёс понюхал гриб и с печальным недоумением посмотрел мне в глаза. Тогда я сунул ему под нос червивый обабок и повторил: “Ищи!”. Черныш ткнул его носом, чихнул и посмотрел на меня с негодованием.

— Мухомор нюхать не давай, — посоветовал Денис Фёдорович, — укусит.

Повсюду, прорастая сквозь мхи, тянулись крошечные — в полмизинца — сосенки-самосейнцы. Так трогательно малы были эти пушистые светло-зелёные крохи у подножия своих родителей-великанов, кронами подпирающих небо, что мой суровый друг присел возле одной из них и долго гладил её по головке.

Я не узнавал пламенного проповедника и яростного борца. Да, чтобы понять по-настоящему человека, нужно непременно побывать у него на родине, в местах его детства.

Вообще-то я слышал, что сосновые шишки раскрываются только после пожара. Нет пожара — нет нового поколения деревьев. Совсем как в России: нет революций, катастроф, перестроек, развалов, всеобщего мордобоя — нет новых русских. Но в этом случае следов пала не было. Жестокое закон каким-то счастливым образом был обойдён.

По долинам и по взгорьям Денис Фёдорович вёл меня к заветному плёсу, где купался с друзьями мальчишкой, согреваясь на каменных плитах. И так он душевно рассказывал о событиях давних лет, что я тоже разволновался, предвкушая детскую радость — увидеть солнечные блики на лесной запруде и погрузиться в её прохладные, настоянные на целебных травах воды. Кислая костянка, которую мы собирали по пути, казалась сладкой.

Но на месте плёса был заросший сухими, пыльными травами лог. По дну его, невидимый и неслышимый, еле-еле струился заморыш-ручей. Его журчание заглушал стрёкот насекомых.

Это очень расстроило Дениса Фёдоровича. Да и меня не обрадовало.

Пробираясь по ручью вверх, сквозь дикую ежевику, тучи комаров и крапиву, по гниющим стволам деревьев, помрачневший Денис Фёдорович долго искал Ближний родник. Когда же, исцарапанный и искусанный, нашёл, расстроился ещё больше.

Небольшая колдобина под рябиной заполнена стоячей водой. Не знал бы, что это родник, подумал бы: лужа. На поверхности плавает какая-то растительность вроде ряски и пакет с рекламой джинсов: синяя ткань плотно облегает тугие девичьи ягодицы.

— Было время, вся деревня по весне выходила родники чистить, — сказал Денис Фёдорович, вылавливая палкой полиэтиленовый пакет. — Надо бы как-то с лопатой прийти, почистить. Где я только не был, а вкуснее воды, чем в этом роднике, не пил.

И как бы подтверждая его слова, Черныш залез в родник с ногами и жадно лакал прозрачную воду из тёмного оконца, оставшегося после пакета.

И тут мы увидели Васяту. Ни шороху, ни треску — а вот он стоит, в рябой воде отражается. Да и под чем там трещать. Тош, как хвощ, говорила о нём Анна Фёдоровна. К лысине красно-жёлтый листок прилип. Царапина через весь лоб. В бороде трава и какое-то крылатое насекомое жужжит, запутавшись в волосах. Глаза ясные, как погожий день. Рубашка навыпуск.

Из рваной кроссовки большой палец торчит. В руках прозрачный пакет, наполненный водой, а в нём с десяток гольянов.

— Вот, — продемонстрировал он улов, — местная форель. Многие брезгают. Не знаю. А мне они больше карасей нравятся.

И с надеждой посмотрел на маленький рюкзачок у ног Дениса Фёдоровича.

— Что же ты, Васята, мимо ходишь, а родник не почистишь, — строго выговорил мой рыжий друг.

— Давно уж сюда за водой не ходят, — поднял брови Васята, от чего лицо его приняло глуповатое выражение, растерянное и одновременно виноватое. — Вроде бы ближе, да дорогу всю переколдобило. Вот и ездят на Пьяный родник. Дальше, да дорога ровная.

Уклонился, короче, от прямого ответа. Но не таков Денис Фёдорович, чтобы над “i” точку не поставить.

— Ходят не ходят, пьют не пьют — какая разница. Родники, Васята, чистить надо.

С этими словами он присел, расстегнул рюкзачок и заглянул в него:

— Так. Чекушку положили. Закуску положили. А стакан положить забыли.

Васята тоже заглянул в рюкзак.

— Так вот же — огурцы! — воскликнул он.

— При чём здесь огурцы? — не понял Денис Фёдорович.

Повеселевший Васята осторожно опустил пакет в заросший родник, прижал камнем и достал из кармана нож. Очень быстро и ловко он вырезал из трёх малосольных огурцов три стакана, отправив излишки в рот. И выпивка, и закуска в одном флаконе. Очень удобно, а, главное экологически чисто.

Мы с Денисом Фёдоровичем пристроились на камнях. Васята сел прямо на сырую землю. Привольно, как Шукшин в “Печках-лавочках”.

— Вот у этого родника я его и видел, — сказал он, легко и порывисто вздохнув, в предвкушении. — Постоял, а пить не стал. Ушёл по ручью вниз.

— Кого?

— Слепого лося. Ну, доброго здоровья!

Денис Фёдорович выпил и, захрустев стаканом, сказал:

— В Бога вы, граждане, не верите, вот и являются вам слепые белые лоси.

— Ладно, я пью, — проникновенно сказал Васята, повернувшись ко мне. — Ладно, он мне чудится. Хотя до белой горячки не допивался. Ну, допустим. Вижу я белого лося в белой горячке. А дед Манная Каша? Не пьёт. Не курит. Матом не ругается. А белого лося видел.

— Он что ещё живой? — удивился Денис Фёдорович и, обращаясь ко мне, объяснил с лёгким сарказмом: — Этому деду скоро сто лет будет. Чего не увидишь.

Я молчал и, соблюдая нейтралитет, не принимал ни чью сторону.

— Ты мне, Васята, лучше скажи, как вы здесь живёте, — перевёл разговор Денис Фёдорович. — Лесопилки давно нет, столярный цех разбомбили, от мельницы один жёрнов остался — в ручье вместе с хламом валяется, от школы и детсада одни фундаменты. Вот тебе и рай. Ни работы, ни смысла. Один директор жирует. Надо тебе лес — плати наличными и руби где угодно и что угодно. Головой не пузат, да пузом мозговат. Хорошо ещё у родников сосны не валят.

И с горечью махнув рукой, замолчал.

— Ничего у нас, кроме красоты, не осталось, — согласился Васята угрюмо, — а скоро и её отберут.

— Это как?

— Да вроде как продали нас туристической фирме. Экскурсии на водопад возить будут.

— Оно, может быть, и к лучшему, — с большим сомнением сказал Денис Фёдорович.

Но Васята был иного мнения.

— Рыбок в Пьяном роднике видели? Маленькие такие. Старики говорят, нигде на Земле таких рыбок больше нет. Вот и мы в Приволье, как эти рыбки. Нигде больше таких людей нет. Огородили бы нас красными флажками, как Пьяный родник оградой, да и оставили в покое. Там, за Привольем, живите, как хотите, а в наш лес не суйтесь. Проживём, как лося, на осиновой коре. Лишь бы не отстреливали.

Дед Манная Каша, живущий на краю Приволья, у погоста, тесал бревно.

Упавший плетень догнивал на земле. Проросшие сквозь прутья одуванчики с осуждением покачивали белыми головками. Передразнивали седого старика. Почерневший от дождей туалет покосился, как Пизанская башня. Да и домишко, не сказать, чтобы стоял совсем уж прямо. Сруб наклонился в одну сторону, труба в другую. Крыша слегка набекрень. Домик смотрел двумя окнами на чёрный сруб часовенки, стоявшей у входа на кладбище. Точнее сказать, смотрел он одним окном. Другое было забито досками. Отчего весь дом похож на пирата с повязкой на глазу. Ворота погоста сохранились, а ограды не было. Ров обвалился и зарос дурной травой. Крыша часовенки прохудилась, и вымокшая стена, выходящая к лесу, вывалилась. Повисшие в пустоте звенья торчали неровно, как гнилые зубы.

Дед стучал топором и не слышал моих шагов. Сноровка у него осталась, да силёнок было маловато.

Я поздоровался и бодро, как разговаривают с детьми и стариками, спросил:

— Работники нужны?

Дед со скрипом разогнулся, но не до конца. Как ржавый складень. Тут же на обух села бабочка жутковатой расцветки: вся бархатисто-чёрная с золотой окантовкой по краям крыльев. Как с пожара прилетела. Не выпуская топор из рук, старик ответил не по возрасту свежим голосом:

— Платить мне нечем. А хочешь, манная каша, помочь — помоги.

— Что строим?

— Ковчег, — сказал старик с мрачной серьёзностью.

Я рассмеялся, оценив шутку.

Но Манная Каша рассердился:

— “Ха-ха-ха” скажет блоха, когда её к ногтю прижмут.

— Ну, ковчег так ковчег, — сказал я примирительно, сомневаясь — разыгрывает меня дед или человек уже вошёл в блаженную пору старческого маразма.

— Платить мне нечем, — повторил Ной из Приволья, — а поможешь — так и быть — возьму, когда начнётся, манная каша.

— Что начнётся?

Посмотрел на меня старик глазами уставшего проповедовать пророка и махнул безнадежно рукой. Вроде того, что, мол, с тебя, балбеса, взять. Шёл бы ты, манная каша, своей дорогой.

У дома были свалены в пирамиду берёзовые чурки.

— Давайте я вам лучше дрова поколю, — предложил я компромисс.

— Платить мне нечем, — душевно замкнулся дед. Отвернулся и тюкнул топором по бревну: разговор окончен.

— Да я за так. Вместо зарядки.

— А Ромаше, что же, все переколол?

— Да что там колоть. Семечки.

Оказывается, дед Манная Каша, живущий особняком — одной ногой в Приволье, другой на погосте, — с которым я только собирался познакомиться, знал обо мне практически всё. Впрочем, чему удивляться в деревне, где осталось не более пятидесяти домов.

— Точно — семечки, — согласился Манная Каша, — а у меня одни комлеватые. Из таких комлей, манная каша, только приклады делать.

О чурбанах деда Ромаша он говорил со снисходительной иронией, а о своих, комлеватых, с гордостью.

Расположить к себе старого человека очень просто. Достаточно переколоть несколько кубометров берёзовых дров. Желательно комлей.

С тех пор, как я приехал в Приволье, мне жаль было терять время на сон. Я вставал до солнца. Обливался водой, привезённой из Пьяного родника. Набирал полную грудь воздуха, настоящего на хвое реликтовой сосны и, видимо, на хмеле, поскольку чувствовал я себя после этого вдоха как человек, выпивший стопку. Терпкая, бодрящая горечь сосны проникала в кровь, возрождая в хилом теле силы, а в уставшей душе надежды.

Для разминки колот девять чурок из кучи деда Ромаша, рассчитав, что именно этого количества мне хватит, чтобы растянуть удовольствие до самого отъезда.

Нужно сказать, что дед Ромаша моего поведения не одобрял и прятал от меня колун, запирая его в сарай. По его мнению, если уж человек приехал отдыхать, он обязан отдыхать, то есть долго спать, слегка выпивать, много есть и сидеть с удочкой на запруде. А гость, который колет дрова, только хозяина позорит.

Был у меня один товарищ, бывший боксёр, большой любитель поколоть дрова. Попал он в аварию. Лишился ноги, но не старых привычек. Приехал он как-то к дяде в деревню. Смотрит: дрова не колоты. Хорошо! Рассчитал порцию, чтобы хватило до конца отпуска, и каждое утро вместо зарядки упражнялся. Дядя это дело приметил, собрал со всей деревни молодых родственников и говорит: как вам не ай-я-яй! Человек из города отдыхать приехал, а каждый день на протезе с дровами корячится. Устыдил. Налетели всей деревней и за час все перекололи. Мой товарищ как увидел, чуть не заплакал.

Сарай деда Ромаша был устроен с секретом. Я заметил, что стена, выходящая к лесу, где и происходила колка дров, подпиралась жердиной. Как человек от природы любопытный, я не мог не выяснить её предназначение и обнаружил люк для перебрасывания в сарай поленьев. Так что мне не составляло большого труда похитить колун. Переколов порцию чурок, я возвращал его на место и припирали люк жердиной. И всё было бы шито-крыто, если бы на мои чурки не посягнул Денис Фёдорович. Запасы

чурок катастрофически таяли. Вот тогда-то я и положил глаз на комли Манной Кашы.

Каждое утро сосновым лесом бежал я к крайней избе. Раскапывал припрятанный в куче поленьев колун. И стучал так, что будил не только глуховатого деда Манную Кашу, но и его соседей через дорогу, которым полагалось спать вечным сном. Насадишь чурку на острие, поднимешь над головой да как ухнешь обухом о чурбан — всё Приволье вместе с сопками подпрыгивает. Шишки с сосен сыплются. Землетрясение, конечно, не катастрофическое, но балла два, точно есть.

На второе утро мы с дедом были друзьями.

Я хотел поближе познакомиться с этим стариком, о котором слышал много забавных историй. Особенно мне нравилась побасёнка деда Ромаши о том, как Манная Каша поехал купить корову, а привёз пианино. Инструмент, может быть, для лесничества и нужный, но беда в том, что ни у Манной Кашы, ни у кого из его семейства не было слуха. Тридцать лет с тех пор прошло, а он всё разучивает “Чижика-пыжика”.

Я как-то заглянул в избу. Действительно, стоит в горнице пианино. Клавишами к стенке. А на крышке пианино — самовар и лукошко со смородиной.

— Топор в пень, а сам в тень, — командовал дед Манная Каша, выходя на крыльцо с самоваром.

Солнце только выглядывало из-за сопки, увенчанной пожарной вышкой, и всё Приволье было в тени, как в прозрачной воде. Только крыши да вершины самых высоких деревьев, аллея, выглядывали из этого омута, заполненного ночным хвойным воздухом. Дед разжигал берёстой самовар и бросал в него сосновые шишки из помятого ведра. Утро. Петушиный переполох. Сосны. Треск раскалываемого чурбана. Запах опилок и стёсанной коры. А тут ещё и аромат дымка. Сказка. К сожалению, очень короткая.

В одно такое утро как бы из самоварного дыма возник Васята. Нагнулся отбросить полешки, поднимаю голову, а он стоит. Глаза соловые. Где волосы, где солома — не различить. Рубаха навывпуск. В бороде репейник.

— Откуда ты, манная каша? — удивился дед.

Васята махнул, как бы через погост, в сторону леса.

— Что же тебе, манная каша, дома не спится?

— Что хорошего? Позапираются по избам и дышат спёртым воздухом, — ответил Васята, сладко зевая, — а я копёшку найду, а то лапника наломаю и сплю, как ангел на облаке. Где тьма застанет, там и сплю.

— Доходишься, манная каша, съедят тебя волки.

— Волкам тоже что-то кушать надо.

— Всё ходишь, всё бродишь, манная каша, а чего ходишь?

— Ищу.

— Чего потерял?

— Себя ищу.

— Эх, Васята-Васята, манная каша, бутылку ты ищешь.

— Бутылку я ищу, пока себя не нашёл. А найду себя, зачем мне бутылка?

— Что же ты, манная каша, в лопухах-то себя ищешь? Чего нет в тебе — не найдёшь нигде, — молвил дед, поразив меня глубиной мысли, и, прищурившись, как Ленин в Октябре, спросил хитро: — Ответь мне, манная каша, с горя пьёшь или с какой радости?

Васята поставил чурбан, уселся, чтобы удобнее было думать. По-собачьи склонив голову набок, долго смотрел в небо. Взвесив все “за” и “против”, ответил:

— Мне, деда, без разницы: с горя, радости или так, от скуки.

Ответ Манную Кашу огорчил.

— Пить надо только с большой радости, — наставительно, с долей разочарования сказал он.

— Не больно-то много у меня радостей, — возразил Васята.

— То-то и оно, побери тебя манная каша! — обрадовался дед. — Будешь пить с какой-либо радости, никогда пьяницей не станешь! С горя пить нельзя. Горя всегда больше радости.

— Куда ни ткнёшься, всё нельзя да нельзя, — вздохнул Васята.

Не нравилось ему такое мировоззрение.

— На “нельзя” всё держится, а на “льзя” рушится, — выдвинул дед несокрушимый тезис.

На протяжении разговора я продолжал колоть дрова.

— Дай-ка колун, — сказал Васята, поднимаясь с чурбана, — покажу, как колоть надо.

Заняться делом, по себе знаю, лучший способ уйти от дискуссий, в которых тебе не светит победа.

Был Васята не то что худ, а истощён. На ногах держался нетвёрдо.

— Видишь трещину? По трещине и меть, — объяснил он азы, полагая, если человек из города, ему непременно надо растолковать, на каком дереве белые булки растут.

После второго удара пот градом катил с его высокого лба. Грудная клетка ходила ходуном. Забрасывая чурку на плечо, он споткнулся и едва не упал.

— Всё понял, — пожалел я его. — Дай-ка колун. Ты художник. Тебе руки надо беречь.

И побрёл Васята снова в лес. Искать себя, как ищут грибы.

— Вся одежда — волосы да кожа, — вздохнул дед Манная Каша, глядя ему вслед. — Со всей деревни его бы первого в ковчег взял. Да от человека мало что осталось. Балбес. Воистину балбес.

В общих чертах дед уже поведал мне о своём проекте. Он предполагал построить в большой плот свою покосившуюся избушку, сараюшку, будку Полкана и даже часть огорода. Оставив грешной земле покосившийся туалет. А когда всё начнётся, его усадьба просто всплывёт и закачается на волнах всемирного потопа. В осуществлении идеи Манная Каша предвидел ряд технических трудностей. Но все они в принципе были разрешимы.

Когда же я спросил, на чём основывается его уверенность в неизбежности потопа и когда его ждать, старик перешёл на шёпот, хотя рядом, кроме неухоженных могил, никого не было.

— Знаю. И число знаю, и месяц, и час. Год не разобрал, — говорил он, повернувшись спиной к погосту. — Семнадцатого августа, в шестом часу, перед рассветом.

Я заметил, что лучше бы он ничего не знал, кроме года.

— Да уж скоро, — утешил он меня, — слышал я, будто бы по телевизору уже голых женщин показывают. Куда дальше?

Я возразил: грех-то не велик, а под одеждой все голые, да и смысла не вижу в потопе.

— Грехами Земля переполнилась, — терпеливо пояснил Манная Каша, — а смысл такой — грехи смыть, как навоз с берегов весенним паводком.

— Вот всех наивных и смоеет, — сказал я, преисполнившись пессимизма, — а грешники как раз и спасутся. У них, дедушка, яхты. Дворцы в горах. Куда вашему ковчегу до круизного судна. Корабль потопа не боится.

— Будет потоп, — заупрямился дед, — видение мне, манная каша, было.

Дело к теплу шло. Но по утрам заморозки случались. Туманы стелились. Вот слышу — в окно стучат. Встал я. Вижу: стоит под окном белый лось, а на нём верхом сидит Капитон. И у обоих глаз нет. Только красные слёзы стекают. Лось плотный, живой, а Капитон весь просвечивается. Как бы из тумана весь. Я эдак со стекла пот стёр. А Капитон палец в глаз макает и по стеклу красным пишет. Всё разобрал, а год на крестовину попал.

— Что только ночью не привидится, — осторожно заметил я.

— Я тоже думал — морок, соблазн, — согласился дед, — а потом вспомнил, как мы с Капитоном договорились: кто первый на тот свет попадёт, пусть расскажет другому, что там да как. Сразу-то я оробел. А как днём вышел, на окне одни красные пятна да разбрызги остались. Ничего не разобрать. Надо было выйти, поговорить с Капитоном.

— А кто же такой Капитон?

— Товарищ мой. Весёлый человек. Озорник. Каждый вечер во хмелю. Зюзей дразнили. Сядет на завалинку с балалайкой и на всё Приволье:

*Ты прощай, печаль-забота,
Ох, Перелей мой, Перелей,
Пойду-выйду за ворота
Запою, как соловей.*

А погиб так. Лёг в тенёк под трактор отдохнуть, а тракторист его и не заметил. Жалели потом. Никто так на балалайке не играл, как он. А ты, поди, что такое балалайка не знаешь.

Что такое балалайка я знал, а вот кто такой Перелей?

— Да кто ж его знает, — пожал плечами дед, — Перелей и Перелей. Так в песне поётся.

— Да, жалко, что год вы не разобрали, — сказал я, — определённости нет.

— Знамение будет, — сказал дед, как мне показалось, без особой печали, — знамение жду.

Паша очередным рейсом привёз заказанную нами канистру бензина, и Семён Бомбастов без видимой радости, правда, доверил Денису Фёдоровичу мотоцикл.

Дорогу на водопад мы планировали преодолеть на велосипедах. Но в процессе поисков обнаружилось в избах Приволья полное отсутствие детей и подростков. А там, где нет детей, откуда взяться велосипедам?

Мотоцикл Семёна на долгом своём веку повидал всякого. Как говорил мой армейский друг, прослуживший два года поваром в офицерской столовой, не жизнь, а романтика. Кое-что в нём было сварено, кое-что прикручено проволокой. Трещина в стекле над люлькой сшита металлическими заклёпками. Сама люлька состоит из вмятин, пробоин и выпуклостей. По этим боевым швам, шрамам и шишкам можно было судить о лесных дорогах Приволья. Не было таких передряг, в которые не попадал этот трёхколёсный инвалид. Он горел, тонул, проваливался в трясину, на него падала спиленная сосна, по нему стреляли. Дважды. Его, наконец, бодал,

сошедший с ума от любви и ревности лось. Хозяин, укрываясь от рогов исполина, бегал вокруг мотоцикла, упираясь в него руками, чтобы не перевернул сохатый.

— А говорят миролюбивое животное, — подивился я.

— Шерше ля фам, — объяснил Семён, скорбно поджав губы, — все мы миролюбивые, пока рога не вырастут.

Выехали после обеда.

Черныш, ставший полноправным членом нашей маленькой стаи, увязался за нами. Сначала мы пытались уйти от него на скорости. Но очень быстро поняли, что больше сорока километров по лесным дорогам не выжать. Да и то на отдельных участках. Потом мы его прогоняли всеми доступными способами. Но пёс оказался неустрашим, а все угрозы обращал в шутку.

В конце концов, мы подумали, что собака в ночном лесу совсем не лишняя.

Лес, как совершенно справедливо говорит дед Ромаша, есть лес.

Переместившись на запаску, я уступил Чернышу люльку.

Не люблю литературу катастроф и фильмы ужасов, поэтому дорогу на водопад описывать не буду. Разве что стоит сказать, что трижды она пропадала, вынуждая нас плутать. Всякий раз, остановившись у развилки, Денис Фёдорович советовался: “Думаю, налево надо свернуть, а ты как думаешь?”. Я доказывал, почему надо свернуть направо. Выслушав мои доводы, Денис Фёдорович говорил: “Ты меня убедил. Поедем налево”. Дважды мы застревали в мочагах. Несколько вёрст тряслись по перепаханной меже, заросшей репейником, поражаемые вихрем колючек. Как говорят местные, обстрекались с пяток до макушек. Дорога имела несколько ответвлений, которые, как слепая воспалённая кишка всякой дрянью, заканчивались делянами. При первой же остановке Черныш выскочил из люльки и тут же искупался в луже, в которой воды не было, а была лишь жидкая вонючая грязь. Естественно, остаток пути он бежал за трёхколёсным мотоциклом на своих четырёх.

Но чем труднее дорога, тем слаще цель.

Окрестности водопада, как и десять основных родников Приволья, спас от вырубок дед Ромаша. За одно это он заслуживает не только памятника при жизни на родине, но и безвизовой поездки в рай, куда, конечно, торопиться не стоит.

Нет, дед не бросался грудью на пулемёт. Не бил в набат. Не взывал со столба к народу. Как человек мудрый, он полагал, что начальству перечить — себя калечить. Даже если начальство сошло с ума, приказы его выполнять надо. Но у любого командира есть свой командир. Только над Богом никого. И то, кто знает.

Дед Ромаша поехал на недельку погостить к сыну. Он обзвонил всех своих охотников, живущих в столице и области, и объяснил: если вырубят лес у Чёртова болота, то в Приволье настанет великая сушь, а лось уйдёт к чёртовой матери. Эти тихие звонки по прямым телефонам вернулись в Приволье небывалым грозovým набатом, доведя директора лесничества до язвы двенадцатиперстной кишки. “Конечно, конечно, — бормотал он, всякий раз вставая с кресла и держа трубку двумя руками. — А как же... Понимаем... Памятник природы... Почему не любим?.. Охраняем... Заботимся... Меры принимаются... Уже приняты... Лично оторву голову... Ни одной сосенки...”.

Своё участие в спасении Чёртова болота и родников путём искусственно вызванного гнева вышестоящего начальства дед Ромаша не афишировал. Пенсионеру слава не нужна, ему покой нужен. На прямой вопрос директора, какая это зараза настучала, дед Ромаша пригладил усы и развёл руки: — Спиной стоял, ничего не видел.

Мы подошли к краю провала.

Красота открывалась головокружительная.

Слоистые, растрескавшиеся скалы обрывались крепостной стеной.

Из сумрака каньона, окружённого поверху соснами, тянулись, светясь, стволы берёз. Сосны были корабельные. Но и берёзы были такими же прямыми, ровными и чистыми, что их тоже хотелось назвать корабельными.

Дно каньона устилал папоротник выше человеческого роста.

Сквозь радугу брызг разбивающегося о каменные ступени водопада по вертикальной стене, покрытой изумрудным мхом, мы спустились вниз.

В первобытный, неизменный на протяжении тысячелетий рокот падающей с высоты воды вплетался детский лепет берёзовых листьев и, где-то высоко-высоко, непривычный для моего уха шепелявый шелест хвоинок — словно песок на морском берегу шуршал под отступающей волной. Звуки эти сливались в то усиливающийся, то стихающий языческий заговор от душевной боли. И всё это дополнялось возбуждающей смесью запахов — грибов, мхов, трав и деревьев. Этот внезапный перепад высот, звуки и запахи пьянили, возвращали в далёкое прошлое, в неизведанный, дикий, первозданный мир, провалившийся в бездну.

Снизу водопад был ещё круче, а крепостная стена, в пролом которой отвесно падала белая шипящая вода, ещё выше и величественнее. По бокам пролома выступали башни с неровными зубьями. Над нависшими по краю обрыва соснами проплывали облака, создавая иллюзию падения. Поднимешь глаза вверх — и захватит дух от внезапного крена планеты.

Мой взгляд остановился на чёрной дыре пещеры. В её тьме шевелился чёрный зверь с проседью. Из густой шерсти пристально светились белки глаз. Я замер. Прошло несколько секунд ужаса, пока в неведомом доисторическом звере я узнал Черныша, самого безобидного пса на свете.

Денис Фёдорович, которого я считал серьёзным человеком, вёл себя как мальчишка. Упражнялся в йодле и, раздевшись догола, принимал душ под водопадом. В поисках необычного ракурса карабкался на отвесные скалы. При этом спрашивал: “Как думаешь, сверху или снизу снимать? Я думаю — лучше сверху”. Я объяснял, почему водопад правильнее снимать снизу. “Ты меня убедил, — соглашался он, — лучше сверху”. Целью нашей поездки было не только отснять красоты памятника природы, но и найти остатки поселения, которое более полувека назад стояло в этих местах и звалось Неждановка. Именно здесь и родился мой рыжий бескомпромиссный друг. И ему очень хотелось найти точку на земле, где он появился на свет. Но район поиска он знал приблизительно. В этом ему не могли помочь и жители Приволья. Сразу после его рождения селение Неждановка было брошено, а вскоре на его месте уже рос лес.

Бродить по лесу в окрестностях водопада приходилось поочередно. Места безлюдны, дорога, судя по нашему опыту и следам, малоезжена. Но кто-то должен был оставаться возле кострища и палатки, охранять мотоцикл Семёна Бомбастова. Кстати, перед тем как поставить палатку, Денис Фёдорович снова советовался со мной: “Думаю, палатку нужно на

каменную плиту поставить. А ты как думаешь?”. Я думал, что на камень ставить палатку ни в коем случае нельзя. “Убедил, — выслушав меня, сказал мой рыжий друг, — поставим на камень”.

Я шёл вверх по ручью, в прозрачных и холодных водах которого рыбьи чешуйками сверкали порой монеты, брошенные паломниками, считающими эти места святыми. Изредка попадались деревца с ветвями, обвязанными полосками изорванных носовых платков. Вероятно, эхо далёких жертвоприношений. Вода в ручье была действительно чудодейственной. Впрочем, думаю, как и всякая вода, не загрязнённая человеком. Выпьешь её и чувствуешь нечто особое, что можно назвать просветлением. Отверзаются глаза и уши. И видишь, и слышишь по-иному. Как бы в забвении. Не органами чувств, а душой. Тех же, кто не находит в своём теле души, не терпит мистики, метафор и поэзии, поражают чисто физические свойства воды. Этой нестерпимо холодной водой моют голову без шампуней и мыла, и волосы становятся шелковистыми. Отстирывают до чиста одежду. Без применения химических средств и даже не подогревая.

Бугристая местность по обе стороны ручья покрыта мачтовыми соснами. Среди них встречаются такие патриархи, что невольно чувствуешь себя мотыльком-однодневкой. То и дело обходишь огромные мшистые стволы, лежащие на земле. Слышно, как в выеденной трухой и насекомыми середине копошится мелкое лесное зверьё. Не все деревья умирают стоя. Встречаются возвышенные участки с обрывистыми краями, как и низины, покрытые соснами. Они производят впечатление островов. Если в войну здесь и стояла деревня, давным-давно осыпались её погреба, а из прогнивших срубов и забытых могил проросли эти великаны.

За соснами неожиданно и светло открылись берёзы с удивительно чистой для меня, но не для этих мест, корой. Одеты они были в юбочки осинового подлеска. А дальше я увидел множество тесно поставленных стожков в рост человека. Это было знаменитое Чёртовое болото. А стожки — кочками, с которых густо и развалисто свисали травы. Словно старинные причёски “под горшок”.

Даже человек, бывавший в тайге, в таких местах чувствует не то что страх, а я бы сказал тревожное уважение к безлюдью. Одиночество. Затерянность. Не печаль, а тень печали. Ты лишь одно из лесных существ. Мне нравится это настроение.

Добрая душа Черныш по старой охотничьей привычке кружил вокруг меня, выискивая добычу, как кружит Луна вокруг Земли. Время от времени он сужал круги, подбегал поближе, смотрел внимательно: всё ли в порядке и не будет ли каких указаний, а затем снова начинал своё кружение, надолго исчезая, привязанный к человеку невидимым, но всесильным притяжением.

Иногда встречались семейки лисичек. Я их уважаю за чистоту. Червивые среди них почти не встречаются. Они мясисты, рыжи и при этом изящны. И, как каждый грибник, я смотрел под ноги. Но порой внезапно и неожиданно для самого себя, словно кто-то заставлял меня делать это, оглядывался.

Я увидел шарики лосиного помёта и понял причину смутной тревоги: я хотел и боялся встретить слепого белого, как снег, лося, о котором рассказывал Вася, неуловимого, как призрак, как дух леса.

Болото, топи, берёза, осина — самые места для лося.

Но помёт был прошлогодний.

Ночью мы сидели у костра и по очереди смотрели в бинокль на Луну. И я заметил: её макушка топорщится едва заметным бугорком горы. С тех пор как человек посмотрел с Луны на Землю, мир не мог не измениться. Люди совсем по-другому смотрят с Земли на Луну.

В детстве Луна для меня была персонажем из сказок. Представителем волшебных сил. От неё веяло колдовскими заговорами, тайной.

Со временем я привык смотреть на неё как на космический объект. Холодный, безжизненный, скучный.

Но этой ночью мы были на территории легенд и мифов. Черныш, дремавший возле костра, то и дело поднимал голову и вглядывался в темноту, где бродил слепой белый лось.

И я снова смотрел на висящий в чёрной пустоте серебряный шар глазами мальчишки, которому только что бабушка рассказала страшную сказку.

В окно заглядывает медведь: не в этой ли избе съели его ногу?

Давно я не спал так безмятежно и сладко, как в этот раз — в безлюдном лесу. Шумел в ночи водопад. Время от времени вздыхали сосны. От камня, как от печи, шло тепло, накопленное за день.

Ранним утром сидели мы с удочками под берёзами у лесной запруды. Манная Каша, я, дед Ромаша на размытой плотине возле трубы, а мой упрямый рыжий друг на другой стороне озера, над омутком.

Старикам трудно было преодолеть промоину.

— Ничего, — говорил дед Ромаша, поудобнее устраиваясь на охапке травы, — кому везёт, у того и в колодце карась клюёт.

Выудив окушка с ладошку, приговаривал:

— Тащил карася — вытащил порося. Поймался дурачок на пустой крючок.

Но чаще всего:

— Сорвался, который не брался.

Насадит червя, поплюёт и напутствует:

— Ступай с плевком, вернись с окуньком.

Или:

— Шевелись шустрей, лови рыбу без костей.

А в другой раз:

— На новую насадку ловись чебак с лопатку.

Не рыбалка, а айтыс.

Утро занималось редкое даже для Приволья. В его благодати сидели мы как в нирване.

И спросил дед Ромаша деда Манную Кашу:

— Как думаешь, Ной Ноевич, берут в рай матерщинников?

Больше всего на свете дед Манная Каша не любил сквернословов. Когда при нём бранились, он краснел, как девушка, морщился и плевался. Самым страшным его ругательством было: “Ты ещё манную кашу не ел!”, откуда, собственно, и произошло прозвище. Дед Ромаша же вставлял мат через слово. А то и чаще. Для связки слов в предложении. Самой невинной его присказкой было: “Ну и отлил ты, трах-тарарах, из г...на пулю!”. По этой причине, повторяю, ранее, здесь и далее речь деда Ромаша даётся в пересказе. Слишком образна она, сами понимаете, для художественной литературы.

Вопрос удивил Манную Кашу, но не застал врасплох. Покосился он на Ромашу, как на явное недоразумение, и ответил вопросом на вопрос:

— А какого тебе, манная ты каша, ещё рая надо? Где ему быть как не на Земле?

— Да, в раю живём и своего счастья не понимаем, — согласился дед Ромаша, пересыпая свою речь, как картошку солью, разного рода выражениями. — Ходим с кислой рожей по росе. А нет чтобы морду-то поднять. Посмотреть на лес, на запруду, на то же небо. Ишь, как его переливает! Рай, рай. Правду говоришь, где же ему быть, как не на Земле. А мы её всё поганим да поганим.

— Слова разные говорим — уши вянут, — в тон ему добавил Манная Каша.

Намёк дед Ромаша пропустил и спросил с долей сожаления:

— Так, думаешь, нет рая, кроме нашего сарая?

Долго молчал Манная Каша. А утро всё расцветало, будто во всё небо раскрывались лепестки розы. Молодой свет красил нежным цветом и без того волнующий душу пейзаж. Золотым, тёплым звоночком запела незнакомая мне птица. И по её трелям было понятно, что она хорошо выспалась и рада видеть Приволье и нас, сидящих у запруды. И словно по её подсказке сказал дед Манная Каша поразившие меня своей бездонностью и родниковой чистотой слова:

— Что рай? Рай, как это отражение в воде. Вот и ответ себе — есть он или нет.

Я посмотрел на тихую запруду и не увидел границы между водой и небом. Была лишь чистота, помеченная белыми лилиями, и ясная симметрия — разлапистые сосны на взгорье, растущие кронами вверх, и сосны под взгорьем, растущие кронами вниз. Глубина соответствовала высоте, и свет, тёплый свет заливал всё благодатью — красные стволы сосен, невидимую прозрачность и невесомость воды лесного озера и лица двух старых людей, с печальным умиротворением созерцающих первозданный мир.

Дымком сигареты поднималась над дедом Ромашей его невесомая душа.

Холодная лапа легла мне на затылок и стянула кожу, как медведь скальп. Я едва не поперхнулся восторгом. Уж очень сочетались слова деда Манная Каша с этим лесным озерком.

— Не нужен мне никакой рай, — сказал дед Ромаша. — Приволье сгорит, а я ещё немножко на тёплом пепле поживу.

Уж больно красиво. Вычитал, наверное, где-нибудь.

И, что удивительно, не вставил ни одного худого слова.

— Только бы жить начинать, — в тон ему добавил дед Манная Каша.

Приволье, конечно, рай, подумал я, застыдившись внезапного очарования, но представь, что нужно жить здесь изо дня в день, год за годом всю жизнь. В сушь. В нудные осенние дожди. В пургу по неделям. Вряд ли это покажется раем.

Хотя, что я мог знать о Приволье, заезжий человек?

Вот сидят старики. Прожили здесь всю жизнь. А говорят — рай.

И тут произошло событие, которое едва не поссорило меня с дедами.

В дальнем углу, где сосны подошли к воде и тень ложилась на озеро, послышался треск сучьев, чавканье, шорох тростника. Из сумрака леса появился лось, с плеском вошёл по грудь в воду и долго пил.

Лось был белым.

Я молча показал в его сторону рукой.

Утверждаю: старики видели то, что видел я. Они замерли, напряжённо всматриваясь в пьющее воду животное.

Я хотел обратить на него внимание Дениса Фёдоровича, отделённого от места водопоя мыском, поросшим черёмухой, но боялся своим криком испугать сохатого.

Пока лось пил, старики не шелохнулись. На удочку деда Ромаша давно попался окунь и утащил поплавок в траву, а он и не собирался его вытаскивать.

Когда, напившись, лось с плеском, чавканьем и треском скрылся в лесу, я спросил:

— Видели?

— Кого? — спросил дед Ромаша.

— Белого лося.

Деды, которых я уже считал своими друзьями, подняли меня на смех.

Они, самым бесстыдным образом глядя мне в глаза, утверждали, что я, горожанин, перепутал лося с коровой.

Да, живу я в городе, водится за мной такой грех. Но родился-то в деревне. Лосей в тех краях не водилось, но на коров я посмотрелся достаточно. Это была не корова. Что-то не встречались мне за Горбатым мостом коровы. Если, конечно, в Приволье не обитает особая разновидность диких коров с лосиными рогами.

Но спорить я не стал: корова так корова. Лишь спросил с укоризной: а корова-то хоть белая? На что деды, смутившись, согласно закивали головами.

Одно я понял: не хотели деды видеть то, что видели.

На следующий день я выяснил: ни одной белой коровы в деревенском стаде нет.

Тайный смысл блужданий слепого белого лося вокруг Приволья раскрыла мне Анна Фёдоровна.

Сидели мы за вечерним чаем на веранде, и она рассказывала самую страшную быль, когда-либо случившуюся в этом доме.

Дед Ромаша восседал на своём месте под торпедным катером. Картина такая. Писана Васятой по фотографии. Этот номерной катер имел к биографии деда Ромаша самое прямое отношение. И тельняшка под стремительно летящим судном (вот-вот и вырвется за пределы рамы) была к месту.

Дед Ромаша хмурился. И всё пытался перевести разговор на другую тему.

— Не верю я в эти приметы, — говорил он. — Всю жизнь веник вверх метёлкой у печки стоит, а денег как не было, так и нет.

Но тётя Аня на соблазн не поддавалась.

— Захожу во двор — дверь открыта, — рассказывала она, и лицо у неё было такое, будто человек только что переживает событие и тут же его комментирует. — А я её так на замок прикрыла. Без ключа. Дужку накинута и — всё. Кто с улицы глянет: нет никого дома — и дальше пошёл. В дом захожу, а солнце через все комнаты так и светит. Меня как кто надоумил.

Я за печку — ружья нет.

Немного погодя Ромаша приходит.

“Где твоё ружьё?” — спрашиваю.

“Как где? За печкой”.

Сердце у меня так и оборвалось: надо к участковому бежать. А он — “ха” да “ха”.

Тут соседский хлопец прибегает: “Тётя Аня, ваши фотографии у Пьяного родника валяются”.

Я к участковому. Так и так: ружьё, фотографии...

— Хватит тебе всякую ерунду говорить, — вспыхнул, как сухой камыш, дед Ромаша.

Не нравились ему эти воспоминания, ох, не нравились.

— Что уж теперь — дело прошлое, — спокойно отвечала Анна Фёдоровна, — а что было, то было.

Не зря, видно, Бубенный белого лося видел.

Ружьё, как потом выяснилось, украл заезжий человек, которого Анна Фёдоровна назвала Чеченом. За селом он остановил “Жигули” и расстрелял семью. Беременную женщину и мальчишку в упор. Наповал. А убегающего Бубенного ранил ниже спины, выстрелив вслед. Вместо того чтобы броситься на бандита, убивающего жену и сына, мужик побежал в лес. Бандит хотел уехать на машине, да не смог её завести: Бубенный ключ зажигания с собой прихватил. Спас себе жизнь и машину, пожертвовав сыном и женой. Многие с ним после суда перестали здороваться. Уехал он из села. А куда — никто не знает.

— Я ещё у участкового сижу, а уж к нему Бубенный вбегает. Все штаны в крови. Тут всё и обнаружилось. Поймали душегуба.

Суд был. Прямо здесь, в Приволье. Чечену, что положено, присудили, а деду Ромаше — год условно за неправильное хранение оружия. С тех пор у нас за печкой сейф стоит, к полу на болты прикрученный, — закончила свой рассказ Анна Фёдоровна.

Дед Ромаша, переморщившись, перекашляв, справился с досадой, вызванной неприятными воспоминаниями:

— Сижу я после суда. Курю. А сам думаю: с чего бы этот Чечен к нам в дом полез?

Вспомнил: Заушенко видел, как я зарплату за полгода получал.

А этот Чечен как раз у него останавливался.

Вот почему он пачку фотографий взял. Думал — деньги. А это детские фотографии. Аня их газеткой обернула да шнурком обвязала. В кофод прибрала.

Только я это подумал, Заушенко идёт. Руку протягивает здороваться.

Я ему говорю: “Твоё счастье — ружья у меня нет. Ещё раз встречу — застрелю”.

Через неделю, сволочь, уехал. А куда, никому не сказал.

— Тот год для Приволья худой был. Игорь застрелился, — добавила Анна Фёдоровна.

— Плохого человека не застрелишь, а хороший сам стреляется, — удивился неразумно устроенному миру дед Ромаша.

— Тоже, говорят, белого лося видел.

— Хватит старушечьи сказки рассказывать, — вновь с досадой вскричал дед Ромаша.

И я понял, что разговоры о слепом лосе его волновали не меньше, чем печальная повесть об украденном ружье.

— Какие же сказки, — спокойно отвечала Анна Фёдоровна, привыкшая к горячей натуре деда Ромаша. — Что было, то было. Этого Игоря мать,

заезжая забулдыга, бездетной семье продала. А сама, распутница, сгинула. Вот он вырос. А приёмные родители уже пожилые были. Рано умерли. И всё у него как-то неладно пошло. В армию не взяли. В институт не поступил. Никто с ним не родился. Губа у него заячья была. А жила у нас в Приволье такая девица — Родниковая Люся. Вот он к ней и посватался. Да неладно она его встретила. Зашёл он к нам, поднял с полу гвоздь, да говорит: “Вот и я, как этот ржавый гвоздь, никому не нужен”. Пошёл и застрелился. Кабы знать. Я бы отговорила.

Тут дед Ромаша выдал один из своих непечатных шедевров, смысл которого можно приблизительно передать так: грешат одни, а за грехи отвечают другие.

Понатоптал, видать, слепой лось троп у Приволья.

Расспрашивать Анну Фёдоровну при деде Ромаше, какое отношение к самоубийце имеет сохатый, я не стал, понимая, как неприятен ему этот разговор.

Но на следующий день, когда Анна Фёдоровна нарезала грибы для сушки, я подкатил к ней чурбан и присоседился. Стал тоже кромсать лисички. И при этом интересоваться секретами сушки, засолки, пропарки, мариновки, полагая, что подобные разговоры милы женскому сердцу. А потом и говорю с невинным видом, а как вы думаете, тётя Аня, едят ли лоси грибы? А тут уж до интересующей меня темы рукой подать.

— Сама я его не видела, — призналась Анна Фёдоровна, — но люди говорят, — кружит он возле Приволья, а то и в село заходит. А кто встретит его, что-нибудь худое приключится. Издали увидишь, может быть, и обойдётся, а заглянешь в слепые глаза — быть беде.

В соседях у нас женщина такая Иванова Степанида жила, — не отвлекаясь от дела, кивнула Анна Фёдоровна головой в сторону пустоши, заросшей лебедой. — Поднялась она ночью воды попить. Видит: стоит у открытого окна лось и занавеску жуёт.

А луна полная была.

Сам белый, как из серебра, а глаза гноятся, и в них белые черви копошатся.

Через месяц цинковый гроб привезли. Сын у неё в Афганистане служил.

Неладно его увидеть.

Перед тем как Союзу развалиться, многие его видели. Как он появился, что ни год, всё больше брошенных дворов. Деревня, как рот у старухи, — один торчит, двух нет. Дом — домовище, дом — пепелище.

Степанида умом тронулась. А у неё ещё младший сын был Гоша. Такой ладный парень. Ещё и в армию не ходил. Я, говорит, этого лося, если он есть, застрелю. Взял ружьё и ушёл в лес. День проходит, другой, на третий возвращается. Белый, как эта стена. Видел? Видел. Стрелял? Стрелял. Пуля сквозь него прошла, а он как бежал, так и бежит.

И недели не проходит — Гошу мёртвым у вышки нашли. Люди разное говорили. Вроде бы его с самого верха толкнул кто. А может быть, сам спрыгнул на камни.

Так что есть он, нет его — сама не видела. Но случится встретить — отвернись на всякий случай. Главное в его пустые глаза не глядеть. И никому не рассказывать, что видел.

Черныш лежал у своей будки на траве со съедобными семенами, которую в наших местах звали “калачиком”, и внимательно слушал хозяйку.

Он снова был на цепи.
Привязала его Анна Фёдоровна во имя милосердия.
Пёс так сдружился с нами, что с непривычки отбил себе лапы и ему был прописан постельный режим.

Дед Ромаша сидел в кресле посреди заросшего травой двора. Грелся на солнышке и читал книгу. Я полулежал на диване в предбаннике, и невидимый из-за занавески, исподтишка любовался дедом Ромашей.

Книга была написана мной. И мне было любопытно наблюдать за живым читателем. В этой книге я отдал дань современным суевериям. В ней лесник Митрич приобщает к охране природных богатств лесную нечисть. Но нечисть оказалась разная — хорошая и плохая, наша и не наша, партийная и беспартийная, демократическая и, тьфу на неё, тоталитарная.

Дед Ромаша вот уже час не отрывался от книги. Время от времени он хлопал себя по колену, хохотал и в восхищении сквернословил.

Никогда ещё мат по моему адресу не был мне так приятен.

Собственно, это Митрич читал о самом себе.

Вечером дед Ромаша пересказывал мне прочитанное. Не обсуждал, не делился мнением, а именно пересказывал. Но пересказывал так вкусно, так по-своему, что хотелось переписать всё заново.

Иногда мы беседовали с ним о высоком искусстве.

— Объясни мне, трах-тарарах, что такое вдохновение, — заглядывал он мне в глаза. — Вот говорят: вдохновение, вдохновение. Может быть, врут, трах-тарарах?

— Допустим, вы ровные берёзовые чурки колете, — отвечал я, — не сучкастые, не комли.

— Ну...

— Ударил — раскололась, ударил — раскололась. И в такой раж войдёшь — не остановишься.

— Ну...

— Вот то, что вы при этом чувствуете, и есть вдохновение.

— Да ну? Любишь, значит, дрова колоть? А скажи, как ты, трах-тарарах, колун из сарая тыришь?

Но не все секреты творчества следует раскрывать.

— Ну а если комли попадутся? — интересуется дальше искусством дед Ромаша.

— Когда уж в раж войдёшь, всё равно — комли, не комли. Лишь бы чурбаны под рукой были.

— Да, наворотил дров, — уважительно сказал дед Ромаша, взвешивая в руках книгу, — как рассчитывать, не знаю.

— Вот придёт зима. Станет дед Ромаша баню топить. Скажет: “Жарко горит полешко. Этот чурбан Николай расколол. Дай ему Бог здоровья!”. Бог подумает: “Надо уважить деда Ромашу. Человек всю жизнь за зверем приглядывал, родники чистил”. И даст Николаю здоровья. Вот вы и в расчёте будете, — певуче вступает в разговор Анна Фёдоровна.

Удивительно, как быстро привязываешься к старикам и детям. Подумаешь, что скоро уезжать, тут же соринка в глаз попадает.

Послышался долгий космический звук. Скрипела невидимая с моего места калитка.

— Здорово, деда! Колун дома? — послышался голос Васиаты.

Что значит деревня. И недели в Приволье не прожил, а уже почётное прозвище присвоили.

— Чего расшумелся, медведь-шатун, — приструнил его дед Ромаша. — Тише! Николай в бане мемуары пишет. Вечером приходи.

Я распахнул дверь:

— Заходи, Васиата.

— Слышал, скоро уезжаете, — сказал он, вынимая из пакета плоскую дощечку. — Вот, на память о нашем Приволье.

Это была гравюра. Я взглянул на неё, и голова закружилась от пёстрого хоровода деревьев и трав, птиц и зверей, теней и солнечных пятен. Растения и животные как бы переплетались, перетекали одно в другое. Отражение леса в азартной памяти охотника. Были здесь и токующие глухари, и косач-лирохвост, пёстрый дятел, рысь, косули, мелкие пичужки и бабочки. Сквозь этот пронзённый лучами сумбурный круговорот мощно и легко бежал белый лось.

— Что ты, что ты! Это подарок, — запротестовал он, когда я достал из рюкзака кошелёк.

Но кадык у него судорожно дёрнулся.

Я протянул тысячу тенге, извиняясь, что не могу дать больше.

Он замахал руками:

— Куда столько много! На “Хому” и хватит.

— Много, — рассердился я. — Банка солёных груздей полторы тысячи стоит.

— В прошлом году дешевле отдавали, — сказал Васиата, пряча в карман деньги, — в этом груздей совсем нет.

— Да при чём здесь грузди? Не ценишь ты свою работу. А это нехорошо. Ты хоть понимаешь, Васиата, что ты — талант? Понимаешь, что тебе искать себя не надо? Нашёл ты себя.

— Василий, — перебил он моё наставление.

— Что — Василий?

— Зови меня Василий. Васиатой меня дразнят.

Я смутился и обратил взор на гравюру:

— Какие тонкие у тебя штихеля.

— Чего?

— Резцы.

— А! Это я спицы от старого зонтика заточил. Хорошо режут.

— А почему ты оттиски не делаешь? С этой дощечки можно хоть сто, хоть тысячу гравюр отпечатать. Неразумно отдавать основу. Всё равно что расплачиваться не деньгами, а клише, с которых их печатают.

Я посмотрел на лицо Василия и понял, что элементарные вещи, о которых рассказывал, были для него откровением.

К тому же мысли его были заняты скорее “Хомой”, чем высоким искусством. В нетерпении постукивал он носком рваной кроссовки по полу.

Я ткнул пальцем в гравюру:

— Этот слепой лось. Говорят, беду приносит?

— Не всё людям лося бить. Почему и лося на людей не поохотиться? — ответил он с весёлым злорадством.

— А ты не боишься?

— Кому от водки сгореть — не утонет, — с горькой, слегка надменной усмешкой сказал он, выходя на крыльцо, — прощай, если до отъезда не увидимся.

Я подумал, что больше, пожалуй, и не увижу этого нескладного, не ценящего себя и свой дар человека и, подавив внезапную, как боль в сердце, жалость, пробормотал вслед: ты, мол, рисуй лес, побольше рисуй, да кому попало не раздаривай; придёт время — за твоими лесными гравюрами ещё гоняться будут. Что-то вроде того. С каждым случается такой грех: хочется иногда приятное сказать человеку.

— Баловство это, — ответил он, стоя ко мне сутулой спиной. — Чего его рисовать, лес-то? Вон он стоит уже нарисованный. И шумит, и звенит, и пахнет. Приезжай да смотри. А то повесят на стену мертвечину, глаз прищурят и смотрят, смотрят. Чего увидишь? Как шкура рыси на диване. Разве с живой сравнишь. Ты по дороге на Горбатый мост проезжал? Сосны видел? Километров пять по обе стороны тянутся. Поди, думал — дикий бор? Дед Ромаша с тётёй Аней пятьдесят лет назад посадили. Вот это я понимаю — художники. Нарисовали — от живого не отличишь. Жалко: вырубят скоро. А сажать больше некому. Лет через десять приедешь, а на месте Приволья — степь да сулики.

Последние его слова совпали с заунывным, как погребальный плач, скрипом калитки.

Дед Ромаша, заложив страницу травинкой, закрыл книгу.

— Ну, загуляет нынче Васята, — сказал он, может быть, и не с одобрением, но и без особого осуждения.

Вскоре случилось знамение, которого ждал дед Манная Каша.

На исходе августа выдалась небывало холодная ночь. Температура опустилась до минуса, и землю припорошило снегом.

Огурцы, помидоры, картофельная ботва — всё почернело и обвисло плетьюми.

Анна Фёдоровна, наохлавшись и напричитавшись с утра над огородом, решила протопить избу.

Весело затрещала берёста, вспыхнули щепки, занялись поленья.

И в этот момент в гулкой полости печи послышались странные и зловещие звуки: шорох снизу вверх по дымоходу, словно шипела взлетающая петарда, и отчаянное верещание.

Все выбежали на улицу и увидели, как из трубы вместе с дымом выскочил маленький чёрный чёрт.

Дымя хвостом, он пронёсся по крыше и перепрыгнул на ветвь ели.

Той, у которой лет двадцать назад, зависнув на вертолёте, геологи отпилили вершину.

А поскольку границ между лесом и усадьбой деда Ромаши не было, чёрта только и видели.

Правда многим, и мне в том числе, показалось, что это была белка, перепачканная сажей.

Но дед Манная Каша, узнав о происшествии, был уверен, что это был именно чёрт. Но в образе белки. Какая нормальная белка, манная каша, ползет в печь, спрашивал он, и, поплевав на ладони, с удвоенной энергией тесал брёвна для ковчега.

Я пытался его переубедить:

— Думаю, дедушка, если Бог и устроит потоп, он ваше Приволье сделает островом. Не за что особенно вас топить.

Но дед больше полагался на бестелесную душу Капитона. Я для него не был авторитетом.

Анна Фёдоровна в потоп не верила, но тоже обеспокоилась.

— Белка в село забежала — быть беде, — говорила она. — Старики рассказывали: перед войной тоже векша по улице бегала. Хуже приметы нет.

— Тоже мне примета, — сердился дед Ромаша, — белка в село забежала. В лесу живём.

Денис Фёдорович, неутомимый борец с суевериями, по поводу случившегося ничего не сказал.

Я не узнавал своего рыжего товарища. За всё время в Приволье он никого ни в чём не переубеждал, не задирали и, считай, не спорил. Был тих, печален, погружён в себя, и всё напевал под нос, как “вечерней гулкой ранью проскакал на розовом коне”. А когда однажды Анна Фёдоровна глубоким, душевным сопрано затянула “деревня моя, деревянная дальняя”, лицо его непроизвольно исказилось и, отвернувшись к окну, он сказал незнакомым мне сдавленным голосом: “Не могу я слушать ваши деревенские песни”. Но овладел собой. Дуэтом они допели до конца. И скажу — редко приходилось слышать столь искреннее, столь проникновенное исполнение.

Я спросил, знают ли они, что слова этой песни написал наш казахстанский автор — Владимир Гундарев. “Ты что-то путаешь, — засомневался дед Ромаша, — эта песня народная”.

Я задумался: что значит народная? Как это вы себе представляете? Садится народ — несколько миллионов душ — и сочиняет песню? Каждую самую народную, самую разную песню пишет один человек. Не верю я в коллективное творчество. Когда говорят о народных песнях, всегда с грустью думаю о людях, преданных забвению. Конечно, что такое один человек? Тем более, если он не президент, не директор лесхоза или, скажем, продавец. Так: был, да не стало. Кто считал, сколько крестов на маленьком погосте Приволья сгнило? Но случается, что один человек за весь народ отдувается. И в такие минуты один человек и есть народ. Хорошо бы хоть раз пережить такую минуту, а там уж всё равно — вспомнят, не вспомнят. Вот эти славные старики никогда не слышали о поэте Гундареве, а между тем какой уж год его душа незримо живёт рядом с ними.

В последний вечер мы с Денисом Фёдоровичем чистили Ближний родник.

Горло его заилилось. Слой грязи на два штыка лопаты сверху был устлан толстым слоем чёрной листвы. Русло некогда вытекавшего из него ручья сокрыто крапивой, завалено мшистыми стволами деревьев. Часть из них ещё не утратила качеств древесины, а иные брёвна чавкали и пугырились под ногами, как губки.

Мы прорубились через этот бурелом, перемешанный жидкой грязью, до основного ручья ниже по склону. Тоже едва живого. От каждого удара топора

грязь летела во все стороны. Было холодно, а сапоги мы не взяли. Пришлось разуться и закатать штанины. Когда углубляли русло, лопата зацепилась за корень, и черенок треснул повдоль. Просто расщепился. Должно быть, тоже какая-то примета. Что она означает, не знаю, но несколько секунд я был парализован первобытным страхом, предчувствием беды.

Ил из родника пришлось выгребать руками.

Вода чёрная и холодная, как космос. Когда я запустил руку по локоть в ил, из-под листвы, как некое инопланетное существо, растопырив лапки, всплыла белая лягушка. Потерявшими чувствительность пальцами я нащупал что-то твёрдое. Это было доньшко бутылки. Вычерпав гору чёрной жирной грязи, вместе с разным многолетним хламом, оставшимся от попоек, мы дошли, наконец, до песка.

Никогда не забуду этого момента.

Песок вздыбился пирамидкой и, рассыпаясь на крупинки, осел. Прошло несколько секунд, и он снова взбурлился.

В глубине планеты, под нами тихо забилося спокойное сердце Земли. С частотой двадцать пять ударов в минуту.

Шмыгая носами, мы ждали, когда сойдёт муть.

Руки и ноги ломило от холода и одновременно они горели от ожогов крапивы. Ожившие после ночного заморозка комары, словно навёрстывая время, жалили с удвоенным остервенением. А над нашими головами ровно, просторно и чуточку печально шумел хвойный океан.

Тело страдало. А на душе безмятежно и грустно. Но такая это была грусть, что глупо было променять её на любую радость.

Как жаль, что нет такой профессии — чистильщик родников. Ничем другим бы и не занимался.

Когда муть сошла, я зачерпнул в окоченевшие ладони ледяную воду.

Испил из родника, к которому многие годы выходят в сумерках дикие звери, и был причащён к его тайнам. Уши мои отверзлись, глаза увидели то, что до этого не видели, а душа соприкоснулась с душой лесного Приволья.

Я был принят лесом за своего.

Так мне, во всяком случае, показалось.

Мы с Денисом Фёдоровичем долго смотрели на отражение сосен в тёмном зеркале родника, вмещавшем в себя вселенную. Где-то рядом летал светлый ангел. Шорох его крыльев смешивался с шелестом хвои. Было слышно, как перья царапались о сосновые иглы. В этот раз мы не взяли с собой видеокамеры. И очень об этом жалели. Но потом я подумал: всё правильно, таков обычай. Сделал добро — брось в реку. В нашем случае, в ручей. И нечего этим хвалиться. Кому бы ты ни делал добро, ты делаешь добро самому себе. Разве не так?

Когда мы вышли из соснового бора к деревне, тревожный свет остывающего солнца пролился из-под тёмной тучи и окрасил в закатный цвет, цвет вселенского пожара, избы, стога, покосившиеся кресты кладбища, небольшое стадо коров, степенно вышагивающих по единственной кривой улице, и пастуха, понуро бредущего следом.

Вернувшись в город, первым делом я занёс гравюру Василия, сопроводив её небольшим текстом, знакомому редактору.

Душевные порывы, по себе знаю, нужно исполнять сразу. Эти чувства, как горячий борщ. Чуть замешкаешься — и остыл. А подогреешь — уже не то.

Держа дощечку на отлёте, редактор долго разглядывал её через очки, которые держал, как лупу, на расстоянии от глаз. Лицо его от этого сделалось слегка надменным и презрительным. Человек он душевный, когда то мы с ним были почти друзьями, но поскольку в этот раз я сидел перед ним в роли автора, он и вёл себя как редактор.

— И кому это интересно? — спросил он, перевернув дощечку обратной стороной и читая дарственную надпись. — Ну живёт в твоих дремучих дебрях художник... э-э-э... Василий. Мало их сейчас по дремучим и не дремучим местам, неприкаянных, мается? Обо всех не напишешь. Я перед тобой лукавить не стану. Если только на правах рекламы. Но ты знаешь, сколько квадратный сантиметр газетной площади стоит? Плати — и хоть собственный рентген черепа печатай, хоть — хе-хе — стишата любовнице. Есть у нас один чокнутый — деньги ему девать некуда — каждый месяц полосу для своей зазнобы покупает. Читал бы ты эти стихи...

Он осторожно положил дощечку на тёмное зеркало стола, размером с двуспальную кровать, прихлопнул ладонью и, как мне показалось, сам удивившись, назвал мне доверительным тоном цену квадратного сантиметра.

Клочок газеты, с которым и в туалет не сходишь, стоил больше моей месячной зарплаты.

У редактора в общении с навязчивыми авторами, прорвавшимися к нему, две проблемы. Во-первых, как интеллигентно отказать в публикации и, по возможности, не обидеть. А во-вторых, как вежливо выпроводить.

— Ладно, старик, оставь свою цидулку, — сказал он, озабоченно сморщив лоб, — обещать — не обещаю, но вдруг слетит материал и надо будет срочно чем-нибудь “дыру” забить. Хотя сейчас в газету, как в автобус, лезут, локтями толкаются. Без “пиара” нет базара. Зайди к Анфисе Щедрой, пятый кабинет, пусть сходит в компьютерный, гравюрку отсканирует. А то, сам понимаешь, потом концов не найдёшь. А вещичка любопытная.

С тех пор прошло немало времени, но “дыра” в газете так и не появилась.

Да и душевный порыв мой остыл. Я более не предпринимал попыток поведать общественности о художнике из Приволья.

Оставленные на время заботы накиннулись на меня, как отощавшие комары. Но в суматохе дел я, нет-нет, да и утешался мыслью о Приволье. Среди бескрайних степей, далеко-далеко, как на другой планете, представлялся мне островок тайги — земной рай, где живут созвучные мне старики и беззаботный художник Васята. Было в этих людях то, чего давно нет в большинстве современных стихотворцев и живописцев, — поэзия. А в дебрях, покрывших сопки, как неприкаянная совесть, бродит слепой, посевший от страданий лось, смущая души и тревожа сердца.

И то-то я был взволнован, когда от деда Ромаши пришло письмо.

В нетерпении вскрыл конверт, предвкушая запретное наслаждение от своеобразного слога моего старого друга.

Но, увы, человек редко пишет так, как говорит. Только по живой, спонтанно текущей речи можно судить о характере человека. Обратите внимание на

созвучие — река и речь. Также как по ведру воды нельзя представить реки, так и письмо может ввести в заблуждение. Прочитав четыре страницы, исписанные вольно стоявшими буквами, похожими на иероглифы, я был удивлён, обнаружив всего одно крепкое слово. Да и то, можно сказать, японского происхождения.

Из письма я узнал, что дед Манная Каша больше не строит ковчег.

Сразу после нашего отъезда проведать старика своим ходом приехала внучка с мужем. На описание внучки дед Ромаша затратил одно слово — “бизнесменка”. О её муже отозвался также кратко, но холодно — непьющий.

В подарок гости привезли телевизор и громадную, больше круглого стола, тарелку. Установили её на крышу сарая, от чего тот опасно накренился. Пришлось подпирать стены жердями.

А надо сказать, добавлю от себя, ближайшая к Приволью телевышка с самой перестройки ржавела без пользы. То ли охотники за цветным металлом выпотрошили её, то ли пожар случился — не помню. Но отсутствие телевидения составляло одну из прелестей лесного села. Хотя местные жители по этой причине, увы, не подозревали о сухих подгузниках и премуществвах прокладок с крылышками.

После отъезда гостей дед Манная Каша долго не выходил из избы, исключая крайней нужды. Допоздна в его кривом окне, выходящем на погост, горел свет.

Через месяц он навестил деда Ромашу.

— Мы здесь живём, манная каша, как в берлоге, ничего не знаем, а Луна от Земли удаляется. Скоро совсем улетит, манная каша её побери, неизвестно куда, — с порога ошарашил гость хозяев ужасной новостью.

И пока тётя Аня хваталась за сердце, переживая последнее известие, а дед Ромаша приглаживал усы, пытаюсь скрыть чувства, Манная Каша растоптал последние надежды:

— Это бы ещё ничего. Как-нибудь без Луны проживём. Солнце остывает, вот какая манная каша получается. Скоро погаснет. А в потёмках разве жизнь? Одна манная каша.

В этом месте дед Ромаша возразил в том смысле, что в потёмках-то как раз самая жизнь и начинается. На что тётя Аня, махнув в его сторону рукой, сказала с укоризной:

— Помолчал бы, старый греховодник.

— Да я не про себя, — поскромничал дед, — у меня японская болезнь приключилась.

Это признание на фоне глобальных катастроф было сущим пустяком, но мнительный дед Манная Каша испугался и на всякий случай отодвинулся от Ромаша:

— Это что за такая болезнь?

— Ханах..ю, — ответил дед Ромаша.

Но даже этот ужасный недуг не отвлек гостя от проблем мироздания. И он выдал последнюю тайну вселенной:

— И не улетишь никуда. Скоро наша галактика с другой, забыл, как звать, галактикой столкнутся. Как бараны на мостике. Вот где манна каша-то начнётся.

На что, основательно подумав, дед Ромаша ответил:

— Ты чай с малиной или с мёдом будешь?

Но и за чаем Манная Каша беспокоился за судьбу вселенной и сильно возмущался начальством: не обращает оно должное внимание на кометы, Луну, Солнце и галактику в целом.

В конце весёлого письма дед Ромаша сообщил печальную новость.

Васята, несмотря на морозы и частые вьюги, всё так же шатался в драном полушубке по лесу и ночевал там, где заставляла его тьма.

Для ночлега он рыл норы в сугробах и, подстелив лапник, спал, как куропатка, под снегом. Совсем перебрался человек из Приволья людского в приволье лесное. Считай, лешим стал.

Одно его с селом связывало — “Хома”.

А надо сказать, несмотря на удалённость от цивилизации, капитализм проник и в далёкое Приволье. Зародился он в виде коммерческого магазина “Арина”. Это была, собственно, простая изба, в которой прорублена ещё одна дверь и пристроено крыльцо. Когда мы в первый день пришли закупить продукты, хозяйка выбежала к нам из жилой половины, на ходу надевая белый халат. Она отворила амбарный замок и пригласила войти. На вопрос: “Что у вас есть?”, ответила коротко: “Всё”. И действительно, кроме водки “Хома” на полках за её спиной было всё то же, что и в любом городском киоске, а в холодильнике — пельмени из печени, сало и мороженое. Больше всего моего товарища поразило сало. Казалось бы, в деревне-то... Но, как выяснилось позже, дешевле было сало купить у Арины, чем выращивать собственного поросёнка. В общем, в магазине у Арины было, если и не всё, то многое. Даже грецкие орехи. И Денис Фёдорович посоветовал хозяйке переименовать его в “Рамстор”. Вначале хозяйка встретила нас холодно, полагая, что мы пришли исключительно за “Хомой” и только отвлекли её по мелочам от домашних хлопот, но по мере того как рюкзак набивался продуктами, карманый калькулятор щёлкал всё веселее, щёки Арины разгорались утренней зарёй, а разговаривала она с нами всё любезнее. Думаю, за один заход мы сделали ей месячную выручку.

Помню, в тот день Васята прибывал к столбу, стоявшему напротив “Арины”, рекламный щит собственного изготовления: румяная дева в старинном наряде с хлебом-солью на рушнике. А над кокошником полукругом, витиевато: “Добро пожаловать!”. Лицом рекламная девица была схожа с хозяйкой магазина. Автором вывески также был Васята. Не погнушался он и малярными работами, изукрасив крыльцо синим, а по столбам вполукруг — прерывистая радуга.

Вспомнил я эту торговую точку потому, что именно здесь разыгрались шекспировские страсти, закончившиеся для Васяты весьма трагически.

Как я понял, за свои труды Васята брал исключительно жидкой валютой.

Потом залез в долг. Вскоре ему было отказано в кредите.

И вот дед Ромаша сообщил мне последний акт этой пьесы.

“Допившись до белого лося”, в один из морозных дней прибежал он в одних трусах и босой к магазину. В правой руке кухонный нож, левой держит в горсти причинное место.

— Аришка, дай опохмелиться, не то хозяйство отрежу! — вскричал он.

— Васята, нешто так можно? Людей бы постеснялся, — только и успела сказать продавщица.

А Васята, как серпом — шарк под самый корешок. Чуть напрочь не отхаракрил.

Куда тебе Шекспир! Эта сцена посильнее столкновения галактик будет.

“Прирастёт, нет ли? — писал в смятении чувств дед Ромаша. — Коровий доктор гарантий не даёт. А он своё дело знает: ни одного кабанчика в своё время кастрировал”.

Жуткая эта сама по себе история становилась зловещей из-за вскользь упомянутого белого лося. Я вспомнил, каким взглядом провожали односельчане Васяту. Никто не сомневался: человек обречён. Раз уж белого лося видел, какие сомнения? Но кто бы мог представить такой ужас?

Прочитав письмо, я долго разглядывал дощечку, на которой Васята вырезал жизнерадостный хоровод Приволья, кружение деревьев, птиц, зверей, трав, мелькание солнечных бликов и теней. Колдовским заговором веяло от гравюры.

Мне стало печально и тревожно. Я думал: отчего так несправедливо устроен мир к таким беззащитным и талантливым людям, как Васята? И какой в этом умысел? Отчего человеку уже не суждено слиться с природой? Почему нельзя быть свободным без денег? Почему свобода не означает счастье? Отчего нет счастья в земном раю без водки?

Мне было невыразимо жаль потерявшего себя человека с наивными глазами провинившегося ребёнка.

Но однако сознаюсь, через неделю-другую я трясся в трамвае и внезапно представил себе сцену у “Арины”. Мне стыдно признаться в бессердечии: я едва сдержал конвульсию смеха. Мне удалось это лишь потому, что я не хотел выглядеть сумасшедшим в глазах пассажиров, совершенно посторонних и очень печальных людей.

Конечно, дожить до моих лет и не стать циником трудно. С другой стороны, если человек даже в трагедии видит смешную сторону... Не заключён ли в этом оптимизм, благодаря которому человек продолжает жить, хорошо зная цену этой жизни?

Перед тем как опубликовать эту рукопись, я отдал её на суд Денису Фёдоровичу. Всё-таки это было вторжение на территорию его детства.

Прочитав, он сказал:

— Вот ты всё про слепого лося пишешь. Да ещё белого. Я в сказки не верю, но это дело десятое. Понимаю: художественный образ. Но я не об этом. Все сказки об этом лосе ты собрал, а самого главного не знаешь. Ружьё, из которого лосю глаза выбили, у Ромаша за печкой, в сейфе закрыто. Помнишь, он про подарок говорил? То самое ружьё.

— И что? — спросил я в лёгком замешательстве.

— А то, что из этого ружья Ромаша ни разу не выстрелил.

Он помолчал и сказал, странно посмотрев на меня:

— Он вообще ПОСЛЕ ЭТОГО ни разу не стрелял. Понять можно. Да и годы не те.

Я знал незатейливый закон драматургии: ружьё, висящее на стене в первом акте, в последнем должно обязательно выстрелить.

Но я не знал, что и ружьё, закрытое в сейф, всё равно выстрелит.

Опять горит лоскут заката —
Рвёт синеву!
И в сноп бросает виновато —
Траву, траву.

Сноп за снопом... Горят деревья.
Горят миры...
Закат. Дымят, пылят кочевья —
Дрова сыры.

В огня безумии есть правда —
Смотреть вверх.
Ты, может, прав: кому-то надо
Гореть за всех.

По чертежам, по картам ли, по следу,
Минуя сны, несётся к небесам
Полночная Душа. Я не вернусь к обеду.
Ты не сердись. Обедай нынче сам.

В согласии с природой Мирозданья,
Приняв иные правила игры,
Я оставляю шум, поместья, лица, зданья.
Я ухожу до срока. До поры.

Туда, где звуки льются, словно струи,
Туда, где гнев смиряет нежно грусть,
К моим ногам ложатся тихо бури, —
Я ухожу. Но я ещё — вернусь!

Твой флаг приспущен,
Меч — в ножнах.
Глаза не видят
Зримой цели.
Войска
В бесчисленных боях
Давно изрядно поредели.
Но рано ты трубишь отбой.
Смени позицию — и в бой!
С самим
собой.

Я искал и терял —
На бегу, на ходу.
Я бросал, поднимал,
Я метался в бреду.
Звёздный поезд гудком
Известил свой приход...
Что потом? А потом —

Только лёд... Только лёд...
Звёздный поезд ушёл —
Без гудка, без следа.
Что ещё? А ещё —
Лёд растаял. Вода...
И носило меня
Словно звёздную пыль:
Я себя догонял,
Я себя торопил.
И опять я искал,
И опять я терял,
И стучало в висках:
Может, зря, может, зря!
Приходила беда,
Уходила беда.
Проплывала звезда.
Исчезала звезда.
Так бывало всегда,
А порой — иногда:
То туда поезда,
То — отсюда сюда.

Куда иду, что так упорно
Пытаюсь оступиться?
Туда ли, где я был уже?
Туда ли, где не быть?
Не потому ли я прослыл
Неслыханным тупицей:
Мне жаль деревьев,
С неохотой
Идущих на гробы.

Кто вычернил мой белый лист
Ужасным мелом?
Дворцы сжигать,
Чтоб сердце потушить?
Чего ты ждёшь,
Ведь всё уже сторело,
Излапанная
Ткань души?

Угрюмый дед,
Застывший у избы,
И сполохи огня,
Как бабы вздохи...
Поэт,
Зачем надолго ты забыл,
Что неподвластен
Правилам эпохи?

Зачем предался
Мимолётным дням,
Служить чья участь
Подмастерьем торга?
И если не найти
Вчерашнего огня,
При жизни умирать —
Не повод для восторга.

Да, откупиться проще, —
Ты сказал, —
Чем искупить;
Но каждый выбрал долю.
За то
Тебе поток рукоплескал
Ручьёв несущихся
По божьей воле.

Так опрометчиво!
Как дождь из тучи — стечь.
Забавы ради — разом?
Время — лечит?
И не могу! и не желаю! —
Пренебречь
Тем,
С чем дано расстаться.
Кто здесь — вечен?

Но почему? Зачем?
Какой резон
Рубить сплеча,
Когда, как сырость,
Гложет
Грудную клетку
Ярости печаль,
И — понимать: никто
Помочь не может?

Не надо этих песен!
Ничего
Не надо: ни мольбы,
Ни откровенья,
Когда слова
Даются нелегко,
И жизнь — всего лишь
Жертвоприношенье.

Время откочёвывать.
Не вдруг
Эта ясность
Осенила голову.

Не дразни меня,
Суровый друг, —
Чистовик не пишется
По-новому.

Говорят,
Иные времена.
Времена — одни,
Они не старятся.
День один. И — ночь.
Луна одна:
Раной в небе —
Скоро не затянется.

Пронестись,
Не замутив воды,
Не случилось,
А душа изношена.
Улыбнись,
Не отводя беды:
Расставаться нужно
По-хорошему.

Прохладно позднее тепло.
Мне тягостно твоё веселье.
Однообразною шрапнелью
Ложится дождик на стекло.

Ты приторна как поздний мёд.
Не доведу я губ до ложки.
Дождётся сердце неотложки,
И мёд с усов не потечёт.

Здесь больше нечего стеречь!
Не выдует сквозняк прохлады.
От осени не ждут пощады —
Так в немоту уходит речь.

Мир звуков умер. Тише сна.
А с тишины никто не спросит.
Минуя лето, тихо в осень
Без грусти перешла весна.

Постскриптум. Скрип карандаша:
... Ты погубить меня... хотела...
Но я оставил это тело —
В нём больше не живёт Душа.

Желтизна кувшинок (август!)
 К пальцам льнёт. Неуловима
 Мысль, как тень на дне налива.
 Пальцы мокнут, обжигаясь.

Наслаждаясь тишиною,
 Плёса гладь в раздумьях тонет.
 Пахнет резедой и хною
 Тишина. Звук не уронит

Вечер, наступив на пятки
 Дню, играющему в прятки.
 Август!..

Мой путь — недолог,
 Он короче сна.
 И нет во мне желания
 Проснуться.
 Хочу ещё раз
 Глубины коснуться
 Твоих зелёных глаз,
 Весна.

Хотеть? Ах, старый друг! —
 Зачем?
 Не для того ли,
 Чтобы нежить грёзы?

Ведь жизнь — есть только
 Ярость хризантем,
 Бунтующих в безумии
 К морозам.

Ведь жизнь
 На то и жизнь, чтобы сотлеть.
 Оставь своё безумство
 Для упрямых.
 Но, Боже мой,
 Как нежно пахнут травы!
 Совсем не так,
 Как рядом пахнет смерть.

Любил когда-то я
 Осенние причуды;
 За ними невзначай
 Подглядывал не раз.
 Напомнил мне листок,
 Держась за ветку чудом,
 Улыбку исподволь
 Неутолённых глаз.

Мой сад не помнит зла,
 И время листопада,
 Кипевшее вчера,
 Не мучает его.
 Не надо ничего!
 Я буду тихо падать,
 Как опоздавший лист —
 Свободно и легко.

Пришлась
 Как к тетиве стрела,
 Хотела пущенной быть сдуру.
 К рассвету —
 Словно ветром сдуло..
 А ведь осокою
 Была.

Всё говорила про дела,
Про даль,
Что горизонта ближе,
Про грусть дождей, что раны лижет.
... И ничего не родила.

Мы в книге рока
На одной строке.
Строке — одной,
Но нас порвёт
На слоги.
Забросив так
На горные пороги,
Что мы забудем,
Как в одной пироге
Несло нас вниз
По вздыбленной реке.

По междуречью путь держу.
То пропадаю в камышах.
Сойти за тех
Мешает страх,
За этих слыть —
Мешает стыд.

Это только мороз
Засучил рукава.
Тихо души трещат,
Тихо тлеет трава.
Для огня
Всё идёт на дрова.
Жернова...

На печи сидит Иван —
Тарабанит в барабан.
Нашему Ивану
Всё по барабану.

*Любила жизнь во всей красе.
Любила бегать по росе.
И одного лишь не любила —
Любить, как все.*

Пётр ЖУКОВСКИЙ

Собаки на сене

Эта история по срокам лишь чуть не дотягивает до гомеровской Трои, которую греки осаждали десять лет. Но если там с окончанием войны фабула и исчерпывалась, то ситуация с ТОО “Восход” Осакаровского района и по сей день остаётся загадкой. Особенно по части её законодательной основы.

Вот тебе, крестьянин, и “спонсор”!

Начну с документа. Согласно статистической карте от 3 апреля 1998 г. за № 6718-1930-ТОО, в зарегистрированном ТОО “Восход” единственным учредителем и руководителем являлся Николай Александрович Бородин. Именно тогда на базе бывшего одноимённого совхоза (как и сотни, тысячи других уничтоженного очередной реорганизацией сельского хозяйства сверху — разграбленного и раздробленного на десятки паевых фермерских клеток) не поддавшиеся частновладельческой панике крестьяне села Николаевка организовали ТОО, доверив свою судьбу опытному земледельцу и руководителю — бывшему директору совхоза Николаю Бородину. И не ошиблись.

Следующие пять лет хозяйство если не шиковало (а кому в эти раздрайные годы было легко?) — сеяло, убирало, жило вполне нормально и где-то даже надеялось на скорое возрождение. Во всяком случае, ни налоговых, ни каких-нибудь прочих долгов ни перед кем не имело. Но в феврале 2002-го эта спокойная жизнь кончилась, с подачи настойчивого “желания” акимата и тогдашнего акима Осакаровского района Абдоллы Торебекова. Собрав народ на сход, они объявили жителям села Николаевки, что, мол, пора заняться созданием человеческих условий для сельчан, укрепить социалку! И даже программу на сей счёт из одиннадцати пунктов зачитали. А деятельно помогут вам в этом совершенно замечательные спонсоры — ТОО “Агрохолдинг-Караганда”. Просим любить и жаловать! Только надо этим замечательным отдать 49 процентов доли уставного капитала ТОО “Восход”. Каким образом оформить сие юридически? Чего проще — по договору дарения на имя руководителя благодетелей Еркена Мустафина!..

“Уговорили”! Правда, аж на седьмой раз. Сельский народ подумал: а вдруг и вправду официальные органы поворачиваются к нам лицом? И никто, конечно, не задался тогда интересным вопросом: почему это новоявленные “спонсоры” провели свою регистрацию только 27 декабря того же года?

Дальше — больше. За полтора года этого “полюбовного тандема” противная сторона не вложила в уставный фонд хозяйства ни тины, хотя обязывалась по договору внести 22 млн. тенге. Зато откуда-то (?) вдруг образовалась задолженность по налогам и другим прочим обязательным платежам в бюджет (более 5 млн. тенге). Такая неожиданная финансовая метаморфоза заставила Бородина воззвать к Закону. 9 июня 2003 г. решением райсуда № 2 района им. Казыбек-би г. Караганды директору были возвращены уговорённые акиматом 49 процентов доли кровного уставного капитала “Восхода”, переданные, как выяснилось на суде, по незаконному договору дарения. Ура! — законная справедливость восторжествовала?

Как бы не так! Весной того года “восходовцы” засеяли 3145 гектаров зерновыми, а по осени весь урожай вывезли себе на элеватор вроде бы уже

не существующие по суду “спонсоры”, не выплатив хозяйству ни копейки денег, не оставив зерна даже на семена. Как издевательство — отпустили с барского плеча сельчанам только около 50 тонн зерноотходов. Как будто и не было решения суда о расторжении тандема. На возмущённые обращения Бородина в акимат Торебеков успокаивал: деньги заплатят, семена купят... Увы! А через какое-то время эта спонсорская фирма и вовсе исчезла с горизонта — перестала существовать.

Судебный марафон

Отсюда пластинка этой истории переходит в разряд долгоиграющих. А музыку поначалу заказывает налоговый комитет Осакаровского района (интересно, с чьей подачи?) — инициирует процедуру банкротства ТОО (долги-то, более 5 млн. тенге, повисли) и 10 февраля 2004 г. подаёт соответствующее заявление в специализированный межрайонный экономический суд. Причём налоговики настойчиво стучались в эти двери шесть раз! Крестьяне, почесав затылки, взвесив все возможные последствия такого шага защитников Закона, поскребли по сусекам и готовы были задолженность погасить. Однако 10 марта этот же суд (как оперативно сработали!) выносит заочное решение (без приглашения ответчиков) о признании ТОО “Восход” банкротом, его ликвидации и возбуждении конкурсного производства.

Вы что, граждане судьи, так же не положено! — возмущается в своём обжаловании Бородин. — Разберитесь по существу и закону.

Вроде разобрались: 10 мая сами же своё предыдущее решение отменили с возобновлением производства по делу, а 17 сентября полностью отказали налоговому комитету района в удовлетворении его заявления на банкротство “Восхода”. Снова “ура!” Закону? Отнюдь! А о противной стороне забыли?

Законное и закономерное, кажется, решение суда первой инстанции 15 октября... отменяет своим постановлением уже коллегия по гражданским делам областного суда (опять оперативно сработали!) и направляет дело на новое судебное разбирательство. В тот же суд. Который в третий раз “высекает сам себя” — вновь выносит заочное решение (и вновь без приглашения ответчика) о признании ТОО “Восход” банкротом и его ликвидации с возбуждением конкурсного производства. Очередная жалоба Бородина — и очередное “самовысечение” суда: 28 декабря СМЭС отменяет своё заочное решение о банкротстве и прочем и возобновляет производство по делу. А 6 января уже 2005 г. вводит для “Восхода” процедуру реабилитации сроком на 24 месяца (два года).

Новые лица

14 марта 2005 г. приказом № 35 директора департамента сельского хозяйства области Тамира Даутова реабилитационным управляющим назначается некто Ираида Сирант.

Наша справка. Тамир Даутов в 1991 г. окончил Московскую сельхозакадемию им. К. Тимирязева. Стажировался в Германии по программе организации фермерских хозяйств, после чего работал в Карагандинской области. С 1994 г. учился в г. Кёльне по программе руководителей частных предприятий. По возвращении в Караганду работал в системе налоговой инспекции, в частной компании, был директором КФ “Наурызбанка”. В 2002 г. ему предложили возглавить облдепартамент сельского

хозяйства, откуда через четыре года предприимчивого директора “ушли” за то, что в 2004-2005 он умудрился использовать не по назначению более 300 млн. тенге, предназначенных для кредитования сельхозтоваропроизводителей. Причём по 100 млн. направил сервисным компаниям — АО “Грина-коммерцагросервис” и ТОО “Эверест-компани-2004”.

Из сведений управления Комитета по правовой статистике и специальным учётам по Карагандинской области. “Сирант Ираида Эмануиловна, 1956 г. рождения, привлекалась к уголовной ответственности УВД г. Темиртау по ст. 215, ч. 2 (“Неправомерное удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов руководителем или собственником организации-должника...”) и ст. 228 УК РК (“Злоупотребление полномочиями”). Уголовное преследование прекращено 26.12.2005 г. по ст. 37, ч. 1, п. 4 УПК РК”(за истечением срока давности).

То есть Т. Даутов назначил реабилитационным управляющим гражданку, находившуюся под уголовной ответственностью. Уточню, за что. С 7 августа 2000 г. по 28 мая 2002 г., будучи решением Темиртауского горсуда назначенной конкурсной управляющей по ликвидации ТОО “Райхан” (знакомая процедура, не правда ли?), И. Сирант, используя свои полномочия и действуя вопреки интересам данной организации, похитила имущество на сумму 600 тыс. тенге. Да и здесь органами предварительного уголовного расследования были допущены грубейшие нарушения. Например, по делу нет ни одного оригинала документов бухгалтерского учёта (приобщены лишь ксерокопии договоров, чеков). 23 апреля 2003 г. суд постановил направить уголовное дело Сирант И. прокурору г. Темиртау для проведения дополнительного расследования. А год и 8 месяцев спустя всё почему-то закончилось прекращением уголовного преследования... “за истечением срока давности”.

Кстати, адвокату “восходовцев” в судебных органах предоставили документы только по одному — вышеприведённому уголовному делу этой “банкроторганизаторши”. Между тем как в Осакаровском районе она известна тем, что обанкротила несколько крупных хозяйств, по поводу чего на неё было заведено (и закрыто), как минимум, три уголовных дела...

Где деньги, Ираида?

Всего два месяца потребовалось шустрой ставленнице директора сельхоздепартамента, чтобы обратиться в этот же суд с заявлением о... прекращении реабилитационной процедуры и признании ТОО “Восход” банкротом. И это вопреки решению суда о двухгодичном сроке реабилитации и своим непосредственным обязанностям как реабилитационной управляющей — отстаивать интересы хозяйства. Этот “звоночек” должен был насторожить рекомендателя Даутова (если, конечно, он не был в курсе её уголовного прошлого?). Не насторожил, однако.

Правда, с первого захода служители Фемиды устояли — 18 августа отказали шустрой просительнице. Но повторный натиск и, возможно, очарование (только в чём, интересно, выраженное?) управляющего в юбке оказались неотразимыми: 13 декабря суд выносит пятый вариант своего толкования Закона — решение о признании хозяйства банкротом. Но, опять же (в этом верен себе железно!), без участия в суде учредителя и директора “Восхода” Николая Бородина. Об этом решении он и его земляки по хозяйству узнали только в 2006 г., когда решение уже вступило в силу.

Здесь возникает ряд закономерных вопросов. Во-первых, кто автор идеи о подведении “Восхода” к банкротству: старинный аким района Торебеков, новоиспечённый, прошедший зарубежную и отечественную коммерческую школу директор департамента с/х Даутов или профессиональный банкроторганизатор Сирант? По логике вещей, зачем это первому — он и так в районе хозяин. Во-вторых, кому сподручней дирижировать всем налогово-судебным “оркестром”, как не руководителю областного масштаба, быстроенько, кстати, вышедшему и на уголовного профи-банкрота?..

Судебный марафон между тем продолжал катить дальше. На очередное обжалование директором “Восхода” судебного решения о банкротстве среагировала областная прокуратура: в июне 2006 г. она внесла надзорный протест на отмену решения суда от 13 декабря 2005 г. по причине неучастия в нём учредителя Бородин. Однако телега СМЭС, набрав ход, топала к своему апогею. И это вопреки ещё и тому, что на протяжении всех пяти лет Бородин неоднократно пытался погасить долг, образовавшийся “с лёгкой руки” ловких “спонсоров” — ТОО “Агрохолдинг-Караганда”. Однако налоговый комитет Осакаровского района (единственный кредитор) вопреки закону деньги не принимал и отправлял главу крестьян для разрешения этого вопроса к конкурсному управляющему, т. е. И. Сирант.

А ей-то, кстати, крестьяне из своего урожая 2004 года отдали 100 тонн пшеницы, 50 тонн ячменя, а ещё 6 автомобилей “ГАЗ-53” и 397 тыс. тенге живых денег (засеяли весной купленными на свои кровные семенами 1045 гектаров зерновых, провели сев и уборку за свои ГСМ). Этого хватило бы с лихвой, чтобы рассчитаться с долгами хозяйства. Однако и зерно, и авто, и деньги куда-то ушли, как сквозь пальцы песок. На вопрос: где деньги и всё прочее, Ираида? — управляющая лаконично и безоговорочно отрезала: потрачены на административные расходы. После чего и вообще как в воду канула: всячески избегала личных встреч, не отвечала на телефонные звонки и даже казенные письма. Но продолжала тем не менее ходить своими тропами и деятельно готовить всё необходимое для проведения завершающего спектакля этой долгоиграющей истории.

Одним махом по-голландски побивахом

Ещё одним образчиком организованного беззакония стал так называемый “аукцион” 8 июня 2007 года (вон как долго телега ехала!), проведённый директором филиала АО “Центр по работе с финансовыми задолженностями” по Карагандинской и Павлодарской областям К. Газалиевым вкупе с конкурсной управляющей И. Сирант. Здесь был продемонстрирован такой букет противоправных нарушений, что просто диву даёшься: неужели его “цветоводы” действительно надеялись на то, что сие сойдёт им с рук? Но и вовсе глаза из орбит — а ведь сошло!?!..

Итак, считайте. **Первое** — по протоколу № 1 от 8 июня 2007 г., аукцион проведён согласно Постановлению Правительства РК за № 326 от 26.04.2006 г., предусматривающему только общие Правила проведения торгов по продаже имущества должника. Однако они не применимы к данному аукциону и нарушают Закон РК “О банкротстве”, а именно его главу 9-1 (“Особенности банкротства сельскохозяйственных организаций”) и ст. 103-5 (“Формирование конкурсной массы”), где в п. 6 прямо указано: “Порядок проведения аукциона по реализации конкурсной массы должника сельскохозяйственной организации определяется Правительством Республики Казахстан”

и Правилами, утверждёнными Постановлением Правительства РК № 1016 от 2 октября 2003 года. То есть аукцион был проведён без учёта особенности банкротства сельхозорганизации, каковой и является ТОО “Восход” с основным видом деятельности — выращивание сельхозпродукции.

Второе. В соответствии с п. 25 указанных правил, “аукционы должны проводиться не ранее, чем через 15 календарных дней с даты публичного извещения об их проведении”. Извещение в газете “Индустриальная Караганда” о проведении аукциона было опубликовано 29 мая 2007 г., аукцион состоялся 8 июня, т.е. уже на десятый день.

Добавьте к этому, что организаторы и строители “аукциона-спектакля” сделали всё, чтобы не допустить к участию в нём других, непосредственно заинтересованных лиц. В первую очередь, безусловно, директора и единственного учредителя “Восхода” Николая Бородина и ещё двоих, пришедших на аукцион с гарантийными взносами, которые у них почему-то (?) принимать отказались. Случайно узнавший о конкурсе только 6 июня Бородин буквально надорвал указанный в газете сотовый номер телефона г-жи Сирант — он не отвечал, как, впрочем, и другие, тоже упоминавшиеся в объявлении. Ничего не дал и визит по домашнему адресу: там сказали, что она лежит в больнице, не назвав, правда, адреса — в какой.

7 июня Бородин посетил одного из организаторов аукциона — директора филиала “Центра по работе с финансовыми задолженностями” К. Газалиева и поинтересовался, есть ли уже покупатели? На что получил ответ: покупателей нет. — Значит, конкурса не будет? — Не будет. Так совершилось **третье** нарушение. Пункт 18 правил гласит: “После публикации информационного сообщения конкурсный управляющий обеспечивает свободный доступ всем желающим к информации о лоте и условиях проведения”.

6 и 7 июня Бородин оставляет в уполномоченном органе, облдепартаменте сельского хозяйства, назначившем Сирант конкурсным управляющим, два заявления об отстранении последней от управления делами и имуществом должника в том же порядке, в каком она была назначена. Причины? Неисполнение возложенных на неё обязанностей, несогласование с уполномоченным органом плана продажи (как заявил новый директор департамента Шугарашид Мамалинов, “я плана продажи не подписывал!”), непредоставление ему необходимой информации по конкурсному производству и непроизведение расчёта по задолженности в 5,4 млн. тенге с налоговым комитетом Осакаровского района. На эти заявления из департамента с/х не получено никакого ответа до сих пор. Как не возбуждено против конкурсной управляющей и уголовного дела по заявлению Бородина от 7 июня в прокуратуру Осакаровского района.

Совершенно логично не доверяя “информации” этих официальных лиц, 8 июня Бородин пришёл по адресу проведения аукциона. И он был проведён за какие-то 25-30 минут! С присутствием, кстати, “больной” Ираиды Сирант. Вопреки протестующему заявлению специально вызванной одним из тех, кому в участии отказали, председателя Ассоциации предпринимателей области Гульнарны Курбанбаевой, позвонившей по этому поводу даже в областную прокуратуру. Правда, безответно и безрезультатно. Такая же судьба и у её заявления тремя днями позже по тому же адресу.

Так с грубейшими нарушениями закона одним лотом с молотка по голландскому методу всего за 6 млн. 215 тысяч тенге (практически за сумму долга, “наработанного” ТОО “Агрохолдинг-Караганда”, составляющую

5,4 млн. тенге) был продан некой фирме “Союз Алем KZ” (некоей Алмагуль Мусиной) комплекс имущества ТОО “Восход” стоимостью в 42,7 млн. тенге. В него входили: сельхозтехника 50 наименований (18 тракторов, 7 комбайнов, сеялки, плуги, культиваторы, погрузчики и др.) на 24 млн. тенге, 15 зданий и сооружений (животноводческие помещения, картофелехранилище, склады, мастерские, контора и даже водонапорная башня) на 18,7 млн. тенге. А ещё — 13 тысяч гектаров арендованной у государства земли, также почему-то включённой в конкурсную массу без указания её цены.

Мало того! Всё это продали хохом несмотря на то, что часть этого имущества и земли “Восходу” уже не принадлежали. Ещё в 2004-м, когда судебный марафон только начинался, некоторые крестьяне вышли из ТОО со своими имущественными и земельными паями и организовали свои хозяйства (соответственные официальные, законные документы на сей счёт у каждого из них имеются).

Я уж не говорю о такой “мелочи”, как бессовестное официальное враньё судебных органов, зафиксированное документально. В решении экономического суда от 13 декабря 2005 года: “Бородин сам участвовал в суде, признал несостоятельность ТОО и просил о признании ТОО банкротом”. В постановлении надзорной коллегии облсуда от 27 июля 2006 года вообще не указывается, кто представлял интересы ТОО “Восход” (?), хотя в протесте прокурора области ставился вопрос об отмене решения именно по причине неучастия Бородина в суде. В постановлении судей Верховного суда РК от 15 февраля 2007 г. указывалось, что за Бородина, якобы “по его представительству”, в суде участвовал “директор Фёдоров П. Н.”. В объяснительной же Фёдорова факт его участия в суде от 13 декабря 2007 г. полностью отрицается. В ответе Генеральной прокуратуры РК от 30 апреля 2007 г.: в этом самом суде якобы “по доверенности Фёдорова П. Н. участвовал Хасенов С. Т.”. Как вам такие навороты?

“Одуванчики”

В природе эти весенние ярко-жёлтые цветы, перерождающиеся затем в семена-парашютики, — растения весьма цепкой жизнестойкости. Чтобы очистить от них садовый участок (дачники это хорошо знают), требуется немало усилий: выкапывать каждый цветочек-паразит с глубоким корнем приходится индивидуально. В практике же нашего конкретного случая с “Восходом” метаморфозы с “одуванчиками” происходили с точностью до наоборот: долго создавались и одновременно выкорчёвывались. Сходство — в лёгкости, воздушности восприятия одуванчиков природных и созданных искусственно.

После спектакля аукциона от 8 июня 2007 г. Бородин пытался обжаловать незаконность его проведения в суд № 2 района им. Казыбек-би г. Караганды (пять раз), областной суд (четырежды) — безрезультатно! А 25 марта 2008 г. райсуд № 2 вообще прекратил данное дело по причине того, что 30. 01. 2008 г. филиал АО “Центр по работе с финансовыми задолженностями” по Карагандинской и Павлодарской областям (один из организаторов незаконного аукциона)... был ликвидирован по соответствующему приказу Минфина РК! Так приказал долго жить первый “одуванчик” — один из главных ответчиков по делу о фальшивом аукционе. А сейчас одиозный Комитет Минфина выкорчёвывает и второй — собственно АО “Центр по работе с финансовыми задолженностями”. Чем объясняется

такая скоропалительность? Может, тем, что, по негласной информации, в Комитете накопилось уже около 200 заявлений о ситуациях, сходных с восходовской?..

На урожай — с автоматами

А в промежутке судебного марафона случилась история и вовсе в духе современных блокбастеров.

Осень 2007-го стояла поистине золотая. Урожай зерновых (засеяли 1034 гектара) выдался на редкость: “восходовцы” рассчитывали взять с каждого гектара никак не меньше 12-15 центнеров. К тому же цены на зерно шли вверх, так что крестьяне очень надеялись выручить за него хорошие деньги и наверняка не только выбраться из кабалы долгов времён “тандема”, но и оставить кое-что на жизнь. Тут-то их и ждал рейдеровский сюрприз.

Едва комбайны вышли в поле, как были окружены вооружёнными автоматами людьми, приказавшими остановить уборочную. На каком основании? Согласно проведённому “аукциону”, следующие 49 лет их земля принадлежит новому хозяину — фирме “Союз Алем КЗ”. Вместе с урожаем, естественно. Что делать? Те, кто посмелее да посильнее, отделившиеся КХ, всё же решились косить хлеб. Но таких были единицы. Да и то автоматы сделали своё чёрное дело. Например, Муса Султаев успел сжать только 50 гектаров из 300. А вообще 613 гектаров (больше половины всех площадей!) золотого урожая хлеба ушли под снег.. Вот уж поистине — собаки на сене: ни себе, ни людям! За такое кощунство в 30-е годы прошлого столетия известно как наказывали (простите мне эти репрессивные ассоциации; но это же — хлеб!)...

Однако почти половину убранным крестьянами хлеба (500-600 тонн) не имеющие на него никакого законного права новые “хозяева” в сентябре с полей крестьянских хозяйств вывезли согласно... аресту, наложенному 8 августа на урожай-2007 (не являющийся предметом торга на аукционе) нашим старым знакомым — межрайонным экономическим судом области. Кстати, по иску конкурсного управляющего И. Сирант. 10 октября, когда хлеб был уже похищен новыми “хозяевами”, суд своё решение об аресте сам же и отменил. Что вам видится за этими двумя взаимоисключающими одна другую процедурами законоохранников? Вот и мне то же самое.

Сеять — не сеять?

Сидели в тесноватом редакционном кабинете шесть глав крестьянских хозяйств вместе с директором ТОО “Восход” Николаем Бородиным, простите — забыл: по результатам “аукциона” теперь уже бывшим, просто частным лицом. Мужики от земли, с натруженными работой руками, с уже загоревшими в середине мая почти до черноты лицами (хотя этот загар у них не смывается крутлый год). Возмущённые и одновременно растерянные. Главный и единственный вопрос, который их мучал: сеять или не сеять?

— Документы на ваши КХ у всех есть?

— У всех.

— Так чего ж вы? Конечно же, — сеять!

— А где гарантия, что по осени опять не явятся автоматчики и не арестуют наш урожай?..

Да-а. После того, что я от них в течение, наверное, получаса выслушал, с куда как более горячими эмоциями и крепкими словами, чем излагаю,

с документальным подтверждением этой судебной и ситуационной вакханалии, гарантии явно не просматривалось, поскольку законом тут близко не пахло. Разве что по пословице: закон, что дышло: куда повернул — туда и вышло. Как в один голос заявляют защищающие “восходовцев” адвокаты Тулеген Амербеков и Василий Дериглазов: в своей практике мы видели и слышали, конечно, всякое (на двоих этой практики набирается за 50 лет), но с таким беспределом сталкиваемся, честно, впервые!

А “вертухаям” (или “воротилам”?) закона, как и их “спонсорам”, глубоко плевать, что за их тележными играми — судьбы людей едва ли не целого сельского округа, с семьями, детьми, стариками. Как было плевать на то, что сотни гектаров святого хлеба, который они не растили, не обихаживали любовно, как малое дитя, ушли под снег. Хотя — за копейку удавятся, а за большие деньги и родную мать продадут. Правда, что-то ни в одном из наших законов я не встречал слово “совесть”. Очевидно, в юриспруденции оно “не котируется”. Что уж тогда говорить о наличии понятия, а тем более обладании качествами, которые за ними стоят..

Коллегия катит дальше

Теплилась, правда, какая-то надежда на возможный разворот событий в обратном порядке коллегией областного суда, в которую Бородин обжаловал незаконный “аукцион” и продажу на нём с молотка ТОО “Восход”. На первом его заседании 7 мая мне показалось, что судьи, только даже поверхностно перелистав дело, удивились его ни в какие юридические ворота не влезающим обстоятельствам и захотели ознакомиться с ним потщательней. Что поддержал и прокурор. Потому повторное заседание и перенесли ещё на неделю.

И вот 14 мая. Состав суда почему-то новый. Как и прокурор: мужчину зачем-то заменили на совсем молоденькую женщину (?). Именно она в паре с руководителем частной фирмы “Союз Алем KZ” — новым “хозяйном” ТОО “Восход” и похитителем более половины его урожая-2007 Алмагуль Мусиной (кстати, одновременно являющейся госслужащей — работницей адвокатской конторы; такое совмещение законом запрещается) не поддержала заявления Бородина, с которым, естественно, оказались согласны присутствующие на суде его адвокаты и главы крестьянских хозяйств. На мой вопрос в коротком перерыве, внимательно ли она хотя бы прочитала дело? — кивнула утвердительно. — Тогда на каком основании отказ? — Это моё личное мнение, всё решает суд. Новая же владелица объёмного имущества, которое нарабатывалось десятилетиями, и не одним поколением, нелёгкого крестьянского труда, слизнувшая его аукционной украдкой, как кот сливки с хозяйского молока, тоже отстаивала свою личную (?) точку зрения, озвученную ею ещё на первом заседании. Мол, заявители сами виноваты, что вовремя не сориентировались в судебных документах. А теперь и вовсе поезд ушёл — мы имущество купили, и чего тут вообще огород городить?

В ожидании процесса мы прождали 1 час 15 мин. (как и в первый раз). Собственно суд продолжался буквально минуты. После процедуры опроса “кто есть кто” и “согласен — не согласен”, нас попросили на пять минут выйти в коридор, а затем ведущий процесс председатель коллегии облсуда Сабит Оскембеков огласил решение коллегии: решение суда района им. Казыбек-би по

данному делу оставить без изменения; частную жалобу Бородина — без удовлетворения; всё! Напомню всё-таки о “яблоке раздора” — решении райсуда № 2: 25 марта 2008 г. он прекратил данное дело по причине того, что 30 января этого же года филиал АО “Центр по работе с финансовыми задолженностями” был ликвидирован, а в ноябре 2007 г. ликвидировано ТОО “Восход”, поэтому полномочия конкурсного управляющего Сирант И. (продавца на аукционе) прекратились, значит, нет ответчика.

И — никакого вам разбирательства по сути дела, граждане, воззвавшие к справедливости суда! Прокурор, простите, председательствующий на заседании коллегии судья Оскембеков сказал ведь недвусмысленно: “всё!” (кстати, на суде его ведь тоже называют гражданином). В общем, как почти пять лет катила судебная телега, так и продолжает катить дальше. По людским судьбам сельчан Николаевки — семьям, детям, старикам. По судьбам крестьян, которые столько лет цепко держались вместе, растили святой хлеб и не между прочим нас этим хлебом кормили. Теперь их этой возможности лишили. По сути, лишили возможности жить.

“Мой зерновой клин — 300 гектаров пшеницы, — говорит глава ФХ “Фарм” Муса Султаев. — Есть постановление райакимата о праве аренды на 49 лет. Исправно плачу налоги, сдаю часть урожая в стабилизационный зерновой фонд. Прошлой осенью успел убрать только 50 гектаров, остальной хлеб ушёл под снег (автоматчики не дали убрать). А это 300-350 тонн пшеницы. Продай я их даже государству по, считай, бросовым 24 тысячами за тонну (а цены в прошлом году были намного выше), выручил бы 8-9 млн. тенге живых денег. Мог бы хозяйствовать дальше, по-людски жила бы семья. А при таком судебском беспределе руки у нас связаны”.

И у других настроение не лучше. Они живут со своей земли, скота. Не будет урожая — нечем будет кормить скот, наступит безденежье, не на что купить корма и вообще жить. Так что — уезжать всем чохом из родного села? — спрашивают мужики...

А новые “хозяева” уже режут на металл, чтобы сдать в утиль, сельхозтехнику, на которой после небольшого ремонта ещё можно сеять и убирать хлеб. Как те собаки на сене — ни себе, ни людям. Хотя свою копейку (и немалую — техники-то захватили на 24,4 млн. тенге!), конечно, выколотят. Ладно, когда подобное происходило в безмозглые годы — тогда совхозы рушили по стране сотнями, тысячами (хотя до сих пор не могу этого понять — во имя чего?). Но пустить с молотка приличное хозяйство сегодня! Когда Президент призывает объединять производителей зерна, укрупнять мелкие хозяйства, чтобы они стали конкурентоспособными в условиях вступления Казахстана в ВТО?! Причём творить этот развал совершенно беспардонно, вопреки законам страны и вообще всякому здравому смыслу. Да к тому же руками тех, кто призван эти законы непосредственно защищать, стоять на их страже... Может, поделитесь принародно, граждане законослужители, по чьему заказу так долго и ретиво держите руку под козырёк?

Стоит ли после этого удивляться, что у простых людей исчезает доверие к органам прокуратуры и судам, которые вопреки своему предназначению не стоят на страже Закона, а попустительствуют тем, кто его нарушает. А самое страшное — это когда иссякает вера в торжество справедливости, правды, истины. Тогда складывается негативное отношение к авторитету государства в целом.

Карагандинская область.

Райс ТУЛЕБАЕВ,
академик НАН РК, профессор

Мои учителя

С русского языка на казахский слово “учитель” дословно переводится как “устаз”. Вместе с тем это слово имеет более широкое и высокое смысловое значение. “Устаз” во все времена среди казахского народа являлся мудрым наставником и воспитателем, истинным педагогом и идейным вдохновителем, словом, человеком, которого следует почитать и уважать как родителей.

Преданные ученики стараются походить на своих учителей, свято оберегают их доброе имя и всю жизнь хранят посеянные ими семена мудрости.

Огромное счастье, когда учитель ещё продолжает творить великие дела и вдохновлять ученика своим вниманием и бескорыстным участием в твоей судьбе.

Я хорошо помню свою первую учительницу из г. Семипалатинска Полину Петровну. Она преподавала нам с первого по четвёртый класс в те трудные послевоенные годы и, несмотря на суровое лихолетье, была удивительно чутким, мягким и в то же время строгим педагогом. Благодаря таким учителям мы получили хорошую подготовку и базовые знания. Это помогло мне и большинству моих школьных друзей поступить в престижные высшие учебные заведения. Поэтому учёба на первых курсах

Райс Кажкенович ТУЛЕБАЕВ

— доктор медицинских наук, профессор, действительный член Национальной академии наук РК, заслуженный деятель РК, единственный из медиков в Казахстане почётный профессор Кембриджского университета (Великобритания).

Родился в 1941 г. в Восточно-Казахстанской области, окончил Семипалатинский медицинский институт, трудовую деятельность начал районным оториноларингологом в Жамбылской области.

Окончил очную аспирантуру на кафедре ЛОР-болезней Алма-атинского мединститута. Защитил кандидатскую диссертацию в Алма-Ате, а докторскую — в Ленинграде. Прошёл путь от младшего научного сотрудника до руководи-

теля филиала НИИ краевой патологии, работал начальником отдела науки Казминздрава, главным специалистом управления, заведующим медико-биологическим отделом ВАК Республики Казахстан, ректором Южно-Казахстанской медицинской академии и ректором Акмолинской государственной медицинской академии.

В настоящее время заведует кафедрой ЛОР-болезней Казахской государственной медицинской академии в Астане.

Автор более трёхсот научных работ, семи монографий, двух учебников на государственном языке, имеет десятки авторских свидетельств и патентов на изобретения, подготовил более 40 кандидатов и докторов медицинских наук.

В последние годы регулярно публикуется в “Ниве”.

в медицинском институте давалась мне легко и я не забросил параллельные занятия в заочном музыкальном училище.

После окончания института, отработав положенные в тот период три года в сельской больнице, я поступил в очную аспирантуру Алма-Атинского государственного медицинского института на кафедру болезней уха, горла и носа. Этой кафедрой в те годы руководил заслуженный деятель науки Казахской ССР, профессор Борис Владимирович Еланцев. Ему тогда уже шёл восьмидесятый год, а мне было всего двадцать шесть.

Борис Владимирович стал моим первым по жизни научным наставником. Он по-доброму относился ко мне, я получал от него много советов, ценность которых понял уже много лет спустя.

Отеческая забота Бориса Владимировича проявлялась не только в помощи по научной работе. Он научил меня обдумывать каждый поступок, принимаемые решения и периодически напоминал, что надо “со всеми людьми держать себя ровно, однако с достоинством и не грубить, иначе, молодой человек, вы себе наживёте много врагов”.

Шеф советовал не жалеть денег на приобретение книг и поездки на научные конференции. Он часто брал меня с собой в научные командировки и знакомил с коллегами — маститыми учёными, работавшими в оториноларингологических клиниках и заведовавшими кафедрами в московских и ленинградских вузах.

Хорошо помню, как он взял меня с собой в поездку в Таджикистан, где проводилась первая среднеазиатская конференция с участием выездной сессии Московского научно-исследовательского института уха, горла и носа. Конференция состоялась в г. Душанбе в благоухающем месяце мае. Прекрасна природа этого удивительного горного края. Меня поразило обилие в городе густой зелени, наличие богатого восточного базара, где воздух наполнен ароматом различных фруктов и ягод. Особое впечатление оставила восточная кухня, великолепно приготовленный таджикский плов, продававшийся на множестве мелких базарчиков и в тенистых скверах.

Все восточные блюда и кушанья имеют неповторимый привкус и вызывают аппетит. Даже обычная лепёшка выпекается с красивыми узорами по краям, обладает особым ароматом и приятным вкусом, буквально сама тает во рту.

Неизгладимое впечатление оставила, конечно, сама научная конференция с участием видных учёных бывшего Союза. Я наяву видел живых авторов знакомых мне учебников и монографий, благодаря моему шефу, который представлял меня им как своего аспиранта, имел счастье познакомиться с корифеями нашей специальности. Они с большим уважением относились к Борису Владимировичу, почитали его как главного “аксакала”-оториноларинголога Средней Азии.

По прошествии многих лет некоторые знакомые мне профессора, которые тогда на Душанбинской конференции были ещё молодыми, с волнением вспоминали те дни. Особенно им запомнился эпизод, когда на торжественном ужине ректор Таджикского мединститута, председатель оргкомитета конференции, профессор Юсуф Баширханович Исхаки почти в самом начале банкета, после нескольких выступивших учёных представил слово мне, молодому аспиранту профессора Еланцева. Один из профессоров, знатный гость из Москвы, удивился такому решению тамады. В ответ Юсуф Баширханович рассказал восточную притчу: “Однажды

завоеватель мира, великий Тимур, увидев на восточном базаре бедного и оборванного юношу, подошёл к нему и, обняв, вручил золотые монеты. Один из телохранителей Тимура спросил, почему он так поступает. Тимур ответил, что это сын моего учителя”. Сделав паузу, профессор Ю. Б. Исхаки пояснил, что Борис Владимирович Еланцев является его учителем, поэтому его ученик и молодой аспирант всегда будет для него в почёте. Эти слова уважаемого профессора Исхаки запали мне в душу, и когда он приехал оппонировать мою кандидатскую диссертацию даже несмотря на чрезвычайную занятость по руководству Душанбинским медицинским институтом, я осознал, какую важную роль в его судьбе сыграл мой учитель — “устаз”, выдающийся учёный Борис Владимирович Еланцев. О своём учителе я много рассказываю студентам на лекциях и молодым коллегам на кафедре. В моём кабинете на видном месте висит портрет Еланцева, исполненный в художественной мастерской по моему заказу.

Участвуя с Борисом Владимировичем на многих научных форумах, я постепенно набирался опыта, учился свободно выступать с докладами, а также в прениях, дискуссиях. В силу своей молодости и неопытности я не боялся открыто критиковать некоторые положения и выводы именитых учёных. Моему шефу иногда это не нравилось, он предостерегал: “Молодой человек, редко кто любит критику, постарайся, если это возможно, обходить острые углы, у тебя в жизни будет ещё много оппонентов”.

Я был его последним аспирантом, по-видимому, он это чувствовал и относился ко мне с особой любовью. В начале второго года обучения, осенью 1968-го, шеф сообщил, что в столице Армении Ереване состоится очередная шестая Всесоюзный съезд оториноларингологов, и его, как главного специалиста республики и заведующего кафедрой, пригласили в качестве руководителя казахстанской делегации и одновременно как сопредседателя секции. Нашей республике было выделено всего 14 мест, на которые претендовали все заведующие ЛОР-кафедрами наших шести медицинских институтов и наиболее известные врачи из крупных регионов. Однако шеф обрадовал меня, сообщив, что ему выслали ещё один гостевой билет, и он предложил его мне. Моей радости не было предела, так как в ту пору попасть на такой форум немногие имели возможность.

В Ереван из Алма-Аты не было прямого рейса, и казахстанская делегация летела через Ташкент. Меня, молодого аспиранта, и нашего земляка, ЛОР-врача из г. Кызыл-Орды поселили в гостинице спорткомплекса, недалеко от футбольного стадиона “Раздан”. Это спортивное сооружение в те времена было самым вместительным после знаменитых московских “Лужников”. Стадион вмещал семьдесят тысяч зрителей, о чём с гордостью нам поведали в первый же день нашего знакомства ереванские коллеги.

Мы с моим земляком Варленом, быстро позавтракав, отправились осматривать достопримечательности столицы. Нас поразили дома, выстроенные из розового камня. Строители использовали розовый туф, который придавал зданиям роскошный вид. Многие посетившие столицу Армении в те годы называли её розовым Ереваном. Путешествуя по городу, мы попали на главную площадь, поразившую своими размерами. Она нам показала даже больше Красной площади в Москве. В центре площади были высокими струями фонтаны, прилегавшие скверы утопали в густой зелени, обрамлённой высоченными пирамидальными тополями. Вдали

на горизонте виднелись чудесные горы: двуглавый величавый Арарат, вершины которого были покрыты снежными шапками.

Уставшие от осмотра примечательных мест Еревана в конце дня мы посетили всемирно известную армяно-григорианскую церковь в Эчмиадзине, где часто проводил службы верховный патриарх-католикос всех армян Возген. Этот собор, построенный много веков назад известными зодчими, является мировым архитектурным достоянием, по праву вошёл в каталог ЮНЕСКО и охраняется государством. Нас поразило богатое убранство церкви, наличие обрамлённых золотом икон и других предметов, инкрустированных драгоценными камнями.

На следующее утро, проснувшись необычно рано — сказала трёхчасовая разница во времени, мы с Варленом стали собираться на съезд и прибыли за час до открытия. В зале регистрации к нашему удивлению уже было полно народу. Среди делегатов мы видели много иностранных гостей. Возле одного профессора, явно иностранца, собралась толпа делегатов, каждый старался поближе протиснуться к нему и поздороваться. На наше любопытство один из московских учёных пояснил, что все приветствуют всемирно известного профессора из Соединённых Штатов Америки, одного из пионеров хирургии уха при заболевании отосклерозом, миллионера Самуэля Розена.

Весь мир признал его открытие по отосклерозу, а предложенная Розеном первая операция на ухе при этой патологии получила его имя.

Я загорелся желанием непременно познакомиться с Розеном и сделать на память фотографию. Однако подойти к знаменитости не решился и стал искать своего шефа, надеясь на его поддержку.

Увидев Еланцева, я сообщил о своём намерении. Борис Владимирович посоветовал мне самому обратиться к Розену, но чтобы обязательно была переводчица. Его, он сказал, надо караулить, так как профессор может в любое время отлучиться со съезда, у него специальная программа для иностранных гостей.

Моё терпение принесло удачу: к завершению съезда я, наконец, выбрал момент, когда он в сопровождении своей секретарши-переводчицы направлялся к выходу. При мне всегда находилась моя любимая фотокамера “Зенит” с хорошим объективом “Гелиос-44”.

Профессор согласился на минуту задержаться, и мне удалось сделать несколько снимков. Я сказал через переводчицу, поскольку тогда ещё не владел английским, что приехал из далёкого Казахстана, обучаюсь в аспирантуре и с гордостью назвал фамилию своего шефа. Однако профессор Розен не имел понятия, где находится наша республика и, конечно, не знал моего шефа.

Между тем его что-то во мне заинтересовало, и он спросил через переводчицу, есть ли долгожители в Казахстане и чем они питаются. Я привёл пример, что наш великий народный акын Джамбул Джабаев дожил почти до ста лет, любил пить кумыс, объяснив, что это кобылье молоко. Акын всё время ездил на лошади. Профессор ответил, что кисломолочные продукты весьма полезны для пожилого возраста, а постоянная верховая езда, конечно, является хорошей профилактикой от многих заболеваний желудочно-кишечного тракта и опорно-двигательного аппарата.

На прощание профессор поблагодарил за беседу и пожелал мне успехов в нашей замечательной профессии. Эта встреча оставила в моей

памяти глубокий след, и, возможно, благословение такого человека позволило мне достичь определённых успехов в научной работе.

На съезде мы узнали много нового, общались с коллегами, прибывшими из различных регионов нашего союзного государства. Важный форум по ЛОР закончил работу, а до отъезда оставался ещё один день, поскольку на ближайшее время у нас с Варленом не было билетов.

Он предложил слетать на один день в Тбилиси к своему другу, с которым вместе проходили учёбу в клинической ординатуре в Ленинграде. Оказалось, что до Тбилиси лететь на самолёте “Ан-24” сорок минут, а билет стоил всего семь рублей. Варлен предложил купить билеты только в один конец и сказал, что его друг очень гостеприимен, поэтому обратную дорогу нам сам оплатит, иначе может обидеться. Утром в аэропорту нас встретил красавец Анзор и сразу повёз показывать достопримечательности Тбилиси. Мы покатались на известном фуникулёре. Особый восторг вызвал широкий и красивый проспект Шота Руставели. В обед отведали в ресторане чудесный кавказский шашлык и знаменитые грузинские и кахетинские вина “Киндзмараули”, “Ркацители”, которые наливали нам прямо из бочонков.

Вечером мы прибыли в аэропорт, и Анзор, взяв наши паспорта, направился в кассу. Он что-то долго разъяснял кассирам на грузинском языке, энергично жестикулируя рукой, затем подошёл к нам и объяснил, что это последний рейс и билетов нет даже за тройную цену. В это время мы стали смеяться над данной ситуацией и начался нервный хохот. Варлен пояснил Анзору, что наш самолёт в Ташкент улетает рано утром и, если мы не попадём на этот рейс, самолёт улетит без нас.

Анзор взял наши билеты из Еревана в Ташкент и помчался вновь к кассиру. Через минуту он прибежал радостный, сообщив, что нам разрешили лететь, однако без мест, в стоячем положении.

Самолёт был набит до отказа, в салоне уже три пассажира стояли у хвоста. Варлена один из пилотов пригласил в кабину, где он на корточках примостился возле штурмана, а я встал, прислонившись к маленькому сиденью стюардессы.

Сегодня я с улыбкой вспоминаю этот эпизод и сравниваю его с комедийным фильмом знаменитого кинорежиссёра Данелия “Мимино”, когда герой фильма, которого великолепно сыграл Вахтанг Кикабидзе, на вертолёте перевозил корову и другую живность. Тогда были такие прекрасные времена.

В 60-е и 70-е годы прошлого столетия впервые учёные-медики во всех странах забили тревогу по поводу роста аллергических заболеваний и различных их проявлений. В этой связи мой первый шеф Борис Владимирович предложил мне исследовать аллергические заболевания верхних дыхательных путей у рабочих табачного производства и рекомендовал в качестве консультанта по данной теме выдающегося учёного нашей республики академика Николая Дмитриевича Беклемишева.

Получив “добро” от шефа, после его звонка Беклемишеву я с трепетным волнением поехал в институт краевой патологии, где работал мастиный учёный. Встреча мне запомнилась на всю жизнь. Я робко постучал в дверь кабинета. За столом, заваленным книгами и журналами, сидел Николай Дмитриевич. Он быстро, как профессиональная машинистка, печатал на пишущей машинке. Встретив меня строгим взглядом, встал со стула, вежливо поздоровался и сразу пригласил на беседу.

На меня неизгладимое впечатление произвели высокий рост учёного, широкий сократовский лоб, придиричивый, но в то же время добрый взгляд. В его выразительных глазах отражались большая мудрость и характерные черты сильной волевой натуры. Он был по-спортивному подтянут, на нём была простая рубашка с короткими рукавами. Лицо и руки учёного были покрыты красивым тёмно-коричневым загаром.

Наша беседа длилась недолго. Николай Дмитриевич не любил лишних слов. Он сразу оценил актуальность темы, однако предупредил о возможных ошибках при трактовке истинных причин аллергии и постановке правильного диагноза. Академик направил меня к своему ученику доценту Виктору Семёновичу Мошкевичу — аллергологу, имевшему уже большой опыт научной работы, и порекомендовал посещать еженедельные научные конференции, проводимые под его руководством. Посещая их, я приобщился к настоящей школе и получил профессиональные навыки, которые мне пригодились в дальнейшей творческой деятельности.

После тесного общения с учениками Николая Дмитриевича я многое о нём узнал. Конечно, это был учёный с мировым именем и незаурядная личность. Он родился за два года до Октябрьской революции в семье русских интеллигентов. После революции, по ряду причин, родители из Подмосковья эмигрировали в Польшу.

Николай Дмитриевич окончил медицинский факультет Вильнюсского университета. В совершенстве знал польский, немецкий и английский языки, а позднее овладел французским и испанским.

Перед самым началом Великой Отечественной войны он был выслан в Казахстан и врачебную деятельность начал в посёлке Октябрьский Шортандинского района Акмолинской области.

Затем его перевели заведующим Куйганским врачебным участком в Балхашский район Алма-Атинской области. Там, общаясь с местным населением, он освоил казахский язык не только на бытовом уровне. Имея уже глубокие познания в этом языке, он в достаточной степени овладел его литературной формой, используя в своей речи многие пословицы и народные поговорки.

Работая в сельской местности терапевтом, Беклемишев одновременно вёл научные изыскания и одним из первых в Казахстане защитил кандидатскую диссертацию по бруцеллёзу. Это инфекционное заболевание, являвшееся в то время серьёзной краевой патологией, было бичом для казахского народа.

Продолжая работу уже в научно-исследовательском институте при Академии наук Казахской ССР, он блестяще защитил докторскую диссертацию.

Вскоре, учитывая его выдающиеся заслуги, Беклемишева избрали вначале членом-корреспондентом, а затем академиком Академии наук Казахской ССР, также ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки республики.

За период своей творческой деятельности Николай Дмитриевич подготовил более ста кандидатов и докторов наук, обогатил казахстанскую медицинскую науку трудами первостепенной значимости.

Беклемишев не был учёным-«сухарём», напротив, его энергии поразались даже молодые коллеги по работе. Он всегда находился в прекрасной спортивной форме. В молодые годы Николай Дмитриевич активно

занимался альпинизмом, а затем увлёкся горным туризмом, имел первый разряд по бадминтону и во время игры молодым давал фору. Нас приобщил к пешим походам в горы. Во время летних отпусков он не любил ездить на курорты, предпочитал отдых и рыбалку в горных речках Зайлийского Алатау или на озере Балхаш. Природа продлила его творческую жизнь, он деятельно трудился до конца своих дней, не дожив всего четыре года до столетия.

Мне посчастливилось перенять богатый опыт школы академика Н. Д. Беклемишева, а впоследствии судьба вновь свела меня с ним уже по работе в Министерстве здравоохранения республики в начале восьмидесятых годов. Николай Дмитриевич возглавлял учёный медицинский совет Минздрава. Фактически он руководил всей медицинской наукой республики, а я работал под его непосредственным подчинением в отделе науки.

В тот период на работу в качестве заместителя председателя учёного совета Казминздрава была приглашена ученица Николая Дмитриевича профессор Марьям Ильясовна Даулетбакова.

До её приезда в Алма-Ату я заочно знал по научным работам о талантливом учёном-терапевте из Караганды. Минздрав республики пригласил Даулетбакову руководить Казахским научно-исследовательским институтом кардиологии. Однако Марьям Ильясовна была убеждена, что институт должен возглавлять специалист в области кардиологии и отказалась от такой высокой должности. В этом проявились её скромность и высокая ответственность истинного учёного, который всегда принимает справедливые решения. За все совместные годы работы молодые сотрудники ощущали её постоянную поддержку, однако вначале им приходилось, откровенно говоря, “не сладко”. Даулетбакова была очень требовательна в работе, и некоторые коллеги сравнивали её с тогдашним английским премьером Маргарет Тэтчер и называли “казахстанской железной леди”.

Между тем Марьям Ильясовна всегда поступала по справедливости, не любила лишних слов и требовала чёткости в работе.

Многие коллеги, не знавшие близко Марьям Ильясовну, полагали, что она суровая и недоступная женщина, и даже порою боялись обращаться к ней за помощью и советом. Однако на самом деле это было не так. Многие из них просто не замечали её доброту, душевность, отзывчивость. В этом мне довелось убедиться самому. Я долго не осмеливался обращаться за помощью к Марьям Ильясовне по поводу поступления моего старшего сына в медицинский институт.

Однако до окончания им школы оставались считанные недели, и я обратился за советом к ней. Она живо откликнулась на мою просьбу и спросила, как учится мой сын. Я ответил, что он претендовал на золотую медаль, учителя им довольны. На это она сокрушённо сказала, что в Алма-Атинский медицинский институт иногда даже отличники учёбы не могут поступить и посоветовала, чтобы сын сдавал документы в семипалатинский вуз. Прошло некоторое время, и в конце мая меня пригласила Марьям Ильясовна. В её кабинете сидел ректор Семипалатинского медицинского института профессор Хлопов. Даулетбакова представила меня, добавив, что проблем с поступлением моего сына Самира в институт не должно быть, так как имеющиеся у него хорошие базовые знания позволят выдержать конкурс и, улыбнувшись, обратилась к Хлопову с просьбой поддержать и

подстраховать мальчика. Самир сдал экзамены на “отлично”, через год Марьям Ильясовна помогла перевести его в Алма-Атинский мединститут, и он закончил вуз с красным дипломом.

Теперь Самир учится в резидентуре медицинского факультета Гарвардского университета в Соединённых Штатах Америки.

Работая под руководством Марьям Ильясовны, мы не чувствовали усталости, трудились, как говорится, “в поте лица” до поздней ночи, получая моральное удовлетворение. Вместе с тем и активно отдыхали, посещали театры, устраивали на праздники пикники. К празднованию 8 Марта, как правило, приходил академик Беклемишев с огромным букетом цветов.

Мы получили боевую закалку и радовались своим успехам. Однако Даулетбакова никаких послаблений нам не давала. Однажды, поднявшись с больничной койки (у меня вырезали аппендикс), я, прихрамывая, шёл по коридору, держась рукой за правую половину паховой области. Ко мне подошла Марьям Ильясовна и учтиво спросила, не было ли осложнений после операции. Я ответил отрицательно, однако пожаловался на боль при ходьбе. Она строго посмотрела на меня и сказала: “Ты же мужчина, должен терпеть боль”. После её слов мне стало стыдно, и я тут же забыл о боли, а через три дня уже бегал по этажам нашего учреждения.

Марьям Ильясовна требовала чёткости в работе от всех руководителей высших учебных заведений и научных институтов, невзирая на высокие ранги и занимаемое положение директоров и ректоров .

Она постоянно подчёркивала нашу большую роль и проводимую работу в центральном аппарате министерства. Причём каждый раз напоминала, что начальники отделов и главные специалисты управления науки должны приглашать к себе только первых руководителей , а с учёными секретарями учреждений (она в шутку называла их “девочками”) должны работать инспектора.

Учёный медицинский совет Казминздрава в тот период был одним из ведущих управлений аппарата министерства. Великолепный тандем в лице академика Беклемишева и его талантливой ученицы Марьям Ильясовны был известен далеко за пределами нашей республики.

Среди республик бывшего Союза наш учёный медицинский совет являлся самым передовым и работоспособным. Поэтому союзное министерство неоднократно проводило в Алма-Ате выездные заседания и совещания.

Николай Дмитриевич в скором времени бразды правления передал Марьям Ильясовне, и она по достоинству возглавила учёный медицинский совет республики.

Даулетбакова поручила нам полностью пересмотреть выполняемые и планируемые научные темы по всем вузам и научно-исследовательским институтам и проанализировать состояние выполняемых НИР. Наш труд был ею высоко оценён, и она с гордостью докладывала об этом руководству Министерства здравоохранения.

Мы установили наличие в научных учреждениях, особенно в вузах, множество мелких тем, многие из которых дублировались из года в год и не давали должного эффекта.

Марьям Ильясовна поручила ректорам вузов и директорам научных учреждений подсчитать реальные затраты на исследования. Результаты

оказались удручающими. Многие средства тратились впустую. Она впервые ввела систему защиты первыми руководителями научных планов перед специальной комиссией, которая возглавлялась отраслевыми заместителями министра здравоохранения.

В последующем была введена система защиты научных отчётов и этапов внедрения научных данных в практическое здравоохранение.

Такое требование резко улучшило качество научно-исследовательских работ. Наука по-настоящему повернулась лицом к практике.

Приезжавшие на заседания коллегии Минздрава руководители областных отделов здравоохранения стали чаще заглядывать в наш отдел науки и учёный медицинский совет, поскольку от них министерство также требовало отчёты и данные по внедрению научных разработок.

Марьям Ильясовна много сил и энергии уделяла подготовке высококвалифицированных научных кадров, в частности, докторов наук, особенно по акушерству и гинекологии, судебной медицине, оториноларингологии и другим параклиническим дисциплинам, так как в тот период в республике было мало докторов наук по указанным специальностям.

Даулетбакова неустанно призывала нас мыслить широкомасштабно, в тесном сотрудничестве с другими отделами и управлениями решать насущные проблемы. Она привлекла к нашим совместным проверкам деятельности НИИ и вузов даже работников центрального аппарата, в том числе планово-финансового и контрольно-ревизионного управления Казминздрава. Все эти новшества положительно сказались на работе. Наше управление в Минздраве многие стали уважать, конечно, благодаря шефу.

Теперь по прошествии многих лет я вновь по праву горжусь своим учителем и наставником Марьям Ильясовной Даулетбаковой. Она является достойной дочерью великой казахской степи. Известные личности нашей страны высоко оценивают деятельность истинного учёного с большой буквы, великолепного клинициста и педагога. В её многогранной и кипучей работе блестяще отражена жизнь высококультурного и интеллигентного человека, мудрого учёного, отдающего себя служению людям и отечеству.

Недавно Марьям Ильясовне исполнилось восемьдесят лет. Однако несмотря на почтенный возраст она сохранила красоту и обаяние. Её искренняя любовь к друзьям и ученикам является для всех доблестным примером.

Для меня, теперь уже немолодого учёного, Марьям Ильясовна продолжает оставаться эталоном добропорядочного и мудрого учителя, наставника, озаряющего путь жаждущим знаний людям.

Воспоминания о моих учителях разбередили душу, я невольно стал сравнивать их поведение со взаимоотношениями людей между собой. К большому сожалению, мне нередко приходится огорчаться по поводу того, что и в нашей научной среде, и в других интеллектуальных сферах даёт о себе знать дефицит сердечности, открытости и честности. Примеров тому множество. Бывая частенько на юбилейных торжествах именитых людей, я наблюдал, как многие коллеги юбиляра, без души произнося заготовленные казённые речи, порой забывают должным образом оценить заслуги большого учёного или великого таланта. И только после ухода этого человека в иной мир спохватываются и начинают говорить о достойной личности примерно такими словами: «Какой это был замечательный и прекрасный человек!».

Однако в нашем человеческом сообществе всё же есть понимание громадной роли личности во всех сферах жизнедеятельности.

Всё это побудило меня в повествовании о моих учителях рассказать и о дорогом мне замечательном друге, добром наставнике Мариусе Плужникове. Мариус является одухотворённой личностью. В нём с необыкновенной яркостью органично сочетаются величие крупного учёного, талантливого врача и прекрасного педагога. Его многогранность восхищает окружающих и друзей, всех сталкивающихся с ним по жизни. Имея всемирное признание выдающегося учёного и клинициста, он продолжает оставаться простым, обаятельным и доступным для всех. Природа щедро одарила его мужской красотой, могучим ростом, умом и мудростью, блестящим талантом. Он обладает даром непревзойдённого рассказчика, искромётным юмором. Его бескорыстная любовь к друзьям и родным не знает границ, он всегда живёт и созидает для них.

Для меня Мариус является примером благородного и добросердечного учителя, друга и наставника, который ярким светом озаряет жизненный путь не только молодому поколению.

Моя супруга, восторгаясь многогранным талантом Мариуса, говорит мне в эмоциональном порыве: “Какая это неординарная личность и какой отмеченный богом необыкновенный человек, такого человека невозможно не любить!”.

Многие казахстанцы, впервые увидев Мариуса, сразу же прониклись к нему любовью и особым уважением, всегда с теплотой отзываются о нём. В один из его приездов в Астану он познакомился с нашей знаменитой скрипачкой, получившей мировую славу, профессором и лауреатом многих международных конкурсов Айман Мусаходжаевой. Она одна из немногих представителей в планетарном сообществе музыкантов имеет высокое звание “Артист Мира”. Айман, впервые увидев Мариуса, высоко оценила его человеческие качества и талант. Часто вспоминая его при наших встречах, Айман с искренним чувством произносит: “Это истинный петербургский интеллигент с высокой культурой и сердечным обаянием”.

Широкий круг интеллигенции знает и почитает также и литературный талант Мариуса. Мы восхищаемся его рассказами и лирическими повествованиями о судьбах современников. Читая его повести и рассказы, я испытываю глубокие чувства и трепетное волнение. Мариус искренне излагает свои переживания, лирически повествуя о добрых людях, встречавшихся на его пути.

Особый восторг вызывают его рассказы о животных, где он с блеском и юмором излагает забавные ситуации.

Я с огромным удовольствием прочитал великолепную повесть Мариуса “О минувшем”. В предисловии к этой книге известный российский писатель Андрей Битов пишет о нём: “Это замечательный человек, прекрасный врач, продолжающий давнюю российскую традицию писателей-врачей”.

Мне выпало большое счастье ещё в молодые годы познакомиться с Мариусом и завести дружбу, которая длится уже более сорока лет.

Он подаёт всем достойный пример истинной дружбы, вдохновляя коллег на творческие искания. Я стараюсь подражать ему. В результате такого хорошего влияния в последние годы начал с его добрым напутствием писать небольшие рассказы и воспоминания.

Время неумолимо движется вперёд, лучшие годы, проведённые с Мариусом, остались позади. И, как это образно описано Шоломом Алейхемом в рассказе “С ярмарки”, мы уже возвращаемся с этой ярмарки жизни с грузом забот за плечами и надеждой на светлое будущее молодого поколения.

Теперь после многих лет дружбы я с волнением вспоминаю незабываемую первую встречу в Ленинграде с молодым Мариусом.

Произошло это осенью 1973 года в городе на Неве. Меня, молодого кандидата наук, перед уходом на пенсию взял с собой в поездку Борис Владимирович, сказав с грустью: “Наверное, это моя последняя командировка, однако ты уже вполне созрел как учёный, теперь в добрый путь”.

Меня охватило минорное настроение. Погода в Ленинграде также, казалось, способствовала такому чувству. Было пасмурно, моросил мелкий осенний дождь, на улице быстро наступали сумерки.

Между тем деловая обстановка на всесоюзной конференции и пленуме общества оториноларингологов быстро сгладила это впечатление.

На форум съехались специалисты из всех регионов бывшего Союза, царил атмосфера дружелюбия, особенно мы почувствовали это от гостеприимных хозяев-ленинградцев.

На пленуме с блестящим докладом выступил молодой доктор медицинских наук Мариус Плужников, тогда ему было чуть больше тридцати лет. И он являлся самым молодым доктором наук по нашей специальности в Союзе. Меня ему представил мой шеф. Мариус, будучи уже прекрасным хирургом, высоко чтит Бориса Владимировича. В те годы многие специалисты использовали в качестве руководства замечательную книгу моего шефа “Оперативная оториноларингология”.

Мариус сразу покорила меня своей импозантностью, прекрасными манерами и врождённой интеллигентностью. Позже я узнал, что он родился в Ленинграде в семье медицинских работников. Отец был военным врачом, мать работала детским врачом. В период Великой Отечественной войны семья перенесла ленинградскую блокаду. Через год после её начала вместе с бабушкой и мамой Мариус был эвакуирован в далёкий степной провинциальный город Казахстана — Семипалатинск. Вернувшись перед окончанием войны в родной Ленинград, Мариус поступил в специализированную школу с английским уклоном. В школе он был самым способным учеником и уже в старших классах свободно владел английским. Учёба в медицинском институте также давалась ему легко. На старших курсах Мариус проводил научные исследования, используя знания иностранной литературы. Это давало ему возможность уже в те годы совершать научные командировки в Финляндию, делая доклады на иностранном языке. После окончания института как отличившегося выпускника его оставили на кафедре болезней уха, горла и носа, где он трудится и по сей день. Его учителем был выдающийся специалист, основоположник оториноларингологической школы России, профессор Вильгельм Фомич Ундритц, получивший в советское время одним из первых высокое звание члена-корреспондента Академии медицинских наук.

После нашего знакомства в Ленинграде мы с Мариусом часто встречались на конференциях в Иркутске, Минске, Москве, Ташкенте и других городах нашей необъятной страны. Он к тому времени уже заведовал кафедрой и всем был известен как блестящий хирург-оториноларинголог и

крупный учёный, работающий над фундаментальными проблемами нашей специальности.

Так, он впервые изучил на электронно-микроскопическом уровне волосковые клетки внутреннего уха, дал гистохимическое описание всех структур среднего и внутреннего уха. Одним из первых в стране начал оперировать с применением высокоэнергетического лазера. Эти разработки получили мировое признание в странах дальнего зарубежья. Мариуса уже в те годы часто приглашали читать лекции в Кембриджский и Оксфордский университеты.

Во время наших встреч Мариус постоянно напоминал мне о необходимости завершить работу над докторской диссертацией. Особенно запали в душу его слова на одной из встреч в Ленинграде. Он сказал: “Райс! Хватит тебе валять дурака. Не ленись! Ты же способный парень и зря растрачиваешь силы, находясь на руководящих должностях и организуя разные конференции”. В те годы я работал директором Усть-Каменогорского филиала института краевой патологии. Высказанное справедливое замечание Мариуса побудило ускорить работу над докторской диссертацией, и вскоре я успешно защитился в Ленинградском институте уха, горла, носа и речи.

Однажды, когда мы встретились в Москве, Мариус предложил после окончания конференции съездить в гости к сестре его супруги Татьяны Ивановны. Он сообщил, что свояченица и её муж очень приятные и интеллигентные люди и в шутку добавил: “Такое поведение не свойственно многим москвичам”. Действительно, нас приняли очень радушно. Мариус представил “очаровательную Нонну” и познакомил с её мужем, импозантным и представительным мужчиной, весьма похожем по внешности на грузина.

Леонид крепко пожал мою руку и учтиво поинтересовался делами. Произносил он слова с растяжкой, однако без малейшего акцента. Оказывается, по национальности он был не грузин, а итальянец, и жил в Москве с юных лет.

Вечер прошёл на славу. Все много шутили, рассказывали анекдоты, которые с неподражаемым юмором преподносил Мариус. Для поддержания веселья я предложил спеть. Конечно, начали с любимых всеми “Подмосковных вечеров”. Мы дружно подхватили знакомую мелодию. Затем стали исполнять другие популярные песни. Мариус отметил мой “зычный баритон” и попросил спеть казахскую песню в сопровождении рояля, который, красиво поблёскивая изящными ножками, горделиво стоял в углу гостиной. Я начал застенчиво отказываться от игры на рояле, пояснив, что плохо играю на этом инструменте. Однако отказываться было уже поздно, так как Мариус поведал хозяевам о моих музыкальных увлечениях. Я исполнил под собственный аккомпанемент любимую народом песню на слова казахского поэта и просветителя Абая Кунанбаева. Песня всем очень понравилась. Меня охватило необычайное вдохновение, пальцы рук каким-то необъяснимым чудом стали нажимать на нужные клавиши. Мы исполнили множество наших любимых песен и не заметили, как быстро наступила полночь, однако расставаться не хотелось.

В тот день я по-настоящему осознал надёжность нашей бескорыстной дружбы. В трудные минуты я знал, что всегда получу поддержку со стороны Мариуса.

Прошли многие годы, а наша дружба крепла с каждым днём. Сейчас больше начинаю понимать, что у Мариуса я многое перенял. Он всегда отдаёт людям гораздо больше, чем получает. Такова его искренняя и добрая душа, открытая честным людям. Однако иногда он бывает твёрд и непримирим к иным натурам и, не боясь религиозных заповедей, жёстко высказывается об их неправильных действиях.

Мне теперь приходится сожалеть, что в молодые и даже зрелые годы не придавал особого значения штудированию английского языка.

Между тем этот барьер помог мне преодолеть всё тот же Мариус, организовав совместные поездки в дальнее зарубежье, где проводились выездные собрания Международной академии оториноларингологии — хирургии головы и шеи, президентом которой уже много лет является Мариус Плужников. Благодаря этим поездкам значительно пополнился мой словарный запас. В последние годы я уже стал выступать, правда с большим трудом, с докладами на английском языке. Между тем, когда иностранцы слушают английскую речь Мариуса, они всегда поражаются. Многие знают, что Мариус выступает с великолепными лекциями в Лондоне, Париже и Нью-Йорке. Кстати, он всегда возит с собой томик Шекспира в оригинале или другую художественную литературу англоязычных авторов.

Мариус за эти годы подготовил по нашей специальности плеяду достойных учеников, многие из них успешно защитили докторские диссертации. В числе его способных учеников и представители дальнего зарубежья. К примеру, Сахб Фаузи стал профессором и теперь трудится на родине в Иордании.

Несколько лет тому назад Фаузи пригласил Мариуса и меня посетить Иорданию и выступить с докладом на Конгрессе оториноларингологов арабских стран. Я с большой радостью принял это приглашение.

До столицы Иордании, Аммана пришлось добираться рейсом “KLM” Алма-Ата — Амстердам и ждать более пяти часов стыковочного рейса в аэропорту. Амстердамский аэропорт поразил своими размерами. Многолюдные толпы людей двигались в различных направлениях по эскалаторам и переходам. Пассажиров заманивало обилие магазинов, ларьков, бутиков с различными товарами и сувенирами, свои услуги предлагали многочисленные кафетерии типа “бистро” и закусочные.

Однако цены в них были доступны для богатых бизнесменов и, к сожалению, не устраивали нас — “учёных мужей”.

Рано утром наш самолёт “Боинг-747” приземлился в аэропорту Аммана. Меня ждал приятный сюрприз: я увидел ожидавшего меня Мариуса. Он прилетел раньше и, несмотря на свою усталость от ночного полёта, встречал меня с иорданскими коллегами.

Нас разместили по соседству в роскошных номерах пятизвёздочного отеля. В соответствии с программой в середине дня состоялось торжественное открытие конгресса.

Перед началом научного форума в фойе Конгресс-холла выступал профессиональный струнный квартет и исполнял классическую музыку. Я с удовольствием узнавал знакомые мелодии Вивальди и Сарасате.

Утро следующего дня было насыщено докладами. После обеда на заседании председательствовал Мариус. Делегаты и гости конгресса с особым вниманием прослушали его доклад по современным лазерным технологиям, сопровождавшийся показом видеофильма и цветных слайдов.

После выступления Мариуса я покинул заседание, так как последующие доклады были на арабском языке, и стал знакомиться с достопримечательностями Аммана, необычной архитектурой города — большинство зданий сооружены из природного белого камня на гранитных фундаментах.

Во время ужина Мариус дружески пожурил меня за отсутствие на вечернем заседании. Оказывается, в дополнительной программе значился мой доклад, и хозяева конгресса искали меня. Мариус ловко вышел из этой ситуации и пояснил делегатам, что сегодня пятница — священный день мусульман, поэтому профессор Райс, выполняя священный долг за вас, отправился молиться в мечеть. Об этом он рассказал мне с присущим ему юмором и добавил, что после упоминания о долге все делегаты одобрительно захлопали в ладони.

Другой смешной казус произошёл со мной во время экскурсионной поездки на Мёртвое море. Нам рассказали о целебных свойствах воды Мёртвого моря и о роскошных курортах, расположенных на иорданском и израильском берегах. Наш экскурсовод предупредил, что все желающие могут искупаться в знаменитом море, однако подчеркнул: все мужчины должны купаться в плавках. В этот момент я обнаружил, что плавки остались в гостиничном номере, и сокрушённо сообщил об этом гиду. Тот меня успокоил, сказав, что можно купаться и в обычных трусах.

Мариус серьёзным тоном заметил мне, что без плавков купаться неприлично. И подсказал, что на курорте есть магазинчики, где можно купить любые плавки. Его юмор я понял позднее, когда за пятьдесят долларов продавец ларька всучил мне огромные плавки-трусы, длина которых была ниже моих колен. Купаясь в них, я заметил, что некоторые туристы плавают в обычных трусах, и с досадой сказал об этом Мариусу. И тут он начал искренне хохотать, а я осознал, что не понял его юмора насчёт плавков. Потом мы не раз вспоминали об этом эпизоде и весело смеялись.

На обратном пути к нам в экскурсионный автобус подсади четыре иностранки. Из их разговора мы поняли, что это француженки. Мариус заговорил с ними на английском, однако они почему-то не захотели вступать в беседу. Возможно, плохо знали английский. Чтобы поддержать Мариуса, я подсел поближе к француженкам и начал петь наши русские песни. Однако никакой реакции не последовало. Тогда Мариус позвал меня и с серьёзным видом сказал: “Райс, зачем тебе эти бледные француженки? Наши девушки лучше и красивее”. Он добродушно засмеялся, я тоже поддержал его.

Из многих совместных зарубежных поездок особенно запомнилось наше турне по Соединённым Штатам Америки (там мы находились более двух недель). Неизгладимое впечатление оставили великая река Миссисипи, чудесные пейзажи штата Миннесота, а также небольшой городок Рочестер, где располагалась всемирно известная клиника Мейо. В этой клинике созданы прекрасные условия для работы врачей и младшего медицинского персонала, начиная с сестринского поста. В уютных комфортабельных палатах и великолепно оборудованных операционных, обилие которых поражает воображение (расположены они блочно и предназначены отдельно для каждого вида операции), имеется всё необходимое для практической и научной деятельности.

Американские коллеги также были восхищены умением Мариуса давать объективную оценку их работе и нередко прислушивались к его советам по ведению ряда больных с особой нозологической патологией.

После посещения медицинского городка в Рочестере мы полетели в столицу Соединённых Штатов, где проходил всемирный конгресс ринологов. На конгрессе Мариус выступил с обстоятельным докладом по лазерной хирургии заболеваний носа и околоносовых пазух. После конгресса у каждого участника осталась масса впечатлений и приятных воспоминаний. Мы жили в пятизвёздочном отеле “Шёренам” и белой завистью смотрели на американских буржуев. Однако, по правде говоря, наша родина была нам роднее и милее.

Мариус часто приезжал к нам в Казахстан. Он восхищался красотой Алма-Аты, горами Заилийского Алатау, высокогорным катком Медео и горнолыжной базой Чимбулак, Тау-Тургенским заповедником. На проходившем национальном конгрессе ринологов в г. Шымкенте Мариус с группой российских учёных и иностранных делегаций посетил так называемую “вторую Мекку” — наш знаменитый мавзолей Ходжи Ахмета Яссави в г. Туркестане, построенный в начале XIV века и являющийся достопримечательностью республик Средней Азии и Востока.

Мариус, конечно, неоднократно посещал нашу столицу Астану и отметил некоторое её сходство с Санкт-Петербургом, подчёркивая в шуточной форме прелести холодных ветров и короткого северного лета. В предыдущий приезд — а это было ранней осенью 2006 года — Мариус поразился переменам в Астане, которые произошли за три года. Он сказал: “Ваша столица строится на глазах и у неё большое будущее”.

Мы съездили на несколько дней отдохнуть в Боровое и посетили Окжетпес. Ранняя осень и великолепная природа этого края восхитили Мариуса. Местные жители рассказали ему легенду о скале Окжетпес. После отъезда, однажды Мариус позвонил мне и известил, что написал свою легенду про Окжетпес, назвав её “Синегорье”. По электронной почте я получил от него этот рассказ, пронизанный тончайшими нитями восточной мудрости, поразивший меня изяществом и прекрасным поэтическим языком.

Мариус, описав увиденную красоту, образно подчеркнул, что среди необозримой равнины казахских степей как по волшебству возникает этот уголок земли, “в котором в восьмидесяти озёрах отражается синее небо, а вокруг высоких скал, затейливо обработанных выветриванием, шумят и благоухают смолой сосновые леса”.

Живописуя неповторимую горную вершину Окжетпес, Мариус восхищается чудесным созданием природы: “... в сердце Синегорья есть обширная ровная долина, поросшая сочной зелёной травой, над которой господствует могучая скала, одетая каменной шапкой, как голова аксакала, — люди зовут эту скалу Окжетпес”. Весьма красочно изображая поляну Аблай-хана, Мариус отмечает, что “по другой стороне долины тянется каменная гряда, у основания которой в течение веков сама Природа изваяла каменный трон, подобный королевскому”.

Завершая рассказ о моих учителях и наставниках, добавлю, что считаю своим священным долгом почитать их, помнить об их заслугах, принёсших нашей отчизне почёт и славу. Очень надеюсь, что справедливость восторжествует и эти достойные имена займут должное место в летописи великой страны.

г. Астана.

Герольд БЕЛЬГЕР

Плетенье чепухи

(Продолжение. Начало в № 8 за 2008 год)

У каждого народа есть так называемые стратагемы — ключевые мудрости-выражения, определяющие суть поведения, поступка, ментальность нации, формулу руководства.

Наткнулся я как-то на китайские стратагемы. Их оказывается, всего 36. По-китайски они называются чжимоу, моулюе, цэлюю, фанлюе. Они означают стратегический план, в котором для противника заключена какая-либо ловушка или хитрость. Они убийственно лапидарны. Я выписал наиболее понравившиеся.

“Убить чужим ножом”.

(Означает это: вложить нож в руки врага, чтобы он погубил своего врага, который был бы и твоим врагом).

“Скрывать за улыбкой кинжал”.

“В покое ожидать утомлённого врага”.

“На востоке поднимать шум, на западе нападать”.

“Извлечь нечто из ничего”.

“Грабить во время пожара”.

“Наблюдать за огнём с противоположного берега”.

“Чтобы обезвредить разбойничью шайку, надо сначала поймать главаря”.

(Ту же мысль Мао выразил так: “Бей по голове, остальное само развалится”).

“Если хочешь что-нибудь поймать, сначала отпусти”.

“Бегство — лучший выход в безнадёжной ситуации” (см. ЛГ. № 21/03).

Интересно, какие бы казахские стратагемы выделили философы?

Демографические прогнозы занимают многих. И везде они неутешительные. Вызывают одинаково тревогу и “недо”, и “пере”.

А мнение Сергея Капицы таково: “Перенаселение и демографический кризис Земле не грозят. К 2100 году население стабилизируется на уровне 10-12 млрд. человек, треть населения будет старше 65 лет, 8 % — старше 80 лет. В итоге радикально изменятся взаимоотношения между поколениями и система ценностей” (“Известия”, 15.05.03.)

А вот американский писатель-фантаст Роберт Шекли на вопрос: “Ваш прогноз: что будет главным в психологии людей лет, скажем, через 100: гуманизм, прагматизм, расизм? И будет ли вообще единая цивилизация?” ответил так:

“Единая цивилизация — утопия. Скорее всего, мир будет состоять из небольших стран, каждая из которых будет жить по своим принципам. Потому что единая цивилизация предполагает единого правителя, а это

невозможно в принципе. Я не хочу навязывать никому свою точку зрения, да и вообще предсказать будущее с точностью невозможно. Это просто моё эмоциональное предчувствие, предпочтение. Мне нравятся разные люди в разных одеждах, их разная пища” (“Известия”, 07.08.03.)

Фаина Раневская: “Я засыпаю, и мне снится Пушкин. Он идёт с тростью мне навстречу. Я бегу к нему, кричу. А он остановился, посмотрел, поклонился, а потом говорит: “Оставь меня в покое, старая б..... Как ты надоела мне со своей любовью”.

“Инородческий” элемент в русской истории, культуре, литературе, науке занимает колоссальное место. “Национал-патриоты” страшно не любят разговор на эту тему. Стараются её обходить или приглушить. Но разве от реальности уйдёшь? Пользуясь разными источниками, кропотливо собирая сведения, я написал на казахском языке объёмную статью: “Русские писатели немецкого происхождения” — см. “Тан-Шолпан”, № 6 за 2006 г. В этой работе я упоминаю около ста немецких фамилий, служивших русской литературе. Вероятно, ещё больше немецких имён можно назвать и в других областях: науке, промышленности, медицине, военном деле, государственной деятельности. Отсылаю любопытных или скептиков к фундаментальному труду отца и сына Вильгельмов (Адам Францевич и Курт Адамович). Книга называется “Немцы в истории России. Люди и события” (Москва, 2003). Авторы этого уникального труда перелопатили Монблан литературы, докапываясь по крупицам до истины.

Полагаю, что можно б было издавать целую серию подобных книг. (Французы, итальянцы, шведы, датчане, швейцарцы, голландцы, греки и т. д. в истории России).

Ничего зазорного в том нет. И невозможно спорить: многие знаменитые люди России имели иностранные корни. Примеры потянули бы на несколько страниц. А скольких “иностранцев” перекрестили на русский лад! По этой части особенно преуспели немцы, лютеране и католики, принявшие (добровольно!) православие. И крещёных восточных племён наберётся в русской истории изрядно. Убеждён: благодаря притоку западных и восточных кровей, благодаря фантастическому их смешению и сформировался великий народ, который называют русским.

Нередко встречаются в печати миниатюры не в бровь, а в глаз. Примеры:

*Очень богатые люди
Весело дружат с властями,
Горько смеётся народ.*

(Григорий Медведевский)

*Наши вожди
Создали с любовью
Дружбу народов,
Скреплённую кровью.*

(Вл. Орлов)

До поры
на чьи-то виллы
Топоры глядят
и вилы.

(он же)

Для светлого грядущего тружусь,
а как устану — думаю втихую:
ведь я ему и на... не гожусь,
да и оно мне, в сущности, ни к...

(И. Губерман)

Возможно, элины и несть,
А чудей и там, и здесь.

(М. Векслер)

Свободу слова
Ты даёшь,
Свободу на любую ложь.

(Н. Доризо)

Тогда — эполеты,
Сейчас — погоны.
Тогда — поэты,
Сегодня — эпигоны.

(В. Фёдоров)

Пусть династию Сунь
Сменяет династия Вынь...
Лишь бы счастлив был Ян,
Лишь бы кончила Инь.

(Ю. Алешковский)

Мне говорят, что “Окна ТАСС”
Моих стихов полезнее.
Полезен также унитаз.
Но это не поэзия.

(Н. Глазков)

Отрадно, что колких, едких, изящных, остроумных миниатюр появилось много и в казахской литературе. При случае я их приведу в казахской статье. Я ведь плету чепуху параллельно и по-казахски.

Мне юмор Жванецкого глубоко чужд. Не в восторге и оттого, как он читает. Если мне скажут, что я просто до него не дорос, спорить не буду.

Но вот эта штучка мне нравится:

“Ибо тут два варианта. Либо ты называешь дерьмо дерьмом, невзирая на должности и звания. И народ тебе кричит “Ура!”. Либо ты кричишь “Ура!”, и народ называет тебя дерьмом, невзирая на должности и звания”.

Это подмечено верно и остроумно. И изложено эффектно. И вполне подходит к Казахстану.

Мухтар Магауин независим в своих суждениях. И цену себе знает. Говорит: “Мен” — и баста. Кругом говорят: нескромно, амбициозно, самоуверенно, на грани приличия, разве так можно. А он вызывающе упорствует: “Мен”! По-русски это ещё короче: “Я”.

И он по большому счёту прав. А что? Личность. Трудяга. Есть концепция и позиция. Есть дар. Зачем ему хвостом вилять и говорить “Мы”, когда в контексте стоит “Я”? По всем параметрам имеет право.

Поддерживает Магауина Морис Дрюон: “... так называемая скромность художника — это сплошное фарисейство. Художник должен знать цену себе самому, своим творениям и деяниям и не скрывать от публики свои оценки. Я презираю фальшивую скромность, выдаваемую людьми бесталанными и завистливыми за норму приличного поведения. Ведь им самим сказать о себе нечего”.

В жизни я видел его только однажды, давно, на моём 60-летнем юбилее. Стройный, лёгкий, порывистый, возбуждённый, этакий романтичный, импульсивный француз, он выбежал на сцену, обнял меня пылко, сказал пару фраз по-немецки, потом — по-французски, по-казахски и по-русски. Говорил скороговоркой, немного сумбурно, но искренне, сердечно. Первое впечатление: открытый, обаятельный казах.

Конечно, я имел представление о Галымжане Муқанове, переводчике с французского и на франсэ, публицисте, исследователе, многогранном, всегда увлечённом литераторе. Позднее узнал его переводы из Клера Клермонта (“Владимир и Зара”), П. Корнеля, Ги де Мопассана, Г. Аполлинера, П. Верлена, а также озвученные им на французском стихи, поэмы и прозу Абая. И публицистические его статьи — смелые, острые, актуальные — были мне знакомы. Не все и не всегда разделяли его точку зрения, но он высказывался открыто, без оглядки, вступая в полемику с теми, кого называют “национал-патриотами”.

После тяжёлой операции, затяжной депрессии, бытовых неурядиц, которые преследовали его особенно зло, он нашёл в себе силы встать на костыли и снова творить и жить с бывлым азартом. Тогда-то и стал он звонить мне часто, всегда деликатно, с пиететом младшего коллеги, делился своими планами, писал стихи, статьи, мечтал, снова стал тем же неуёмным, увлекающимся романтиком, стойко преодолевая хвори, боли и вечное безденежье. Едва получив квартиру, он задумал её сделать литературным салоном, разработал тематику бесед с друзьями, каждый день ошеломлял меня мощными задумками, мечтая усиленно пропагандировать казахскую литературу на французском языке. Я знал: жил он трудно, нескладно, неудобно. И он стремился вырваться из круга неудач, преодолеть отчаяние и испытания. Кажется, не все его понимали. И опустошающее одиночество томило, тяготило его. А он был нежным, чутким, легко ранимым, впечатлительным человеком. Нуждался в любви, которой не было, не было...

Видел я его последний раз по телевизору в беседе с Дидаром Амантаем об Абаяе.

И вдруг замолк. Телефон молчал. Расспрашивал знакомых: никто ничего не знал. Странно: проходили недели, месяцы, а от Галымжана ни

слуха ни духа. Последнее, что он мне сообщил: ушла жена, забрала холодильник и телевизор. Остался один со своими костылями. Потом поделился радостью: друзья раздобыли старенький телевизор. “Пишу о Вас статью, будет в “Начнём с понедельника”. Однажды трубку поднял сын. “Отец в больнице”, — сухо сообщил он. И вдруг скорбный звонок: “Вы знали моего отца?”. Я похолодел от этого “знали?”. Я всё понял.

Год назад он прислал мне книжку “Абай” в бордовом твёрдом переплёте. Его переводы из Абая, осуществлённые совместно с Кристианом Висанти. На двух страницах — адресованная мне тёплая надпись на немецком, французском, казахском языках. Его память. Его благожелание. Его искренний сале́м-привет. Как прощание.

Он любил литературу, родной язык, народ. Считал себя европейским казахом. Был радетелем большой культуры.

4.02.07.

Приехал мой младший друг Баккожа из Германии, где лечился полтора месяца, и поделился со мной своим главным впечатлением: “Народ, я понял, един. И объединяет его язык”.

Я думаю: Баккожа подметил самое главное. Это бесспорно: народ объединяет, цементирует, облагораживает, вдохновляет только язык — Muttersprache — материнский язык — ана тілі. Всё остальное — любовь, сочувствие, сердоболие — исходит из этого.

Генрих Бёлль в своих знаменитых “Франкфуртских лекциях” говорил: “Я исхожу из убеждения, что человека делают человеком язык, любовь, сопричастность, это они связывают его с самим собой, с другими людьми, с богом — монолог, диалог, молитва”.

И вот я думаю о казахских чиновниках разного ранга. Слушаю, как говорят депутаты, члены правительства, люди из президентской администрации. Большинство из них не в состоянии монологизировать; оно косноязычит на казённом русском языке. Диалог тоже не получается, ибо один говорит по-казахски, десятеро — по-русски. Объяснения происходят на разных волнах. А уж о молитве и говорить нечего. Молитва казаха в лучшем случае абракадабра из непонятных арабских слов. Молиться казах никогда толком не умел, а ныне и вовсе разучился. Лично ко мне это тоже относится. И вот о каком единении, единстве можно говорить, если народ лишён возможности монологизировать на родном языке, вести разумный диалог и молиться от души, от сердца. Не получится! И уж, конечно, нефть, доллар, рынок, нажива никак не объединяют народ, а скорее, разъединяют. И потому мне порой чудится, что перспективы Казахстана (и особенно казахов) по этой части сомнительны или, по крайней мере, невелики. Люди типа Мухтара Шаханова и Мухтара Магауина это великолепно чувствуют. Первый бьёт во все колокола, тщетно пытаясь разбудить казахов, исключительно уповая на материнский язык, второй, постоянно взывая к национальным истокам, похоже, устал, разочаровался, переживает то, что пережил на склоне жизни Абай.

Я это прекрасно сознаю и сочувствую этому горю. Нечто похожее переживали в России, в Советском Союзе русланддойче. И то, что они в массовом порядке эмигрировали на свою историческую родину — вероятно, спасение национальной души. Спасение ценой страшных потерь и моральных испытаний. В чём же спасение казахов? Они ведь веками живут

на исторической родине. И деваться им некуда. Их спасение в одном: в сплочении, единении вокруг материнского языка. Всё остальное самообман, ведущий к гибели.

Эту простую истину власть так называемой независимой страны либо не понимает, либо сознательно отмахивается от неё, ведя народ по заведомо ложному пути, отвлекая его на всякую мишуру. Лепет власти слушать иногда стыдно. Тот же Генрих Бёлль говорит: “Чем неограниченной власть, тем бессодержательней словарь, — слов много, а смысла нет”.

Или:

“Политики не умеют говорить, либо говорят впустую”.

Или:

“Словарь великих мира сего так же бессодержателен, как и словарь политиков. По меркам эстетики устной речи какой-нибудь башмачник или рыночная торговка оказались бы, наверное, королём и королевой в сравнении с пустыми и скучными словами из запаса великих мира сего”.

Истину, выраженную Генрихом Бёллем во “Франкфуртских лекциях”, я могу подтвердить на примерах местного колорита. Это действительно беда, исходящая из забвения национальных традиций и полнокровного материнского языка.

Иноязычная постная жвачка выражает лишь скудоумие.

У В. Вересаева есть книга “Живая жизнь” — эссе о Толстом, Достоевском и Ницше. Выражение “живая жизнь” нередко попадалось мне в разных трудах. И мне каждый раз думалось: наверное, не по-русски это. Что-то немецкое, мудрёное, заумное. *Lebendiges Leben*. Откуда это сочетание внедрилось в русский язык? Был такой профессор, учёный-литературовед, отменный знаток творчества Достоевского — Альфред Людвигович Бем. В 1922 г. его изгнали из России. В 1937 году в Праге он издал труд “Фауст” в творчестве Достоевского”. У меня есть копия этого уникального труда. Вот что Бем пишет по поводу “живой жизни”: “Не знаю, откуда берёт начало столь существенное для всего миропонимания Достоевского сочетание. А. Н. Веселовский возводит его к Гёте, но я у Гёте не мог найти буквального повторения этого сочетания”...

Я тоже имею кое-какое представление о Гёте, читаю-перечитываю его в оригинале и в переводах. Конечно, всего Гёте не охватишь, однако “живая жизнь” и мне не попадалась.

Но все русские литераторы относят это именно к Гёте.

Употреблял это сочинение В. А. Жуковский. “Это философия жизни, *des lebendigen Lebens*”.

И у Огарёва это есть. И у Герцена. То же у Тютчева.

Это не я говорю — Альфред Бем.

А его “Фауст” в творчестве Достоевского” надо бы переиздать. Я хотел было это сделать, когда редактировал “Феникс”, но альманах сгинул раньше времени. Жаль... Кажется, за 70 лет этот труд ни разу не переиздавался.

Известному словенскому писателю, режиссёру и драматургу Жарко Петану принадлежит сборник сатирических афоризмов “Пустую голову легче склонять”. Некоторые так и просятся в заветный блокнот:

В дирижируемой экономике хорошо живут только дирижёры.

Умри сегодня — завтра похороны станут дороже.

Кто не работает, тот должен хотя бы есть.

Кто жил за государственный счёт, того за государственный счёт и хоронят.

Искусство политика состоит в том, чтобы переработать народ в массы.

Женщина готова подарить свою любовь мужчине при условии, что она получит её обратно с процентами.

Дети — это пепел любовного огня.

Собака виляет хвостом, человек — языком.

Жаль, что мы умираем только один раз — в десятый раз было бы намного легче.

Иногда нужно думать чужой головой, чтобы сохранить свою собственную.

Маленькие головы имеют больше шансов оказаться на поверхности.

Поговорим о немецком следе в русской истории, культуре, литературе, науке, искусстве, государственной, общественной и деловой жизни. Это необъятная тема. И это уже не “след”, а целый пласт, который умалчивать невозможно при самой заскоруждой идеологии и зашоренной политике.

О русских литераторах немецкого происхождения я более-менее обстоятельно писал — см. “Тан-Шолпан”, № 6 за 2006 г. В своей статье я перечислил около ста фамилий — Фонвизин, Хемницер, Греч, Дельвиг, Кюхельбекер, Губер, Яниш-Павлова, Кульман, Фет, Мей, Миллер, Шеллер, Эртель, Вагнер, Авенариус, Гербель, Зоргенфрей и другие.

Но прежде чем назвать немцев, проявивших себя в других сферах российской жизни, хочу сослаться на любопытную книгу, которую мне показал мой старый ташкентский знакомый (ныне он живёт в Германии), мэн-нонит, библиофил Иван Иванович Фрезе. Книга была издана в 1884 году в Лейпциге и называлась: “Rußland. Einrichtungen, Sitten und Gebräuche”. Автор её — Фридрих Майер фон Вальдек — тридцать лет служил в России, преподавал в университете, знал, разумеется, русский язык и редактировал, как он пишет, большую политическую газету.

Книга его изобилует редчайшими сведениями о России, народах России, их обычаях, нравах, быте, одеждах, есть даже факты о казахах (киргизах), довольно обстоятельно говорится и о немцах в России (стр. 158-194).

Кое-что из этой книги я в своё время выписал.

Вот сведения о площади России на разных этапах её истории.

1505 год — примерно	2 032 088	кв. км.
1533 год — ”-	2 591 904	кв. км.
1584 год — ”-	6 869 317	кв. км.
1598 год — ”-	8 625 354	кв. км.
1676 год — ”-	14 119 926	кв. км.
1682 год — ”-	14 561 277	кв. км.
1725 год — ”-	15 110 073	кв. км.
1770 год — ”-	16 146 504	кв. км.
1800 год — ”-	16 759 216	кв. км.
1825 год — ”-	17 309 114	кв. км.
1855 год — ”-	19 332 937	кв. км.
1882 год — ”-	21 602 905	кв. км.

Поразительная динамика! За 377 лет Россия расширилась — за счёт чего, понятно — более чем на 19 миллионов кв. км. Насколько раздвинулись (или сузились) границы России ещё через 125 лет, дотошный Фридрих Майер фон Вальдек, разумеется, знать не мог, да и я сейчас точно не знаю.

А вот динамика роста населения России:

1722 г. — 14 млн.	1815 г. — 45 млн.
1742 г. — 16 млн.	1835 г. — 60 млн.
1762 г. — 19 млн.	1851 г. — 68 млн.
1782 г. — 28 млн.	1858 г. — 74 млн.
1796 г. — 36 млн.	1870 г. — 86 млн.
1812 г. — 41 млн.	1882 г. — 95 млн.

Получается, что 285 лет тому назад население России соответствовало нынешнему казахстанскому. Правда, такой стремительный скачок Казахстану не грозит. Мы ведь знаем, за счёт чего и кого произошёл такой рост населения в Российской империи.

Фридрих фон Вальдек ещё в те годы определил число немцев в России в пределах двух миллионов. По данным 1881 года, в Петербурге жило 861 303 человека. Из них 65 000 немцев, 17 000 французов, 8 000 англичан.

Кем были немцы в Петербурге в те годы? В основном, отмечает автор, — учёные, служащие, врачи, аптекари, купцы и ремесленники. Называет Фридрих фон Вальдек и издания на немецком языке: “Санкт-Петербургская газета”, “Северная пресса”, (“Nordische Presse”), “St. Petersburger Herold”, “Санкт-Петербургский ежемесячник”, “Рутения”, “Журнал для немецких читателей в России”, “Беллетристические страницы из России”.

Подробно пишет автор о театре и музыке. Санкт-Петербург был в 19 веке центром немецкой культуры в России.

Но наиболее богатые и разнообразные сведения о немцах в России мы находим в уникальном труде отца и сына Вильгельмов — Адама Францевича и Курта Адамовича. Их многолетний кропотливый труд называется “Немцы в России. Люди и события”. С покойным ныне Адамом Францевичем я одно время переписывался, общался по телефону, Курт Адамович бывал у меня. Будучи редактором русско-немецкого альманаха “Феникс”, я опубликовал несколько глав их объёмистого исследования. Их труд вышел (I том) в 2003 году в Москве (874 стр., тираж 500 экз.).

Вот названия глав этого тома, дающего представление о панораме, охвате и объёме исследования: “Русско-немецкие отношения. Появление немцев в русском обществе”, “Эмиграция немцев в Россию”, “Императрица Екатерина Великая”, “Деятельность российских немцев в государственном управлении”, “Служба российских немцев на военном поприще”, “Роль немцев в деловой жизни России”, “Участие немцев в общественной жизни России”, “Немецкий вклад в развитие русской науки”, “Служение русской Музе”, “Родственные узы” (интернациональные браки).

Эти десять глав охватывают период до 1917 года. “Издание имеет научно-популярный характер и предназначено для всех читателей, интересующихся историей России и российских немцев” — сказано в аннотации.

О второй томе я, к сожалению, ничего не знаю. Адам Францевич скончался, а Курт Адамович, как я узнал из его последнего звонка, эмигрировал — то ли в Германию, то ли в Россию.

Я мог бы из этой книги привести сотни и сотни немецких фамилий — деловых людей, промышленников, военных, государственных и политических деятелей, врачей, учёных, писателей, композиторов, художников, честно, убеждённо служивших России, её культуре, её мощи, но я, пожалуй, откажусь от этого соблазна, ибо рискую превратить свои записи в длиннющий список экзотических имён. Надеюсь, в наличии солидного немецкого пласта в русской истории благонамеренный и разумный читатель не сомневается, а для сомневающихся при необходимости могу назвать не один десяток многотомных источников, среди которых окажется, несомненно, капитальный труд А. Ф. и К. А. Вильгельмов (кстати, казахстанцев, темиртаусцев) и шеститомное издание о русско-немецких отношениях покойного германиста Льва Копелева и его учеников.

Знание иноязычных пластов в великой русской истории, думаю, никому не помеха.

Русских я маловато знаю, потому судить о них не берусь. А вот российских немцев и казахов я вроде как знаю и чувствую. И если я скажу с колокольни своих лет, что качественно они стали хуже, чем некогда были, полагаю, не особенно погрешу против истины. Я имею в виду нравственную сторону. В нравственном отношении и “наши” немцы, и казахи вошли в стадию потерь. То есть, стали менее добрыми, откровенными, искренними, благородными, а более расчётливыми, завистливыми, злыми, нетерпимыми, жадными. Думаю, и о русских можно сказать то же. Русские писатели (Распутин, Белов, Можаяев, Астафьев, Солженицын, Краснов) пишут о том резко, порой беспощадно, с болью.

Директор школы в очерке “Холмы, холмы...” Евг. Носова рассуждает: “Я вот всё думаю: откуда это? Почему человек так озлобился? Отчего стареется жить со света своего ближнего? Ей-богу, всё это от утраты верного дела, от поголовного холопства, сплошного иждивенчества, выглядывания и ожидания какой-либо подачки. Все ревниво следят друг за другом, что-бы кому-то не перепадало больше — без очереди или не по чину”.

Очерк Носова был опубликован в “ЛГ” в 1989 году. С тех пор, разумеется, прошли везде немалые перемены. Но к лучшему ли — вопрос.

Тот же директор из очерка Носова замечает: “Вот иногда тоже: жить нечем, а надо, жить надо, а вот как сейчас — нечем”.

В Казахстане много говорят и пишут об успехах. А мне пишут, рассказывают о тяжких условиях в аулах. И всё о том же: жить нечем, а надо. И не всегда в том виноват простой люд. Чаще всего — власть, думающая исключительно о своей шкуре.

В рассказе Евг. Замятина “Наводнение” наткнулся на такие выражения:

“... Софья увидела его глаза, они были оскалены, как зубы”.

“... осевшие, как снег, глаза...”.

“... ответила Софья совсем белым голосом”.

Правда, неожиданно? Потому и запоминается.

Ханс Бёрли — известный поэт Норвегии. Родился в 1918 г. С детских лет до самой старости работал лесорубом. Работал как каторжный и в то же время написал шестнадцать (!) поэтических книг.

Не упомяну ни одного чабана, табунщика, хлебороба и т. д. в Казахстане, кто сотворил бы нечто подобное.

Солженицына казахи не любят. Главным образом, за его известный пассаж о Казахстане и казахах в “Как нам обустроить Россию”. Действительно, Александр Исаевич высказался не то что не политкорректно, размашисто, лобово, безапелляционно, но несправедливо. И казахи это ему не прощают. Оскорбились, возмутились. В Кокшетау какая-то организация даже приговорила его к смерти. А уж проклятиям в его адрес и счёта нет. Шовинист, говорят, человеконенавистник, лагерник, против Советской власти выступал, предатель. В ярости договорились до того, что он вообще не писатель, средний журналист, очеркист, очернитель, американский наймит. Я несколько раз заступался за него, отвергал все эти доводы и клеветнические измышления, приводил добрые, сочувственные цитаты о Казахстане и казахах, какой там — слушать не хотят. В ярости готовы его стереть с лица земли. Книги его на свалку выбрасывают.

Я же с первых его публикаций в “Новом мире” читаю его с дрожью в сердце. Для меня, спецпереселенца, в хрупком возрасте испытавшего депортацию, комендатуру, бесправие, социальные ограничения, Александр Исаевич — не только писатель, а борец, Гражданин, выразитель униженной души, мудрец, пророк, человек темпераментный, непокорный, неподдающийся мерзостям жизни. Слово его живое, полное ярости, гнева, достоинства, боли. Я держу на почётном месте несколько его книг, которые часто перечитываю. Разумеется, его казахские “погрешения” не разделяю, но это не главный его грех. Напористую русскость его понимаю. В своё время я написал большую статью “Российские немцы в творчестве Александра Солженицына”. Его штандпункт в этом вопросе верен и гуманистичен. К творчеству Солженицына, к его гражданскому облику никто не равнодушен. Его или любят, или ненавидят. Недовольны им многие. Для многих он неудобен. И я теперь ни с кем не спорю. Только чувствую глухую немоту, когда говорят о нём гадко. Мудрый и многознающий Аскар Сулейменов, приводя по памяти известный пассаж из “Как нам обустроить Россию?”, едко восклицал: “Вот па-а-адлес, как сказанул!”, но неизменно подчёркивал, что он лично “солженицынист”. Мы с ним восхищались и “Матрёниным двором”, и его “Письмом писателям Советского Союза”, и “Раковым корпусом”. Анти-солженицынскому угару в Казахстане Аскар не поддался.

Хочу здесь сказать несколько слов о стилистике и лексике Солженицына, о его пристрастии к исконно русским, старинным словам и выражениям, о его стремлении постоянно, посылно раздвигать горизонты русского речестроя, пристальном внимании к Словарю Даля, сознательной архаизации слога, о возвращении к жизни забытых или полузабытых русских слов, о наполнении своей речи русским духом. И эта его особенность многим не по душе. Все привыкли к усреднённому, казённому, шаблонному русскому воляпоку, на котором пишет подавляющее большинство так называемых русскоязычных писателей — евреи, окраинные русские, корейцы, казахи, российские немцы и прочие “разные шведы”. Вообще-то, замечу вскользь, язык истинно русского писателя и русскоязычных писателей — две разные вещи. И я лично иногда так устаю от постного языка “русскоязычных”, что очищаю душу Толстым, Буниным, Чеховым, Астафьевым, Распутиным, Беловым и другими, у которых русский язык в крови.

Своеобразный эксперимент Солженицына в расширении языковых изобразительных средств мне по душе. Вот несколько примеров из “Матрёнина двора”:

... а по улице *пображивать* пьяные да подпыривать друг друга ножами...
 ...везде было тесно и *лопотно*...
 ... и проредились их *обвершка*...
 ... у кого будет мне покойней и *угожей*...
 ... выдувало из неё печное *грево* не сразу...
 ... тараканов *менело*...
 ... если попадалось что *неурядное*...
 ... вызвать на дом врача из поселкового медпункта было в Талькове *вдиво*...

... немного выдравшись из *копотной* своей житёнки...

А вот примеры из “Ракового корпуса”:

- он всё воспринимал *погашенно*...
- этому *надоедному* буроволосому...
- от непричесанных *дыбливых* чёрных волос...
- ещё *нудьги* наполнял этот исхудалый...
- у Оглоеда хоть была *серизна* в лице...
- выложиться до *изнемоги*...
- выговорил, как мог мягче, *нарастяг*...
- и укрючливо *матюкался*...
- но сегодня ему была *нехоть*...
- Сколько Ефрем этих баб *охобачивал*...
- и ещё *непокорчивая*...
- муж Евдошки, *затруханнный*...
- *невпродёр*...
- Зоя не *лежебочила*...
- небесный свет ... *овеселял* комнату...
- и верил, хоть сколько раз *урекался*...
- стало спёрто, *вонько*...
- она *смяклая* сидела на стуле...
- *похужел* он за эти два месяца...
- *вокорень* было забыто...

Ну, для полноты представления приведу ещё несколько фраз из своеобразного “двучастного” рассказа “Всё равно”:

- стол, *угруженный* бумагами...
- *бакена*, *сүвоть*, *заблаговремя*, *шеверá*, *онезрячел*...
- лицо *распорно* литое...
- покаты́й *всклон*...
- *мырь*, рябящая на мелком месте...
- ровные *вздоги*...
- вышел в *перёд* салона...
- *быстроподвижно*...
- *родвень*, *жиловое место*, *взабрось*...
- *езьерихориться*, *ездун*...

Я мог бы не одну страницу исписать подобными словами и выражениями из произведений Солженицына. Я заметил: моих казахских коллег эти слова раздражают — они непривычны и непонятны. Действительно, переводить подобные слова на казахский язык адекватно

почти невозможно. Слишком они ёмки, своеобразны, непокорны, строптивы, сочны. Да и русские, с которыми мы общаемся в Казахстане, например, к таким словам не прибегают. Какие-то верченые, вихрастые, выкрутасные словечки. Для меня же они в жилу, в струю русского рече- строения, алмазы, жемчужины в потоке языка.

Старый российский немец, многое повидавший на своём веку, писатель и патриот Поволжья Рейнгард Кёльн (ныне покойный) прислал мне как-то любопытную книжицу под названием “Записки конармейца” (М., Воениздат, 1961, переиздание с предисловием генерала армии А. Хрулёва). Автор — Николай Ракитин, командовавший в Гражданскую войну полком немцев-поволжцев и живший в Вольске, Красном Яре, Саратове. Пишет честно, прямо и уважительно о немцах Поволжья.

Приведу три цитаты из этой книжки:

“Как жили немцы Поволжья в первые годы гражданской войны, так в старой царской России не жили и в мирное время” (стр. 51).

“Красноармейский состав полка — немцы-колонисты, на девяносто процентов плохо владевшие русским языком”.

“Немцами Поволжья было приятно и легко командовать. С этими дисциплинированными людьми было легко строить воинскую часть. В девятнадцатом году только немцев Поволжья можно было посадить в казарму, наспех оборудованную в школе при помощи трёхъярусных нар. При отсутствии обмундирования, сёдел и прочего только от них можно было добиться дисциплины, умения ездить на лошади и управлять ею” (стр. 52).

Знаменательное признание русского командира!

Возможно, я не прав, но считаю, что имею какое-то отношение к культуре. В семье нашей это слово звучало часто и, как теперь понимаю, родители мои вкладывали в это понятие разный смысл. О культуре и я говорю и пишу наверняка лет пятьдесят. И всегда — признаюсь — в жалобном тоне. Мне всегда кажется, что культура у нас в загоне, деградирует, ей мало уделяется внимания, она на задворках, прозябает по остаточному принципу, и те, что неизменно ратуют за неё, воспринимаются властью и обществом просто-напросто надоедлыми дон-кихотами.

Чёрт его знает... может, пора прекратить жаловаться, может, в том нет никакого смысла?

Корреспондент газеты “Известия” (01.03.07) спрашивает у знаменитого актёра Алексея Баталова: “Я всё жду, когда вы начнёте жаловаться на общее состояние культуры в стране...”, и прославленный актёр отвечает:

“А чего жаловаться? Со временем всё встанет на своё место. Сейчас опять в моде авангард, постмодерн, поновее, пострашнее. Но культура складывается из куда более глубоких и фундаментальных вещей, и продолжится она именно ими. А не тем, что сейчас находится на самом виду”.

Наверное, Алексей Баталов прав. Наверное, и мне надо кончать с брюзжанием. Со временем всё образуется. Пена схлынет. Всё наносное забудется. Конечно, в обществе всегда будет большой слой, довольствующийся суррогатом. Но все постоянно и везде довольствоваться, пардон, дерьмом, скорей всего, не будут.

Выходит, говорить об упадке культуры в широком понимании можно и нужно, но жаловаться и брюзжать — очевидно, смысла мало.

У многих российских немцев (в т. ч. и у меня) до начала 1992 года ещё теплилась ничтожно малая надежда, что в СССР может, наконец-то, решиться немецкий вопрос. Мы, группа активистов по восстановлению Автономии немцев на Волге (в пределах границ Автономной Республики немцев Поволжья 1941 года. Только так ведь можно было восстановить историческую справедливость), на встрече в Кремле с Президентом Михаилом Горбачёвым и его верноподданными вполне реально смекнули, что все наши усилия, многолетние хождения по мукам, скорее всего, обречены на провал. Нас насторожило скользкое “поэтапное восстановление” в устах Михаила Сергеевича. По его словам, получилось, что “этапов” предстоит много и рассчитаны они на десятилетия. А по настрою немецких съездов и конференций в Москве, Алматы, Новосибирске, на Украине было ясно, что немецкое население далее ждать манны небесной не намерено. Эмиграционный зуд охватил их повсеместно. “Историческая родина” манила.

Последней зацепкой в решении немецкого вопроса остался Борис Ельцин. Казалось, этот решительный русский мужик одним волевым жестом выправит затянувшийся вопрос.

И вот наступил тот исторический момент. 8 января 1992 года в Саратовской области хорошо разогретый и настроенный местными вождами как надо, гримасничая (на фотографиях всё это запечатлено), Ельцин, схватив подвернувшийся мегафон, заявил бук-валь-но следующее:

“Я вам ответственно заявляю: там, где нет компактного проживания немецкого населения, т.е., чтобы их было подавляющее большинство, никакой автономии ннее бу-у-у-де-ет. Я вам, как президент, это гарантирую. Другое дело, скажем, в Волгоградской области — есть там военный полигон в 300 тыс. гектаров, пустой, и маршал Шапошников его отдаёт. Вот там, мо-о-ожет быть, в ка-а-аком-то будущем, ка-а-акая-то область или район национальный... с помощью Германии...”.

Неуклюжие слова эти потонули в восторженных возгласах сопровождавшей челяди “русского царя”.

Немцы онемели.

На их 200-летней истории в России был поставлен крест.

Никаких надежд больше не осталось.

Круг замкнулся. Разом обрушилось всё. Россия отреклась от своих детей.

И начался тотальный исход российских немцев.

Кто выиграл, кто проиграл — о том речи нет.

Остался лишь факт истории.

Когда национал-патриоты начинают возбуждённо педалировать свою национальную исключительность, меня всегда охватывает уныние. Ведь ни один народ не развивался обособленно, без благотворного влияния “иностранцев”. Ведь каждый испытал доброе влияние других. Отмахиваться от этого неблагородно, неблагодарно. О том сказал Н. Чернышевский

в предисловии к русскому переводу “Всеобщей истории” Г. Вебера: “Любовь к своей нации обязывает людей быть признательными к тем народам, влияние которых было полезно для неё”. Верно!

На 73-м году жизни я, наконец, кое-что прояснил в моём родословном древе. В заметке “В поиске своих предков” я о том писал, да и в рассказах, повестях своих не однажды затрагивал эту тему. Доподлинно мне было известно, что мой отец — Карл Бельгер, дедушка — Фридрих Бельгер. Сохранился у меня его послужной документ, когда он был стражником-рядовым царской армии. Там указано: родился 6 июля 1861 года. В 1890-м году был уволен из армии. Тогда он был ещё холостым. Со слов отца знаю, что умер дедушка Фриц в 1921 году с голоду, оставив семерых детей. Я, родившийся в 1934 г., всех их застал. Мой прадед — Иоганн Хайнрих — был крестьянин-земледелец, родился и умер в Мангейме на Волге. Отец мой рассказывал, что Бельгеры некогда жили в колонии Кинд, оттуда один из сыновей Хейнриха — Христьян — в поисках земли перебрался в Мангейм, где я в детстве, до войны, нередко бывал. Очевидно, мой предок прибыл в Россию сразу после известных Манифестов Екатерины Великой. Однако документальных свидетельств у меня не было.

Было предположение, что Бельгеры вообще происходят из Бельгии: Бельги-ер (бельгиец). Поэт и филолог Борис Львович Брайнин (Зепп Эстеррайхер) выдвинул версию, что мои предки — выходцы из старинного городка Бельг (Бельг-ер).

Предположений, словом, несколько. И дальше прадеда Хайнриха простиралась неизвестность.

Мой племянник Артур Бельгер, живущий в Германии, блуждая в Интернете и сделав запрос в организацию по установлению родовых корней, выяснил следующее:

Российские Бельгеры берут своё начало от Андреаса Бельгера (1727), который в 1767 году отважился с женой Марией выехать в Россию. Он, земледелец (Ackerbauer), был выходцем из поселения Koethen земли Заксен-Анхальт. Ему было 40, а жене 36 лет, когда они подались в поисках удачи в Русланд. С четырьмя детьми — Юстина — 16 лет, Луиза — 14 лет, Христиан — 11 лет, Кристина — 2 года — они обосновались в колонии Орловское. Сын Андреаса, Христьян Бельгер, в 1788 г. перебрался в колонию Кинд. А уж его сын, Хайнрих, оказался позже в числе основателей колонии Мангейм.

И вот такая выстраивается цепочка:

Andreas Belger (1727) + Maria (1731)
(четверо детей)

Christian Belger (1756) + Anna Maria Reitz (1750)
(трое детей)

Heinrich Belger (1789) + Catharine Kunigunde (1792)
(пятеро детей)

Johann Heinrich Belger (1822)

Friedrich Belger (1861—1921)

Karl Belger (1909—2002)

Gerold Belger (1934)

На мне мужская линия рода обрывается, ибо у меня одна дочь — Ирина Бельгер (Ковалёва, 1959), её сын — Всеволод Ковалёв (1988), его дочь Юлиана (2006).

В Германии, в Заксен-Анхальте, Бельгеров, якобы, немало. Германская их ветвь углубляется до 1610 года. Одного Бельгера — писателя, публициста, я встретил в ПСС Ленина. На него сделана ссылка.

Судя по всему, Бельгеры были в основном из крестьян. Может, мой племянник Артур Бельгер (1984) докопается ещё до кое-каких сведений?

Юнна Мориц:

*Стая — сильна,
Недобитым — хана,
Их добивает она.
Каждая нация есть интонация.
Жизнь — бесконечна одна.*

Поневолле настораживаешься, когда политики начинают рассуждать о литературе. Чаще всего испытываешь неловкость. В годы правления Ельцина проводился грандиозный пушкинский юбилей. Выступил с “пушкинской” речью и Борис Николаевич. Вот что он буквально изрёк по телевидению: “Решил на свежую голову... часа в два ночи... почитать Пушкина. Вы знаете... оказалось... не так просто. Нам давалось... скажем... в первом классе... вроде всё просто было. А здесь — не-ет. Сколько вложено ума... сколько вложено творчества. Сколько вложено каких-то особых для людей намерений...”.

Всё это говорилось с нажимом, паузами, гримасами, многозначительной интонацией. Бог ты мой! Что и говорить, “эта штука сильнее, чем “Фауст” Гёте!”. Лучше бы промолчал!

Конфуций ещё 2550 лет назад писал:

“Благородный муж думает о справедливости, ничтожный человек — о выгоде”.

Интересно, сколько у нас, в Казахстане, чиновников? Один болгарский экономист (М. Михайлов) подсчитал: “На 1000 человек населения в Болгарии приходится 200 чиновников, в США — 82, в Японии — 17...”.

Четвёртый день в больнице. И уже всё обрыдло. Никчёмные мысли крутятся в голове. Конечно, мне сейчас худо. Но ведь кому-то ещё хуже, а третьему и вовсе тошно. Хорошо-плохо — всё сравнительно, всё условно. Скажем, мне нехорошо, а Баккоже — плохо, а кому-то — хоть криком кричи. И так далее.

Хороша формула Конфуция: “Знать, что ты знаешь, и знать того, что ты ещё не знаешь — вот это и значит — знать”.

А ведь наши руководящие господа не ведают ни того, ни другого. Руководят так себе, вслепую, по наитию, абы как.

Вот ещё один постулат Конфуция:

“Достойный муж в еде не ищет сытости, в жилище не ищет удобства. Он усерден в делах и сдержан в речах”.

Правило на века.

Ещё сентенция:

“Если естество в человеке одолеет культуру — получится дикарь. Если культура одолеет естество — получится книжник. Лишь тот, в ком естество и культура уравновешены, может быть достойным мужем”.

Мысль понятна. Но что имел в виду Конфуций под понятием культура? Как он её определял?

Конфуций учил:

“Когда справедливости нет, уйдите от мира. Когда в стране справедливость, стыдно быть бедным и ничтожным. Когда справедливости нет, стыдно быть богатым и знатным”.

Как эту сентенцию экстраполировать на Казахстан? Есть о чём подумать.

Конфуций внушает:

“Не говорить с человеком, с которым стоит поговорить, — значит потерять человека. А говорить с человеком, с которым говорить не стоит, — значит потерять слово. Мудрец не теряет людей и не теряет слов”.

Верно, конечно. Но то, что я не мудрец — совершенно очевидно: всю жизнь говорил не с тем, с кем надо, а слов терял бессмысленно на каждом шагу.

А вот Конфуций, разумеется, мудрец, и это признано многими веками. И всё же некоторые его сентенции слишком общи и банальны. А Гегель даже выразился в том духе, что было бы лучше, если бы высказывания Конфуция никогда не были переведены.

Гегель, понятно, тоже мудрец, но тут, полагаю, явно перемудрил.

Озабочены положением родного языка не только казахи. Проблема мировая. Татьяна Набатникова в “ЛГ” (№ 14/07) пишет:

“Литературный редактор “Зюддойче Цайтунг” жаловался на экстремальность современного немецкого языка, подвергшегося турецким, английским и прочим внедрениям, и говорит, что наиболее чистый литературный язык сохранился на территории бывшей ГДР (читай: за Стеной).

У меня спрашивают: что знаменательного я увидел в казахской литературе последних лет? Как бы покороче ответить?

Начну с признания: в казане казахской литературы я варюсь вот уже 44 года. Стойкое ощущение такое: наиболее бурное кипение в том казане — позади. Мощный пар валил из него, пожалуй, в 60-80-е годы прошлого века. Ныне, особенно в годы независимости, мне мерещится явный спад. Внешне всё в порядке: газет, журналов, издательств много, и книг выходит, если не горы, то холмы наверняка, повседневно, можно сказать, случаются шумные презентации, чаще всего с тоями-банкетами, пышными речами-словесами, однако казан уж не кипит-бурлит, а лишь побулькивает, и над ним жидкой струйкой вьётся едва заметный парок.

Прежние связи-контакты как-то враз улетучились, что происходит в соседних аулах плохо представляем, каждый скачет в одиночку на стригунке, куда глаза глядят, при этом внушает себе, что именно он самый-самый и многие при этом искренне недоумевают: апырай, почему нет в нашем роду-племени ни одного нобелианта? Ведь столько гениев вокруг, столько бескрылых орлов, титанов, непревзойдённых скакунов, ярких звёзд — уму непостижимо.

И всё же казахи говорят: негоже обтирать рот сухой травой, т.е. не стоит уж слишком приbedняться.

Буду конкретнее.

В литературе Казахстана бросаются в глаза две струи: казахскоязычная и русскоязычная. Так уж получилось. И особой гармонии-лада между ними я, к сожалению, не вижу. “Чисто” казахские литераторы справедливо ратуют за всё кровно национальное, духовное, традиционное, кондовое, вскормленное поэтическим казахским речестроем и ментальностью предков, всё же, на мой взгляд, они явно замыкаются в традиционных рамках, слишком застряли в прошлом, не чувствуется новаторства, рывка, прорыва. Одолевают робость перед современностью, боязнь, отсюда увлечённость событиями давно минувших дней, описанием баев, биев, беков, батыров, которых оказалось в каждом ауле пруд пруди. И ещё в этих многоверстовых романах взахлёб описываются той-застолья, скачки-байга, алтыбакан-качели, состязания обжор, барымта, междоусобицы и прочие забавы номадов. Покойный остролов Калтай Мухамеджанов, бывало, говаривал: из каждого казахского романа можно выжать три-четыре ведра воды.

Разумеется, есть прозаики, которые выламываются из этого ряда, и тут следует назвать старейшину казахской прозы Абдижамилу Нурпеисова, чей роман “Последний долг” снискал известность в переводах на разные языки; Мухтара Магауина, всё творчество которого (вышло недавно 13-томное собрание сочинений) пронизано казахским духом, колоритом, болью; Дулата Исабекова, увлечённого современной казахской аурой, поиском новых тем и форм в прозе и драматургии; Тынымбая Нурмагамбетова, глубокого знатока аульного быта, последователя майлинской традиции, умело вплетающего в свою прозу юмор, сатиру, сарказм, политические, актуальные мотивы.

В этом ряду следовало бы упомянуть маститого Абиша Кекильбаева, Тулена Абдикова, но, к сожалению, они с головой ушли в политику и госслужбу и смотрят на литературу как на старую жену-байбише, которая должна терпеливо ждать, пока они натешатся привередливой токал-политикой. Из числа сравнительно молодых считаю нужным назвать здесь философа, эссеиста, романиста Дидара Амантая и прозаика, эссеиста, публициста Айгуль Кемельбаеву, критика Амангельды Кеншилика.

Чудится, однако, мне: более мобильными, ищущими, современными, интеллектуальными, владеющими разнообразием, колоритом, технологией современного письма, свежим видением, нестандартным выражением являются русскоязычные казахские прозаики. И тут я подробнее остановлюсь на Дюсенбеке Накипове, Аслане Жаксылыкове, Еркеме Турсынове.

В романе Д. Накипова “Круг пепла” причудливо смыкаются реализм и модернизм, круги условного и безусловного, минутного и вечного, совмещаясь в точке совершенства. Все его герои, реальные и выдуманные, мифически-древние и современные, инстинктивно — душой и телом, любовью-страстью стремятся жадно, неизбежно, обречённо из первозданного Хаоса к Гармонии. Роман-симфония, мучительный порыв и прорыв к совершенству, к таинству мироздания, к идеалу плоти и духа. Это очень современный роман по художественному исполнению.

Трилогия Аслана Жаксылыкова называется “Сны океанных”. Это сага о трагедии казахов, обитавших на древней земле предков, ставшей полигоном ядерных испытаний. Автор прибег к фантастической, мифической, фантазмагорической манере повествования, к масштабной прорисовке своих героев, погружённых в метафизическое мышление, то и дело превращающихся в разных степных зверюшек в результате зловещих экспериментов.

Своеобразным получился ориенталистский, орнаментальный роман Еркеме Турсынова “Мамлюк”. Он замешан на истории и судьбе тюрок-мамлюков, рабов-воинов, на жизни и деяниях мамлюка Бейбарса, правившего Арабским Халифатом 17 лет, два месяца и двенадцать дней. Автор объездил арабские страны, досконально изучил историю и ментальность Востока, проникся ролью мамлюков в причудливой истории XIII века, воссоздал красочные картины той эпохи во всём её романтическом и трагическом блеске. Энергичное, короткое, кинематографическое повествование перемежается отрывками из книг пророков, из хадисов Мухаммеда, из священных Библии и Корана. Роман ещё не вышел отдельной книгой, я читал русский оригинал и казахский перевод, написал к нему предисловие и знаю, что сейчас он переводится на арабский и английский языки.

Поэзия — в казахской литературе традиционно наиболее развитый жанр. Прекрасными поэтами казахская литература и ныне не оскудела. Вся беда в том, что они не переводятся на другие языки и существуют в локальной среде. Назову несколько ярких имён: Иран-Гаип, Темирхан Медетбек, Болат Шарахымбай, Есенбай Дуйсенбайұлы. В их стихах бьётся пульс нашего сложного времени. Стихи их упруги, мускулисты, актуальны, по-хорошему строптивы, гражданственны.

Критика, пожалуй, самое слабое звено в казахстанской литературе. Верны избранной стезе Сайлаубек Жумабек, Шериаздан Елеукенов, Владислав Владимиров, Виктор Бадиков.

Особняком стоят признанные интеллектуалы, культурологи, философы, общественные деятели Мурат Ауэзов и Ауезхан Кодар.

Из представителей национальных литератур назову корейца Лаврентия Сона (недавно вышел его двухтомник), русскую Ольгу Шиленко, немку Елену Зейферт. Их читают, их знают, о них спорят. Они активно участвуют в литературном процессе.

Как видите, вместительный казахский казан не опустел и огонь под таганом не потух. Казахскоязычная и русскоязычная литературы в Казахстане — две струны одной домбры. И хотелось бы, чтобы две ветви одного дерева, две струны одного источника теснее сплелись, слились в постижении вожделенной гармонии.

Когда я в какой-то мере овладел латиницей и кириллицей и начал уже подумывать о школе в Гнаденфлюре на Волге, разразилась Вторая мировая война, и нас депортировали в Сибирь и Казахстан. С родителями я очутился в глухом ауле на берегу Есиля-Ишима. Трудно было всем. Спецпереселенцам особенно. А аульным сорванцам и читать было нечего. С Волги отец прихватил несколько медицинских книг, справочников, брошюр и среди них — изрядно потрёпанную, измятую, зачитанную до дыр книжку “Синопа — маленький индеец”. Помню автора — Джеймс Шульц. Экзотический Синопа стал моим надёжным другом в заснеженном холодном и голодном ауле. С ним я не расставался лет до двенадцати. Потом у аульного кузнеца Жайлаубая выклянчил книгу “Удар и защита” — о видах оружия с древних времён до современного танка. Вид у книжки был ужасный: она служила байбишежене Жайлаубая крышкой для кадки из-под айрана и подставкой под закоптелым заварником. Из аула Коктерек отец однажды привёз пухлый том казахских стихов. Начальные страницы были вырваны. Позже смекнул, что то был Джамбул, набранный латиницей.

Других книг не было. Случалось, украдкой пробирался в медпункт, которым заведовал отец, и читал “Женские болезни” с рисунками. Зря, конечно. Слишком рано отравился извечным женским вопросом.

Какие-то книжки появились в ауле в 1947-1950-х годах. Многих зарубежных классиков детской литературы я узнал по казахским переводам.

А вот когда подрастала моя дочь, детская литература достигла расцвета. Каких только не было дивных авторов, книжек, серий! И все доступные, дешёвые издания. А. Барто, С. Маршак, К. Чуковский, С. Михалков, В. Бианки, М. Прилежаева, Н. Носов... боже, я теперь всех и не упомяну. Читали мы с дочкой упоённо, каждый день, с восторгом, с потрясением. Я читал, а Ирина повторяла наизусть каждое слово. Неполных шести лет и она выучилась читать. И мы были счастливы. Чтение радовало, просвещало, воспитывало, вдохновляло, развивало, облагораживало душу, сердце, ум, личность.

Потом пристрастился к чтению мой ташкентский племянник Артур. И он вырос на русских классиках детской литературы. А вот детские переводные произведения казахских и узбекских писателей оставляли его равнодушным. Ещё до школы его интересовали рассказы Толстого, Чехова, Горького и “Библия для детей”. Теперь Артур живёт в Германии, стал серьёзным юношей, часами просиживает перед компьютером, шарит в Интернете.

В который раз я пошёл по этому классическому кругу детской литературы с моим московским внуком Севушкой. О, сколько у него было нарядных книжек! Какой это был праздник читать сказки Пушкина, Чуковского, стихи Лермонтова. У моего внука зажигались глаза. Вскоре Севушка пошёл в школу, и желание читать как-то сразу отпало. Он с головой ушёл в компьютерные игры. И мне было невдомёк, что он находил в дурацких страшилках и в акробатических драках компьютерных уродцев.

Теперь уже и у моего внука дочь. Будет ли она со временем читать? Кого и что? Сие мне неведомо.

Мои компаньоны по прогулкам возле памятника Чокану всё жалуются: внуки и правнуки перестали читать, книги в руки не берут, у них иные интересы, иные забавы, иные понятия. За последние 10-15 лет я не видел на скамейках “нашей” аллеи ни одного мальчишку, ни одной девчонки с книжкой в руках. В лучшем случае разглядывают картинки на мобильных и дурашливо при этом похотывают. Вырастает бескнижное поколение!

Что происходит в современной детской литературе? Что издадут? Кто пишет? Как? Для кого? О чём?

Удручающая картина! Былых корифеев нет. И прежние серии исчезли. Авторы 30-40-летней давности нынешнюю детвору не трогают. Издатели растерялись. Книжки неимоверны дороги. Коммерциализация литературы детей отпугнула. И помимо чтения соблазнов много.

Кого читать? Зачем? Ради чего? Дети видят: и родители вполне обходятся без книги. Дедушки шуршат газетами или читают глянцевого книжки о Сталине. Искривились пути-дорожки. Что делать Мухе-Цокотухе на базаре? Деяния Айболита не вписываются в рыночные отношения. Шестилетний умник мне заявил, что, дескать, старик-рыбак из сказки Пушкина, конечно же, дурак, а старуха — и вовсе дура. И кроха-сын уже не обращается к отцу с вопросом: “Что такое хорошо? И что такое плохо?”. Ответы он раздобыл в компьютере. Новые и чаще всего сомнительные приоритеты вытеснили из современного сознания детскую литературу. А без неё, без чтения мне трудно представить детский мир и вообще наше будущее. Отлучённые от книги дети ущербны. Мы совсем упустили эту сторону гражданского воспитания. И последствия будут уродливыми.

Некая учёная дама, профессор славистики, американка польского происхождения Эва Маевски Томпсон издала книгу под названием “Империя знания: русская литература и колониализм”. Суть этой книги, как я понял из статьи Игоря Волгина (ЛГ, № 22-23/2007), заключается в разоблачении “Войны и мира”, в развенчивании его имперских, завоевательских, колониалистических тенденций, якобы проявившихся в его эпопее как выражение агрессивности русского духа и её империалистических основ. Эта дама ставит под сомнение и патриотизм Толстого, и его представление о жизни, его желание идеализировать Россию, и тем самым тужится дискредитировать все художественные достоинства великого русского произведения.

Вот ещё нашлась Моська, твякающая на Слона.

И для чего это нужно было этой даме?

Игорь Волгин точно раскрыл всю подоплёку этих потуг. Если российская словесность при всех своих выдающихся достижениях обслуживала интересы такой страны, интересы государства, чья политика преследовала исключительно захватнические цели, если даже лучшие русские писатели обзревала происходящее “со своего колониального шестка”, то в конечном счёте грош цена такой литературе”.

А вот сверхзадача подобных “исследований”:

“Разоблачив русскую литературу (в отношении которой Запад всегда испытывал известное почтение), можно уже не церемониться со страной, её породившей”.

“Так сугубо литературоведческий анализ, применённый к классическому тексту, на самом деле имеет в виду ближайшие и отдалённые политические цели”.

Вот где собака зарыта! Я вначале подумал: зачем надо было маститому Игорю Волгину “связываться” с измышлениями какой-то заокеанской дамы, набросившейся на Великого Льва, потом понял: правильно сделал. Таких дам надо раздеть догола, дабы видны были все её уродливые прелести и пакостные намерения.

Из этой же газеты я узнал, что готовится новое ПСС Л. Толстого в ста томах. Здорово!

Экзаменационная лихорадка выпускников школ меня давно волнует. По базовому образованию я педагог, когда-то преподавал в школе. Аспирантуру закончил по кафедре методики. Жена работает в школе полвека. Это я к тому, что в данном вопросе я кое-что понимаю.

Так вот, на мой взгляд, ЕНТ — сущее недоразумение, нонсенс, сплошная показуха, игра в честность и демократию, нервотрёпка. Хотели как лучше, а пришли к банальной лотерее, к обману, к очковтирательству. Знания вообще не в счёт. Всё решают слепая удача, ловкость, случай, изворотливость и родительские финансы. Шахер-махер. Ахалай-махалай. Уфит-суфит.

Уверяли: ЕНТ — потенция от всех бед. ЕНТ — государственный секрет. Никакого жульничества. Всё честно.

Ложь! Заурядный, грязный торг!

Уже за сутки до экзаменов государственным секретом торгуют открыто на базарах. Уже работает штаб по распространению правильных ответов. Действует мобильная связь. Определена твёрдая такса. Отстёгивай 1,5 тыс. “баксов” — гарантированы 90 баллов. Дай 3,5 тыс. — обеспечено 120 баллов. Отличник учёбы, аккуратист, прилежный ученик и общественник по ЕНТ едва получает 59 баллов; бездельник, гуляка, неуч запросто отхватывает 100 и более баллов. ЕНТ в Алматы оскандалился по всем параметрам. СМИ корчатся от вселенской лжи. Мошенник на мошеннике. И мошенником погоняет. Возмущению родителей и учащих нет предела.

Растерянный министр образования что-то неуверительно бормочет по телевизору о каких-то злодеях-хакерах, об единичном случае, о принятых мерах, о невозможности утечки информации из его учреждения.

Сомнительно!

Что-то не так.

Может, есть смысл отказаться от несуразных экспериментов и вернуться к добрым, испытанным традициям старой советской школы? Может, следует повернуться лицом к знаниям, а не к авантюрам, в основе которой лежат невежество и лихоимство?

Пора признать: эксперимент с ЕНТ неудачен. Это стало развращающим фактом дикой рыночной стихии.

Среди старых бумаг наткнулся случайно на пожелтевший клочок, исписанный мною аккуратным мелким почерком с несколькими карандашными пометами. Вспомнил: наверняка лет двадцать назад писатель Абдижамил Нурпеисов, готовясь к какому-то выступлению, описал один военный эпизод, я его тогда перевёл на русский язык, автор внёс незначительные исправления, но выступление, видно, не состоялось и эпизод этот, кажется, так-таки никогда и не прозвучал. Между тем он важен для биографии писателя, и я решил его озвучить в первоизданном виде.

Вот этот текст:

“Это у меня с детства: не могу, ну просто физически не в состоянии глядеть на то, как режут скот. Пусть сколько угодно говорят, что у них, у животных, нет такого высокого организованного сознания и чувства, как у нас, у людей, и пусть не умеют они так переживать, как мы, но ведь тоже, да-да, тоже наделены от природы благородным и неистребимым инстинктом самосохранения и самозащиты, не лишены, должно быть, сострадания, так же стремятся жить и бороться за свою жизнь, и так же озабочены о своём потомстве — не хуже, пожалуй, чем люди.

Понимаю: рассуждения мои наивны и, может, даже сентиментальны, но как бы там ни было, абсолютно убеждён, что нормальному человеку должно быть очень и очень не просто поднять руку на любое живое существо, если оно само не представляет угрозу или опасность.

Провожу параллель с одним случаем, который довелось пережить лично.

Осенью 1944 года, как только наша пехота, бросившаяся в атаку, с ходу форсировала небольшую речку Виэпке, разделявшую Латвию от Эстонии, мы, артиллеристы, также немедля выбрались на тот берег. Группа из четырёх-пяти человек под начальством майора Синявского, замкомполка по политчасти, заняла окопы, из которых только что вышибли гитлеровцев. Заметив в траншее раненого и насмерть перепуганного немца, майор Синявский на мгновение застыл. Раненый судорожно вытащил из кармана фотографию и, с трудом ворочая онемевшим языком, пролепетал что-то, умоляя, видно, пощадить его ради своей фрау и деток.

“Прикончи!” — глухо бросил мне майор и побежал по окопу дальше. Я замешкался, будто оцепенел. Синявский обернулся: “Кому сказано?!”. Так и не решившись исполнить его приказ, я буркнул шедшему вслед сержанту Качурину: “Выполняй!” и, отвернувшись, побежал. За спиной раздался короткий треск автомата. Я не осмелился спросить Качурину, прикончил ли он раненого немца или выстрелил в воздух. И не знаю этого по сей день, хотя и прошло уже сорок лет. Сколько невинных людей загублено за это время в разных уголках земного шара, пресыщенного произволом, насилием и жестокостью! И, зная, сознавая всё это, я, однако, и поныне не в состоянии забыть тот случай, произошедший в окопе за речкой Виэпке. Стоит перед глазами тот раненый немец, вымаливающий пощаду. И сейчас ещё мне хочется думать, что сержант Качурин всё-таки выстрелил тогда в воздух. И ещё думаю: что испытывал в тот момент майор Синявский? Жалость? Или хотя бы сомнение? Вспомнились ли ему при взгляде на фотографию собственные дети и жена там, в далёком тылу? Сжалось ли хотя бы на миг от сострадания его сердце? Ох, не знаю... не знаю... Вряд ли в той войне не было больше таких замполитов, как Синявский. И потому никак не могу я понять тех критиков, которые каждый раз безапелляционно твердят о “клевете”, об “искажении истины”, едва речь касается сомнительных человеческих качеств иных горе-руководителей, подвизающихся на политическом, идеологическом фронте, будто пост политического руководителя любого ранга — уже гарант его непогрешимости. Люди есть люди”.

Окончание в следующем номере.

Дополнительный урок

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

Юсуф Баласагуни и его город

*Познатьям учись, и познаешь почёт,
Познатья — твердыня и силы оплот.
Без знаний бесплодны и разум, и речь,
А знанья — что влага живительных вод.
Кичащийся знаньем от знаний далёк,
Признайся в незнатьи — достигнешь высот.*

Юсуф Баласагуни

“Влага живительных вод” легендарной реки Чу и её притоков Аксу, Карабалта, Шаргау и Токташ испокон веков несла не только благодатную прохладу окружающему оазису, но и великую тайну об исчезнувшем городе в песках Чуйской долины.

В трудах раннесредневековых тюркских, арабских, китайских и европейских авторов город Баласагун широко освещался как крупный политический, экономический и культурный центр тюркского мира. Он был главной столицей Тургешского, Карлукского, Караханидского, Кара-кытайского (Каракиданского) государств в V–XIII вв. Однако город Баласагун был разрушен в результате бесконечных междоусобных феодальных войн, имевших место в раннем средневековье в Западном Тюркском каганате, особенно при Караханидах и Каракитаях. А в первой четверти XIV в. название его уже кануло в Лету. Город оставался разрушенным. По приходу монголов в 1218 году он сдался без сопротивления. Таким образом, город никем не восстанавливался и постепенно превратился в археологический объект. В результате местонахождение и прежнее название его было забыто.

Город Баласагун был одним из самых больших городов, крупным торгово-ремесленным центром государства Караханидов. Это государство представляло собой в этнографическом плане объединение ряда тюркских племён, возвысившихся в X–XII веках, и просуществовало в течение нескольких столетий. Специфическое соединение кочевого и оседлого хозяйства стало социально-экономической основой данного каганата. В этой среде рос и воспитывался автор великой поэмы “Кутадгу билиг” Юсуф Баласагуни. Он был выходцем из определённой культурной среды и политического региона, охватывающего Отрар (Фараб), Шаш (Ташкент), Тараз, Чуйскую долину, Прииссыккулье, Фергану, Кашгари. В культурноязыковом отношении Юсуф Баласагуни является общим предком тюркоязычных народов, а в географическом — близок и к казахам, и к киргизам.

Образование Юсуф Баласагуни получил в признанных культурных центрах того времени — Фарабе, Кашгаре, Бухаре. В совершенстве владея арабским и персидским языками, он проработал философские и научные сочинения по различным отраслям знания. Светские люди того времени отличались многосторонностью интересов, увлекаясь наряду с философией и наукой, поэзией и политикой, игрой в шахматы. Широкообразованный, умудрённый жизненным опытом, он прибыл в Кашгар и здесь

в течение восемнадцати месяцев напряжённой работы написал большое поэтическое произведение. По сведениям турецкого философа Р. Р. Арата, автору к моменту завершения поэмы было около 54 лет. Исходя из этого, Юсуф Баласагуни родился в 1015-1016 годах н. э. По мнению другого исследователя тюркоязычной поэзии А. Дильачара, дата его рождения определяется 1018 годом. Своё знаменитое произведение он посвятил Табгач-Богра-Кара-Хакан-Али Хасану из династии Караханидов, за что поэту было пожаловано звание хасс-хаджиб — «министр двора».

Поэма «Кутадгу билиг» — «Благодатное знание» — стала известной западному миру через австрийского востоковеда фон Хаммер-Пургшталя, которому данная рукопись попала в 1796 году в Стамбуле и была подарена им Венской библиотеке. Первое издание на немецком языке было осуществлено известным востоковедом Г. Вамбери. В научный оборот текст поэмы был введён в полном объёме В. В. Радловым в 1891-1900 годах, представившем наряду с оригиналом перевод его на немецкий язык. На русский язык отрывки из поэмы впервые перевёл С. Е. Малов. Вольный перевод под названием «Наука быть счастливым» был осуществлён Н. Гребневым в 1971 году. Р. Р. Арат провёл большую работу по критическому осмыслению текстов всех трёх рукописей (Венской, Каирской, Наманганской) и представил в 1947 году научно достоверный свод поэмы. Под названием «Благодатное знание» полный текст «Кутадгу билиг» перевёл на русский язык С. Н. Иванов (М., 1983). В 1986 году известный казахский поэт и учёный Аскар Егеубаев представил сочинения Юсуфа Баласагуни на казахском языке.

Одна из первых попыток рассмотреть творчество Баласагуни в контексте обширного культурного региона, связанного первоначально с образованием халифата, принадлежит немецкому учёному Отто Альбертсу. Он выдвинул концепцию о наличии преемственной связи между учением Ибн-Сины, в частности, его этикой и аналогичными взглядами Юсуфа Баласагуни. Более того, О. Альбертс предпринял попытку сопоставить этические взгляды Аристотеля и Юсуфа Баласагуни.

Исследование творчества Баласагуни, эпохи создания его произведения было успешно продолжено выдающимися русскими востоковедами В. В. Бартольдом и С. Е. Маловым, известными советскими историками и литературоведами Е. Э. Бертельсом, А. Н. Самойловичем, А. Н. Коновым и другими.

Современная наука таким образом располагает определённым объёмом исследований по творчеству Баласагуни. Однако следует отметить, что научный интерес к произведению мыслителя проявлялся преимущественно в историко-филологическом плане, хотя подчёркивалось, что «значение этого памятника в лингвистическом, литературоведческом, историческом и культурно-историческом отношениях весьма велико, а потому крайне необходимо обеспечить расширение масштабов и углубления его исследования»¹.

«Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни, — утверждает профессор Агын Хайруллоевич Касымжанов, — является первым энциклопедическим произведением не на официальном литературном языке, каким являлся арабский язык в то время, а на родном языке тюрков. Факт сам по себе очень значительный, что свидетельствует о патриотизме и любви к родному языку. Вместе с этим, им руководили политические мотивы, стремление научить среднеазиатскую династию Караханидов, ещё не оторвавшуюся от кочевой среды, управлять страной с высокоразвитыми оседлыми районами,

областями (Маверанахр, Восточный Туркестан). А чтобы его назидания были поняты и кочевниками-караханидами, необходимо было написать по-тюркски. Но «Кутадгу билиг» не только политический трактат, он является суммой знаний по различным областям науки и культуры своей эпохи, в нём собран и обобщён материал с философским осмыслением жизненных позиций самого автора, в частности, рассмотрены мировоззренческие проблемы смысла жизни, предназначения человека, его места и роли в общественном и природном универсуме. В целом произведение Баласагуни представляет обширную систему, в которой выдвигаются как проблемы общеполитического характера, так и жизненно-практического, этнического и эстетического плана. Стремление к энциклопедичности, универсальности, охвату общемировоззренческих проблем было присуще самому характеру философствования в культурном плане региона, к которому принадлежал Юсуф Баласагуни. Мировоззрение Юсуфа Баласагуни имеет тройские корни — философские, шаманистские, исламские².

Далее учёный и патриот А. Х. Касымжанов утверждает, что Юсуф Баласагуни вписывается в общий процесс Ренессанса и на Востоке, в частности совершенно явственны в его творчестве отпечатки философии восточного перипатетизма. Речь идёт о мощной культурно-философской традиции, идущей от Аристотеля и продолженной аль-Фараби и Ибн-Синою. Её влияние на автора «Кутадгу билиг» впервые отметил, как сказано выше, немецкий востоковед О. Альбертс. Идеальная парадигма восточного средневековья не исчерпывается только мыслительной деятельностью профессиональных философов. Она также представлена промежуточным «непрофессиональным» философским творчеством таких поэтов как Рудаки, Фирдоуси, Юсуф Баласагуни, Омар Хайям, Низами, Навои, Насими. Но способ существования поэзии этого времени имеет характерные особенности и черты: с одной стороны, в творчестве поэтов преобладает ярко выраженный рационализм художественного мышления, с другой — рационализм, облечённый в символические покровы суфизма. Усложнение поэтических форм, образов, приёмов не меняло основного содержания поэзии, направленной на жизненные реалии, поиска реализации гуманистических принципов истины, добра, счастья. В сущности, поэзия средневековья занималась разработкой самых общемировоззренческих, нравственных и социальных проблем, что и философия. И многие поэтические произведения можно отнести к произведению философского жанра и в силу этого они могут и должны быть включены в процесс историко-философского развития.

«Литература и поэзия вместе с философией выполняли определённые мировоззренческо-ценностные функции. Выражение философии через поэзию была древней и наиболее живучей традицией идеологического развития. Крупнейших поэтов средневекового Востока можно смело отнести к представителям философской мысли, а не рассматривать их как чистых литераторов³.

Научно-философским пластом, определяющим мировоззрение Юсуфа Баласагуни, по утверждению А. Х. Касымжанова, являются разнородные доисламские верования — зороастризм, манихейство, буддизм, христианство, распространённые среди кочевых и оседлых народов до проникновения ислама. Среди этих верований наиболее сильным источником, пробивающимся в контексте «Кутадгу билиг», являются языческие, шаманистские представления.

Шаманистские, собственно тюркские истоки творчества Юсуфа Баласагуни позволяют вскрыть древний доисламский зороастрийский или тенгрианский, по имени главного божества, мировоззренческий пласт верований, который, несмотря на исламские, царские, советские гонения, ещё жив в языке и сознании казахов. Есть смысл в период потери основополагающих ценностей и эйфории по поводу возрождения ислама и, к сожалению, других конфессий, насаждаемых миссионерами, почувствовавшими духовный вакуум, восстановить великое историческое прошлое, в котором народ самостоятельно выработал ценности гордого самоутверждения. Интересно, что и в “Благодатном знании” Юсуфа Баласагуни, и в “Диван Лугат-ат-Тюрк” Махмуда аль Кашгари есть единое, бессмертное тюркское начало, которое вбирает “принципы благой мысли, благого слова, благого дела, почитания огня, вера в аруахов, культ неба (тәнір) как высшего божества”.

В статье “Три советника”⁴ Мурат Ауэзов подчёркивает доминирующую роль Махмуда аль Кашгари и Юсуфа Баласагуни в святом деле возрождения тюркского литературного языка:

“Работу над поэмой “Благодатное знание”, состоящей из 6520 бейтов (двустихий), Юсуф Баласагуни завершил в 1069 году, по истечении восемнадцати месяцев со времени её начала. Как и Алишер Навои, он подчёркивает стремительность, с которой складывались в текст его слова, и так же, как поэт XV века, горделиво заявляет о своём приоритете в извлечении из литературного небытия родного языка:

*Паслось слово тюрков оленем нагорным,
А я приручил его, сделал покорным.
Я ласков к нему был — оно покорялось,
Но было пугливым ещё и задорным.
Но я неустанно обхаживал слово,
И мускус дохнул ветерком животворным.*

Владея, по свидетельству А. Н. Кононова, “всеми тонкостями арабской и персидской поэзии”, он глубоко освоил тюркский фольклор, о чём свидетельствуют и его собственные многократные ссылки на “тюркские присловия”, и созвучие ряда мест его текста с образцами тюркского художественного слова, собранными его современником, выдающимся филологом Махмудом аль-Кашгари”.

Исходя из точки отсчёта середины XI века, когда были созданы “Благодатное знание” и “Диван Лугат-ат-Тюрк”, автор статьи проецирует векторы восприятия литературы тюрков, с одной стороны, в глубь веков, к клинописи Тоньюкука, а с другой — с перспективой понимания творческой позиции Алишера Навои:

“Алишер Навои, с несомненным на то основанием, считал, что выполнил стоявшую перед ним грандиозную задачу:

*Пусть Низами победоносный ум
Завоевал Берда, Гянджу и Рум;
Пускай такой язык Хосрову дан,
Что он завоевал весь Индустан;
Пускай на весь Иран поёт Джамии,
Но тюрки всех племён, любой страны,
Все тюрки мной одним покорены!*

Великий поэт, творчеством которого триумфально увенчался выход тюркской литературы из её персоязычного “инобытия”, имел полное право на подобную самооценку”.

Учёный и культуролог Мурат Ауэзов отмечает:

“Образцы тюркской поэзии, собранные аль-Кашгари, свидетельствуют о том, что Юсуф Баласагуни не был одинок в своём умонстроении. В них широко представлен арсенал средств суфийского противостояния обстоятельствам, даны описания героических сражений предков, явлен многообразный мир, освоенный самыми разными — от бытовых до любовной лирики — жанрами тюркского художественного слова. Письменная тюркоязычная поэзия XI века вызвана к жизни ситуацией, требовавшей деяний патриотического толка, с опорой на народ, его язык и его историческую память. И это, разумеется, другой тип выхода из “инобытия”, чем тот, который мы видим в XV веке. Эпоха Юсуфа и Махмуда, осуществившая преемственную связь с предшествующей культурой, в частности с поэзией времён каганата (VI—VIII вв.), выводит нас к тюркским письменным памятникам, высеченным в камне. Нас, естественно, прежде всего интересует личность Тонъюкука, человека, получившего “табгачское” воспитание, но свои силы и талант отдавшего “тюркскому элю”.

Творения Юсуфа Баласагуни дают возможность судить о связях конгломерата тюркских народов с так называемой арабоязычной культурой, о внесении им, как прежде аль-Фараби, Ибн-Синои и другими мыслителями, позитивного вклада в мировую культуру.

Влияние творений Юсуфа Баласагуни, например, на Омара Хайяма (1048 — 1131 гг.) или на более позднего, нашего Асан Кайгы, а также поэтическая традиция и мотивы сожаления о прожитом, идущие от ранних Фирдоуси и Рудаки к автору “Благодатного знания”, поэту-мудрецу многих тюркских народов, прослеживается и подкрепляется следующими строками:

— Что жизнь и что смерть, если вдуматься строго. Откуда иду я, куда мне дорога? Зачем я рождён, если смерть мне дана? Зачем я был весел? — мне скорбь суждена! Что в мире страшнее, чем жизни кончина? Но все, кто рождён, умирают едино.

— Книга жизни моей перелистана — жаль! От весны, от веселья осталась печаль. Юность — птица: не помню, когда прилетела и когда унеслась, легкокрылая, вдаль.

— Были бы добрые в силе, а злые слабы — мы б от тяжких раздумий не хмурили лбы! Если б в мире законом была справедливость — не роптали бы мы на превратность судьбы.

— Я речь предназначаю не для всех: нет у меня советов для невежд. Что толку говорить с глухой толпою, ведь всё равно не переучишь всех. Я лишь к разумному с надеждой обращаюсь, что будет слушать, суть понять попытаюсь. К нему, с моей я обращаюсь речью, чтоб пользу из него сумел извлечь он. Все добрые дела, все в мире блага произошли от ясного ума. Незнатья дух и нездоровье наше излечивают мудрые слова. И потому прислушивайся к мудрым, и будет к небесам твой путь открыт. От человека человек отличен мерой, знай, эта мера — разум и язык. Мудрец без языка подобен морю, где жемчуг знания под водой лежит. Благодаря словам в своём величье, подобен небу может стать он вмиг. Жемчужина на дне — прекрасный камень, но ничего не значит для людей. Так золото лишь найденное станет достойным украшения царей. Мудрец, не будь безмолвным — жемчуг слова вынь из глубин души своей скорей”.

II

В XIX веке некоторые востоковеды, узнав о существовании исторического Баласагуна, пытались локализовать этот древний город. В частности, академик В. В. Бартольд писал: “Баласагун — город в Средней Азии, местонахождение которого не удаётся точно установить”⁵.

Этой проблемой занимались и советские востоковеды. Изучая в 50-е годы XX в. средневековые города Чуйской и Таласской долины, А. Н. Бернштам отождествлял Баласагун с городом Акбешимом, расположенным около Токмака в Киргизстане. Такого же мнения вначале придерживался и Л. Р. Кызласов, в течение нескольких лет занимавшийся раскопками в этом городе. Но впоследствии он отказался от своей первоначальной гипотезы. По его мнению, Акбешим прекратил существование в X в. Опираясь на результаты археологических исследований, проводившихся в городах Акбешим и Бурана, он сделал следующий вывод: “Исторический Баласагун — блестящая столица Караханидов XI-XII вв., город, просуществовавший согласно письменным источникам, вплоть до XIV века — надо искать в другом месте. Таким образом, ни городище Акбешим, ни городище Бурана не могут связываться с историческим Баласагуном. Их забытые имена ещё предстоит установить историкам Киргизии”⁶.

Итак, проблема локализации Баласагуна всё ещё оставалась открытой.

В 1974 году археологи Казахского национального университета имени аль-Фараби начали раскопки на месте средневекового городища Актобе, расположенного на левом берегу реки Чу в благодатной местности в низовьях четырёх рек: Аксу, Карабалта, Шаргау и Токташ, которые вливаются в реку Чу. Было однозначно известно, что Актобе является остатком большого средневекового города. В 1980 году была проведена аэрофотосъёмка памятника, давшая чёткое определение территории Актобе. Археологический памятник занимает общую площадь 150 тысяч гектаров, из них центральная часть 70 кв. км.

Как видно по занимаемой территории, Актобе был весьма большим городом, расположенным на северной ветви Шёлкового пути. На основе аэрофотосъёмки составлена карта городища, на которой прослеживаются остатки многочисленных городских построек, оборонительных сооружений, оросительных систем, водосборных отстойников, сторожевых башен, кварталов, приусадебных участков. Общая протяжённость линий оборонительных валов в пределах отснятой площади составляет 52 км. Площадь орошаемого земледелия в пределах аэрофотосъёмки составляет 2000 гектаров.

Городище Актобе состоит из цитадели, шахристана и рабада. В этих частях в 1974-2005 гг. проводились археологические раскопки и был накоплен богатый исторический материал, который позволяет говорить о том, что средневековый город Актобе пережил два этапа: V-VIII и IX-XIII вв. Эти хронологические данные соответствуют периоду функционирования исторического Баласагуна. Следует подчеркнуть, что караханидские материалы находятся на верхнем слое памятника.

Более чем 30-летняя работа на Актобе дала очень богатый, разнообразный материал, характеризующий жизнь и деятельность города Баласагун.

Другим веским доводом в пользу версии расположения Баласагуна в этой местности являются топонимические данные из словаря “Диван Лугат-ат-Тюрк” Махмуда Кашгари. В нём перечисляются важнейшие известные местности, находящиеся вокруг Баласагуна. Это: Баласагунские горы (Аулие-тау), Бакырлыгтау и Юн-Арык (Жон арык). Эти местности вокруг города Актобе (Баласагун) были обнаружены и изучены археологической экспедицией во главе с известным учёным, археологом-этнологом Уахитом Хамзиновичем Шалекеновым.

III

Издательство “Жибек жолы” имело честь издать двумя тиражами уникальный труд профессора У. Х. Шалекенова “V-XIII гасырлардагы Баласагун каласы”⁷ (“Город Баласагун в V-XIII веках”). Первое издание было осуществлено в 2006 году пробным тиражом 500 экземпляров на средства спонсоров (О. Смагулулы, Б. Шалекенов, Е. Канапьянов), благодаря изданию данная монография была включена в Государственную программу “Культурное наследие” и издана тиражом 2000 экземпляров для пополнения сети библиотек Казахстана.

Работая над выходом этой книги, которая является, на мой взгляд, главной книгой жизни известного учёного и патриота суверенного Казахстана Уахита Хамзиновича Шалекенова, я не раз вспоминал годы своей юности, когда в середине семидесятых годов прошлого столетия часто бывал на раскопках городища Актобе. За тридцать лет существования этих археологических раскопок в них приняла самое существенное участие целая плеяда археологов Казахстана, включая патриарха казахской археологии Алькея Хакановича Маргулана.

Версия о возможном месторасположении города Баласагун в Актобе впервые была опубликована и озвучена народным писателем Казахстана Шерханом Муртазой. Им же, спустя тридцать лет, был поставлен вопрос о включении результатов данных раскопок в Государственную программу “Культурное наследие”.

Зачастую научные открытия, в данном случае археологические, берут свой отсчёт от найденной при раскопках одной древней монеты, с выбитым на ней профилем правителя или же названия города, где она была отчеканена. Это только начало, влекущее за собой многолетний научный труд и поиск последующих доказательств.

Результатом такого многолетнего научного поиска и является книга У. Х. Шалекенова “V-XIII гасырлардагы Баласагун каласы”, где по литературным, археологическим и этнографическим данным исторический средневековый город Баласагун локализуется на месте городища Актобе.

¹ Кононов А. Н. Слово о Юсуфе Баласагуни и его поэме “Кутадгу билиг” — Советская тюркология, — 1970, № 4, с 12.

² Касымжанов А. Х. Портреты. Алматы, 1995. С. 30.

³ Касымжанов А. Х. Портреты. Алматы, 1995. С. 31.

⁴ Ауэзов М. М. Три советника // В кн. Орхонские надписи. Кюль-Тегин. Бильге-Каган. Тонъюкук // Семей: Международный клуб Абая. 2001. С. 221.

⁵ Баласагун // Соч. Т. 3. М., 1965. С. 357.

⁶ Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М. — Л. 1959. С. 236.

⁷ Шалекенов У. Х. V-XIII гасырлардагы Баласагун каласы. Алматы: Жибек жолы, 2007.

Валерий МОГИЛЬНИЦКИЙ,
писатель

Милостью божьей, упорством своим...

В этом году исполнилось 105 лет со дня рождения русского поэта Николая Алексеевича Заболоцкого, известного своим великолепным переводом "Слова о полку Игореве" с древнерусского языка на современный литературный. В 1985 году весь мир отмечал 800-летие этой народной поэмы. В резолюции генеральной конференции ЮНЕСКО особо подчёркивались идеи мира и гуманизма, заложенные в бессмертной поэме. Одобрительные отзывы о работе Заболоцкого над "Словом о полку Игореве" в своё время опубликовали писатели В. Каверин, С. Маршак, Н. Тихонов, Ю. Тынянов, Б. Эйхенбаум, К. Чуковский...

Недавно мне позвонила из Долинки директор музея памяти жертв политических репрессий Марина Клышникова и сообщила, что в адрес музея поступило письмо из Новосибирска от литературоведа Игоря Лоцилова с просьбой рассказать о времени пребывания Николая Заболоцкого на поселении в Караганде, о тех людях, с которыми он встречался и которые помнят его, а также что сделано по увековечению памяти поэта в Казахстане. В сибирском городе готовят выпуск книги о Николае Заболоцком к 105-летию со дня рождения.

Марина вспомнила, что я писал о Заболоцком в своей книге "Чёрные розы маршала", и в этом очерке предложил назвать одну из улиц Караганды его именем, а на доме по улице Ленина, 9, где он жил со своей семьёй, установить мемориальную доску. Сделано ли это?

Милая, наивная Марина! Разве сейчас чиновники прислушиваются к голосу писателей? О том, чтобы увековечить память о пребывании Заболоцкого в Караганде, я писал ещё в 1993 году в своей первой книге о жертвах сталинизма "Созвездие талантов". Но это был глас вопиющего в пустыне... За 15 лет ничего, абсолютно ничего не сделано для утверждения памяти о Заболоцком в Караганде.

И сегодня, наверное, стоит снова напомнить о том, какой замечательный поэт жил в Караганде, какие прекрасные стихи он сочинял о шахтёрской столице и Казахстане. Несмотря на то, что Николай Заболоцкий находился в Караганде на подневольном положении, не был ещё реабилитирован, он воспевал жизнь во всех её грустных, печальных и победных реалиях.

Помню, я разыскал в информационном центре при прокуратуре области документы о лагерной и ссыльной жизни поэта, карточку политзаключённого, его личное дело. Сухие протокольные данные, к тому же написанные малограмотными учёточками НКВД, мало что говорили моему уму и сердцу. Да, он был невинно осуждён особым совещанием при НКВД 2 сентября 1938 года сроком на пять лет за антисоветскую деятельность. В качестве обвинительного материала в его деле фигурировали

злопыхательские критические статьи и анонимки, обзорная “рецензия”, тенденциозно искажавшая существо и идейную направленность его творчества. По 1944 год он отбывал незаслуженное заключение в исправительно-трудовых лагерях на Дальнем Востоке и в Алтайском крае. С весны и до конца 1945 года уже вместе с семьёй жил на поселении, без права выезда в Караганде.

Но что стояло за этими жуткими фактами из жизни поэта? И я решил применить давно испытанный способ литературных краеведов — разыскать людей, которые бы хорошо помнили его по Караганде. К этому меня подтолкнула и появившаяся тогда статья Аллы Марченко в газете “Правда” под заголовком “В похвалу трудам его и ранам”. В ней она смело утверждала, что Заболоцкий в Караганде работал в проектно бюро строительного управления. Так ли оно называлось? Не ошибка ли?

— Нет, не так, — неожиданно подсказала мне заведующая протокольной частью Карагандинской городской администрации, местная поэтесса Нина Акимовна Бондаренко. — Как точно называлось, не знаю, но не так... Правильно может ответить только пенсионерка Александра Константиновна Белавина.

— А вы знаете, где живёт Белавина?

— А как же! Рядом с Дворцом культуры горняков.

Был тихий, на редкость безветренный вечер. На розовом небосклоне ещё не загорались звёзды. Мы шли по малолюдным улицам города, и Нина Акимовна рассказывала о том, какой замечательный человек Александра Константиновна Белавина. В Караганде она с 1945 года. Как окончила архитектурное отделение строительного факультета Ташкентского индустриального института, так и определилась сразу в горняцкий город. Начала свою архитектурную деятельность в управлении “Сараньстрой”, где и увидела впервые Заболоцкого. Оно находилось в 1945 году на улице Ленина.

В старом трёхэтажном доме, расположенном неподалёку от Дворца культуры горняков, нас приветливо встретила седоволосая женщина.

— Я сейчас чайник поставлю, вареньем из яблок со своей дачи угощу...

Пока хозяйка хлопотала у газовой плиты, я осматривал её комнату. Она огромная, и всюду — книги, книги... На столе — сборник стихов Николая Заболоцкого. Перехватив мой взгляд, Александра Константиновна пояснила:

— Недавно из местного телевидения приходили, расспрашивали меня о Николае Алексеевиче. А затем режиссёр предложила мне прочитать его стихи. Так, мол, будет лучше восприниматься телепередача о Заболоцком...

И, посерьёзнев, добавила:

— А вообще-то я поэзией Заболоцкого очень сильно увлекаюсь. Часто беру в руки томик его стихов, читаю-перечитываю дороге мне строки... О Заболоцком нередко вспоминают только в связи с его переводом на современный русский язык знаменитого “Слова о полку Игореве”. Перевод действительно блестящий. Но не менее ведь великолепны и его лирические стихи, поэмы...

А как хорошо его стихотворение о нашем городе!

*И за составом движется состав,
И льётся уголь из подземной клетки,
И ветер гонит тьму тысячелетий,
Над Казахстаном крылья распластав...*

Александра Константиновна немного помолчала и сказала:

— Всякий раз, когда я перечитываю эти стихи Заболоцкого, передо мной встаёт Караганда 1945 года, тлеющие терриконы и первые бараки, копры шахты города Сарани, на которую мы тогда работали...

... Закипел чайник, и мы уселись вокруг стола. За доброй пиалой казахского чая Александра Константиновна продолжила свой рассказ. Выяснилось, что Николай Заболоцкий прожил в Караганде всего около года. 26 января 1945 года было принято постановление Государственного Комитета обороны об освоении Сараньского участка Карагандинского угольного бассейна, возведении шахт и города Сарани. И уже в феврале-марте на станцию Михайловка начали прибывать первые эшелоны с заключёнными Алтайлага. В одном из них приехал в Караганду и Заболоцкий с семьёй — женой Екатериной Васильевной и двумя детьми — Никитой и Наташей.

Действительно, позже я нашёл в воспоминаниях сына Заболоцкого Никиты, опубликованных в журнале “Даугава” № 3 за 1988 год под заголовком “Об отце”, строки о том, что в марте 1945 года Николай Алексеевич с семьёй был переведён в Караганду. “К тому времени он, — как говорится в справке № 2078/53400, хранящейся в Карагандинском государственном областном архиве, — отбыл наказание и по директиве НКВД и Прокуратуры СССР из Алтайского ИТЛ НКВД освобождён 18 августа 1944 года и оставлен на работе в лагере по вольному найму”.

Выходит, что многие литераторы, журналисты недостоверно пишут, что Заболоцкий в Караганде “отбывал срок в Карлаге”. Ему органы НКВД дали к тому времени “ослабление”, определив вольнонаёмным на поселение в Караганду. Жил поэт совсем немного времени в общежитии бывших осуждённых по улице Первомайской в посёлке Михайловка, а затем, как подсказала Александра Константиновна, ему выделили небольшую комнату в квартире № 30 по улице Ленина, 9.

Некоторые литературоведы допускают ошибку в своих публикациях, утверждая, что в Михайловке Заболоцкий завершил большую работу над стихотворным переложением “Слова о полку Игореве”, начатом ещё в 1938 году в Ленинграде. Не завершил он эту работу и в комнате по улице Ленина, где жила семья Заболоцкого, настолько тесной, что в ней едва могли уместиться четыре человека. Писать плодотворно в этих условиях было, видимо, просто невозможно.

Но где же и кем работал Заболоцкий в Караганде? Александра Константиновна Белавина пояснила, что в “Сараньстрое” Николай Алексеевич был назначен вначале старшим техником-чертёжником. Работал он в проектно-отделе, а не в бюро, как иногда пишут. С 20 июня 1945 года Заболоцкий был переведён исполняющим обязанности инженера отделения гражданских сооружений этого же отдела.

Именно в этом отделе начала свой трудовой путь и архитектор А. К. Белавина. Было ей тогда 28 лет. Ещё она писала стихи, хотя и не признавалась в этом никому, даже Заболоцкому.

— Работали мы с Николаем Алексеевичем в одной комнате, — рассказывала она. — Из сослуживцев хорошо помню Яна Александровича Ливенштейна (он тоже, как и Заболоцкий, был в тридцатые годы невинно осуждён, кажется, за карикатуры, которые публиковал в “Известиях”). Ян Александрович считался архитектором, с его участием был разработан проект Дворца культуры горняков. Начальником же проектного отдела был Пётр Михайлович Тишевский, добрейшей души человек, он тоже работал с нами в одной комнате. Здесь же стояли столы Гаврилы Михайловича Зотова, Ивана Семёновича Сусанина, Александра Павловича Щуся, геодезиста. Возглавлял отделение гражданских сооружений К. А. Баранов, который очень ценил и уважал Заболоцкого и как работника, и как поэта.

Каким был в то время Николай Алексеевич?

— Я запомнила его за рабочим столом. Он был очень усидчивым, всегда погружён в свою работу, говорил мало. Видимо, ему не хотелось вспоминать то, что он пережил в тюрьмах и лагерях. А ещё он был очень вежливым, сердечным.

Мы знали, что Николай Алексеевич поэт, но просить его почитать стихи стеснялись... А он, видимо, тоже не хотел нарушать размеренной нашей рабочей жизни, которая проходила в вечном корпении над чертежами. Строители торопили нас — требовали быстрее выдавать им проекты на временные сооружения для посёлка Сарань: бараки, столовую, овощехранилище, пекарню... Наше управление прокладывало железнодорожную ветку от станции Большая Михайловка в Пришахтинск длиной около 15 километров. В проектировании её принимал участие и Заболоцкий.

Он ничем, казалось, особо не выделялся среди нас. Ходил на работу в простой куртке и хлопчатобумажных брюках. Но всегда при галстукe, всегда в свежей рубашке. Как-то я похвалила его за это. Он смущённо заметил: “За это надо благодарить Катюшу”.

К жене своей, Екатерине Васильевне, он относился с большой любовью, всегда хорошо отзывался о ней. Действительно, она ухаживала за ним, как за ребёнком. Он был тогда уже очень болен. Моя подруга — Евгения Фёдоровна Зиновьева (она и сейчас здравствует, живёт в Караганде, на улице Нуркена Абдирова) в то время занимала на улице Ленина, 9 квартиру № 28, расположенную на одной площадке с квартирой Заболоцкого. Она дружила с Екатериной Васильевной, помогала ей чем могла.

Так вот, Екатерина Васильевна рассказывала ей, что Николай Алексеевич крепко подорвал своё здоровье в лагерях. На Дальнем Востоке он работал в Востлаге в карьерах, на лесосплаве и даже на строительстве БАМа в Комсомольске-на-Амуре разнорабочим.

С мая 1943 года его забросили в Кулундинские степи в Алтайлаг. Здесь на тяжёлой работе в карьерах по добыче соды на одном из озёр он окончательно подорвал здоровье, заработав ишемическую болезнь сердца.

Николай Алексеевич тогда написал стихотворение “Жена”, в котором воспел своё “сокровище жизни” — милую, обаятельную и заботливую Екатерину Васильевну. Позже оно было опубликовано в “Избранном” Н. Заболоцкого, вышедшем только в 1970 году. Помечено оно 1947 годом, видимо, в Москве Николай Алексеевич доработал это стихотворение, отсюда и другая дата его появления.

Я давно как бесценную книгу храню в своей библиотеке “Избранное” Н. Заболоцкого из “Поэтической библиотечки школьника” (для среднего

и старшего возраста), выпущенное издательством “Детская литература” в 1970 году. Подарил мне его в Дзезказгане журналист и поэт Марат Ратнер, ныне покойный. И мне не стоило особого труда отыскать в книге стихотворение “Жена”.

Привожу его полностью, чтобы читатели поняли, с каким уважением и любовью относился Заболоцкий к своей супруге Катюше.

Жена

*Откинув со лба шевелюру,
Он хмуро сидит у окна.
В зелёную рюмку микстуру
Ему наливает жена.
Как робко, как пристально-нежно
Болезненный светится взгляд.
Как эти кудряшки потешно
На тощей головке висят!
С утра он всё пишет да пишет,
В неведомый труд погружён.
Она еле ходит, чуть дышит,
Лишь только бы здравствовал он.
А скрипнет под ней половица,
Он брови взметнёт, — и тотчас
Готова она провалиться
От взгляда пронзительных глаз.
Так кто же ты, гений вселенной?
Подумаи: ни Гёте, ни Дант
Не знали любви столь смиренной,
Столь трепетной веры в талант.
О чём ты скребёшь на бумаге?
Зачем ты так вечно сердит?
Что ищешь, копаясь во мраке
Своих неудач и обид?
Но коль ты хлопочешь на деле
О благе, о счастье людей,
Как мог ты не видеть доселе
Сокровище жизни своей?*

Что касается “Слова о полку Игореве”, то первый полный вариант его был завершён не в Караганде, а на станции Аккуль Акмолинской области. Как попал туда Николай Алексеевич? Александра Константиновна вспомнила один из вечеров, когда Заболоцкий неожиданно для всех попросил товарищей по работе остаться после трудового дня на своих местах.

“Если хотите, — смущённо сказал он, — я почитаю вам отрывки из своего стихотворного изложения “Слова о полку Игореве”.

— Николай Алексеевич читал великолепно, так, что все мы слушали его затаив дыхание, — говорила Александра Константиновна. — Когда Заболоцкий ушёл домой, поблагодарив нас за внимание, наш начальник Баранов восхищённо сказал: “Вот это поэт!”. И спросил: “Место ли ему здесь, за чертёжными столами?”. И сам же ответил: “Он должен быть в Москве, рядом со своими коллегами-писателями”.

Именно тогда Баранов предложил отправить Николая Алексеевича в Аккуль, в дом отдыха Карагандинской железной дороги, мол, там, в тиши, он быстрее завершит свою работу над "Словом". А ещё он предложил написать письмо от имени коллектива управления "Сараньстрой" тогдашнему председателю правления Союза писателей СССР Н. С. Тихонову о том, чтобы Заболоцкого использовали в Москве по его основной профессии — писателя, а "Слово о полку Игореве" опубликовали в одном из столичных изданий. Все сослуживцы Заболоцкого горячо поддержали это предложение.

В октябре 1945 года коллектив управления "Сараньстрой" направил официальное письмо в Москву Н. Тихонову с просьбой оказать поэту Заболоцкому всемерную поддержку и помощь. Этот документ сыграл важную поворотную роль в жизни поэта. Под самый Новый год, 31 декабря 1945 года, в управление Сараньского строительства поступила телефонограмма Тихонова о вызове Николая Алексеевича в Москву. Седьмого января 1946 года Заболоцкий тепло попрощался с сослуживцами перед отъездом в Москву, куда он был командирован управлением сроком на два месяца. Никто не догадывался тогда, что Николай Алексеевич больше не вернётся в Караганду, а будет жить в посёлке московских писателей Переделкино.

Осенью 1946 года в журнале "Октябрь" (№ 10, 11) впервые был напечатан полный перевод Н. Заболоцкого "Слова о полку Игореве". Слава снова пришла к канувшему в забвение замечательному поэту.

Но полностью Николай Алексеевич был реабилитирован только в 1963 году по заявлению и настоянию его верной подруги-жены Екатерины Васильевны.

Читаю в печати, сколько бракоразводных процессов происходит у нас в Караганде, в Казахстане, и мне становится не по себе. Мало, очень мало мы говорим о возвышенном чувстве верности, идеалах семейной жизни. Многие, очень многие зависят от женщин. У меня, например, отношение к Екатерине Васильевне однозначное: она была до конца жизни верной женой Заболоцкого, любящей матерью и строго блюла честь мужа и своей семьи. И в ссылку к мужу она выехала сразу, бросив тепло и уют своей квартиры в Ленинграде.

Екатерина Васильевна была добрейшим человеком с мягким характером, самозабвенно любила литературу, слыла признанной мастерицей вязания кружев, обладала глубокими педагогическими знаниями.

Когда она овдовела, оставшись с двумя детьми, то могла бы снова выйти замуж, ведь, кроме всего прочего, она была красивой женщиной.

Заболоцкий завещал ей хранить память о нём всего один год, а затем выйти замуж за порядочного человека. Но Екатерина Васильевна этого не сделала, до конца своих дней жила одна, воспитывая детей с любовью и нежностью, хранила память о Заболоцком, очень многое сделала для увековечения его славы и памяти.

Но я немного отвлёкся от строгого документального повествования. Жизнь Заболоцкого в Караганде была, конечно, тяжела. Ведь он, доставленный на поселение в шахтёрский город, не снятый с надзора, должен был ежемесячно ходить в милицию и отмечаться: что никуда не сбежал, что работает в "Сараньстрое" и о выезде в Москву не помышляет.

Как это уникальное ранимое сердце поэта! И всё же, несмотря на угнетённое состояние духа, Заболоцкий создаёт в Караганде такие шедевры поэзии, как стихотворения "Бетховен", "Гроза" и другие.

Думается, внутреннее состояние поэта хорошо передаёт его стихотворение “Бетховен”:

*И яростным охвачен вдохновеньем,
В оркестрах гроз и трепете громов
Поднялся ты по облачным ступеням
И прикоснулся к музыке миров.
Дубравой труб и озером мелодий
Ты превозмог нестройный ураган,
И крикнул ты в лицо самой природе,
Свой львиный лик просунув сквозь орган.
И пред лицом пространства мирового
Такую мысль вложил ты в этот крик,
Что слово с воплем вырвалось из слова
И стало музыкой, венчая львиный лик.
В рогах быка опять запела лира.
Пастушьей флейтой стала кость орла.
И понял ты живую прелесть мира
И отделил добро его от зла.
И сквозь покой пространства мирового
До самых звёзд прошёл девятый вал...
Откройся, мысль! Стань музыкою, слово,
Ударь в сердца, чтоб мир торжествовал!*

Конечно, пресса в то время молчала, что в Караганде находился в ссылке известный поэт Заболоцкий. Да ведь так оно и бывает: живёт рядом гений, и его вроде бы никто не замечает, более того — насмеваются: вот живёт поэт, ну и что? Мы-то живём лучше: у нас хлеб, вино, мясо, а у него что? Стихи... ха-ха!

И только когда великий талантливый человек умирает, мы спохватываемся: как же так, жил, работал рядом, а мы-то не заметили! Во все времена отношение к талантам в нашем царстве-государстве было пренебрежительное. А сейчас? Изменилось ли что?

Сколько ни искал печатных свидетельств о пребывании Заболоцкого в те времена в Караганде — не обнаружил. Кроме информации, опубликованной в областной газете “Социалистическая Караганда” 7 октября 1945 года. В ней сообщается: “Карагандинским городским Домом партийного просвещения для интеллигенции города было организовано слушание нового перевода на современный русский язык знаменитого памятника древней русской литературы “Слово о полку Игореве”, написанного в стихах Заболоцким”.

В газете даётся оценка этому труду: “Перевод, безусловно, удачен. Поэт точно воспроизводит содержание подлинника, тонко передаёт его эмоциональную насыщенность и одновременно создаёт своё, новое произведение, которое с одинаковым живым интересом прочитает читатель, не знакомый ранее со “Словом о полку Игореве”, и читатель, с детства знающий, любящий это бессмертное произведение. Перевод отличается богатством словаря и разнообразием изобразительных средств”. Эту заметку написала преподаватель Карагандинского учительского института Нона Меделец — спасибо ей за это!

Л. К. Белавина, к её огорчению, не была на том слушании в Доме партийного просвещения, но знает, что газетная заметка очень обрадовала Николая Алексеевича. Сослуживцы поздравляли его с успехом, а он, как всегда, смущённо говорил: “Да полно-те вам...”.

Но по-настоящему карагандинское творчество поэта оценили позже. В том же “Избранном” Н. Заболоцкого опубликована статья поэта Евгения Винокурова, которого я люблю с юношеских лет. Так вот он, мне думается, достойно оценил творчество Заболоцкого после многих лет его мук и скитаний. Евгений Винокуров пишет:

“В своих ранних стихах (книга “Столбцы”) мастер гротеска, иронического примитива в духе художника Анри Руссо, экспрессивной метафоры (“Худые, лысые мужья сидят, как выстрел из ружья”), Заболоцкий смело шагнул в область глубокой серьёзности. В стихах позднего периода он демонстрирует образцы фигурной метафорической лепки, образцы зримой, выпуклой предметности:

*И вот, ступив на солончак,
Стоит верблюд, Ассаргодон пустыни.
Дитя печали, гнева и гордыни,
С тысячелетней тяжестью в очах.
Косматый лебедь каменного века,
Он плачет так, что слушать нету сил,
Как будто он, скиталец и калека,
Вкусив пространства, счастья не вкусил.*

Заболоцкий ценит предметность, он любит такое ёмкое слово, как “кусоч”, он даже пишет “кусоч влаги”.

Поэт внутри мира. Он чувствует себя частью мира: “Я жизнь мою прожил, я не видал покоя: покоя в мире нет. Повсюду жизнь и я”.

Так что Караганда утвердила Заболоцкого как талантливого самобытного писателя. Это признали и его московские коллеги, решившие вернуть опального поэта в столицу. Заболоцкий навсегда покинул Сары-Арку, где нашёл “приют и вдохновенье”. Но в своих стихах он ещё не раз вернётся к Казахстану, Сары-Арке, её жёлтым, выжженным солнцем степям...

И не раз будет потом с сожалением вспоминать, что утратил карагандинских друзей.

Вскоре из Караганды следом за поэтом выехала и его семья — жена, дочь и сын. Произошло это в июне 1946 года, когда начались каникулы в школах. Собственно говоря, Екатерина Васильевна потому и задержалась в Караганде, что не хотела прервать учёбу Никиты (Наташа ещё не ходила в школу).

Провожали её с детьми на вокзале соседи, уже упомянутая выше Евгения Фёдоровна Зиновьева с мужем своим Григорием Игнатъевичем Титаренко, который работал в “Сараньстрое” главным механиком и дружил с Николаем Алексеевичем.

“Спасибо вам, карагандинцы, за то, что постояли за мужа моего, помогли нам”, — эти слова Екатерины Васильевны были прощальными на карагандинской земле. Во всяком случае, так мне сказала во время нашего телефонного разговора Евгения Фёдоровна Зиновьева.

Тут надо заметить, что дружба Заболоцких с карагандинцами продолжалась и после их отъезда в Москву. На даче Николая Алексеевича в

Переделкине одно время жил карагандинец Гаврила Михайлович Зотов. Ему Заболоцкий подарил свою книгу “Избранное”. Гаврила Михайлович точно так же, как Белавина, всегда восторженно отзывался о Заболоцком. Он знал Николая Алексеевича с Комсомольска-на-Амуре, вместе они отбывали свои сроки в лагерях Алтая, вместе попали на поселение в Караганду.

Гаврила Михайлович поражался мужеству Заболоцкого: никогда не расставаться с Поэзией, — даже на лесоповале, на прокладке железнодорожных шпал в тайге и казахстанской степи тот продолжал придумывать новые стихи, вечно бормоча себе под нос пришедшие на ум строки. Г. М. Зотов говорил своим сотоварищам по “Сараньстрою”:

— Поэт милостью божьей, Николай Алексеевич добивался успехов в литературе своим письменным трудолюбием и упорством своим. Я не знаю в России более бесстрашного поэта. Это какое мужество надо иметь, чтобы после великих Жуковского и Бальмонта взяться за поэтическое переложение “Слова”. И сделать это не хуже, а может быть, даже лучше их!

Уже после кончины Н. А. Заболоцкого Гаврила Михайлович со своей супругой Анной Ивановной побывали в Москве на квартире поэта. Их любезно встретила вдова Заболоцкого Екатерина Васильевна. Вместе они посетили могилу поэта. По совету Екатерины Васильевны, Зотovy сходили в Большой театр на оперу А. П. Бородина “Князь Игорь”. Перед отъездом карагандинцев Екатерина Васильевна подарила им только что вышедшую книгу “Воспоминания о Заболоцком”. Они попросили дать им автограф. И Екатерина Васильевна оставила такую надпись: “Гавриле Михайловичу Зотову и его семье от семьи Заболоцких с наилучшими пожеланиями. Е. Заболоцкая”.

Вскоре близкий лагерный друг Н. А. Заболоцкого Гаврила Михайлович Зотов скончался. Но их жёны продолжали переписываться, Анна Ивановна с сыном Володей несколько раз навещали Екатерину Васильевну.

Вспоминали, как вместе сажали картофель на огородах под Саранью, как по осени собирали богатый урожай клубней... Именно тогда Николай Алексеевич, поднимая очередной мешок, наполненный картошкой, сказал: “Человек никогда не пропадёт. Это самое выносливое существо на свете. И чего только он ни придумает, чтобы выжить”.

Действительно, если бы не картофель, то многие карагандинцы погибли бы тогда с голода. За хлебом стояли огромные очереди в магазинах, мясо было баснословно дорогим на рынках, а в торговой госсети его вообще не было. В тяжёлые послевоенные годы жили по карточкам.

В своей книге “Их помнит Сары-Арка” писатель-краевед Юрий Григорьевич Попов тепло написал о дружбе семей Заболоцкого и Зотова. Работая над сбором материалов о жизни поэта, он обратился к его супруге Екатерине Васильевне с просьбой написать несколько слов о днях, прожитых в Караганде. Вскоре вдова писателя ему ответила: “В Караганде мы, семья Заболоцких, дружили с семьёй Зотовых, доброй и отзывчивой. Глава семьи Гаврила Михайлович был чрезвычайно доброжелателен и вообще очень хороший человек. Дружил муж и с И. С. Сусаниным, который несколько позднее Николая Алексеевича уехал из Караганды. Со многими сослуживцами у Заболоцкого были хорошие отношения...”.

Встречался Юрий Григорьевич Попов и с писателем В. А. Кавериним в Москве на Лаврушинском переулке. Вениамин Александрович считал,

что главная заслуга Заболоцкого в том, что он воспринял памятник древнерусской литературы “Слово о полку Игореве” как интересное чтение и сумел передать это ощущение читателю. “Это были годы, — говорил В. А. Каверин, — когда, работая землекопом, дорожным рабочим, чертёжником, он совершил подвиг — не могу иначе назвать — перевод “Слова о полку Игореве”, который является, как мне кажется, одной из вершин его мастерства. Можно смело сказать, что каков бы ни был суд потомков над нашей поэзией, его перевод “Слова о полку Игореве” займёт в ней высокое место”.

... В один из вечеров я вместе со своей женой Катюшей побывал в доме № 9 по улице Ленина в квартире, где жил Н. А. Заболоцкий с семьёй. После их отъезда в этой квартире долго жила знакомая нам поклонница таланта Заболоцкого Александра Константиновна Белавина. Сейчас здесь проживает семья Исабековых. Камал Бейсенович был старшим научным сотрудником угольного института КНИУИ, его жена Гульнар Валихановна — тоже научный работник. У них двое детей. Но если Заболоцкие занимали одну тесную комнату, то Исабековы — две (вторая большая комната во времена Заболоцких отводилась под общежитие).

Мы, с любезного разрешения хозяев, вошли в комнату, где жил Заболоцкий со своей семьёй.

— Знаете что, — неожиданно сказал Камал Бейсенович, — к нам сюда приходит масса людей, все интересуются комнатой, где жил Заболоцкий, вещами, которые остались после него. А осталась только одна настенная лампа-бра. Мы её бережно храним. Кто знает, может, со временем будет организован музей Заболоцкого. Ведь в нашем городе свято берегут память о нём. Но нет ни музея, ни даже улицы, носящей его имя. А не мешало бы. Как вы думаете?

А я думаю так же: не мешало бы. Но больше всего меня волнует, что те общечеловеческие ценности, которые выработал Заболоцкий, пока не коснулись душ многих людей. Конечно, жить стало труднее, дороже. Но разве мы не люди, разве только пища телесная нас тревожит? Нет, конечно.

В 2003 году исполнилось столетие со дня рождения Николая Заболоцкого. И никто, никто ни в Караганде, ни даже в России, как следует, не отметил эту дату. Обидно, горько, больно до слёз. В своём стихотворении “Завещание”, созданном в 1947 году после отъезда из Караганды в Москву, Заболоцкий писал:

*О, я недаром в этом мире жил!
И сладко мне стремиться из потёмок,
Чтоб, взяв меня в ладонь, ты, дальний
мой потомок,
Доделал то, что я не довершил.*

Довершим ли?

г. Караганда.

Всеобъемлющее чувство любви

Если живописец пожелает увидеть прекрасные вещи, внушающие ему любовь, он, как Господь, порождает их; и если он пожелает увидеть вещи чудовищные, которые устрашают, или шутовские и смешные, или поистине жалкие, то и над ними он Господь и Бог...

Леонардо да Винчи

Петропавловский живописец Валерий Крестников, родившийся в семье художника, с детских лет знал о своём предназначении. Он не помнит себя без карандаша или кисти в руках, всегда рисовал в школьные годы, много и долго учился ремеслу в юности и никогда не видел для себя иного будущего, чем стезя художника. Получив серьёзное профессиональное

Валерий КРЕСТНИКОВ

родился 10 августа 1962 года в с. Старица Калининской области.

В 1983 году окончил Кунгурское художественное училище (Россия), в 1993 году — Омский педагогический институт, художественно-графическое отделение. С 1988 по 1996 год преподавал в детской художественной школе, в колледже искусств (Петропавловск).

С 1999 года член Союза художников Казахстана. В 2006 году избран председателем Северо-Казахстанского филиала ОО «Казахстанская ассоциация художников».

Участник выставок:

1982 — выставка народных промыслов. ВДНХ. Москва.

1999 — фестиваль изобразительного искусства «Жигер-1999». ГМИИ им. А. Кастеева. Алматы. Диплом лауреата фестиваля.

1999-2000 — совместные выставки. Галереи «Трибуна», «Мост», Народный фонд поддержки культуры. Алматы.

2000 — совместная выставка. «Интерконтиненталь». Астана.

1997, 2001 — выставка произведений художников Северного Казахстана. Астана.

2001 — выставка произведений худож-

ников Северного Казахстана. Костанай.

2002 — персональная выставка. Областной музей искусств. Петропавловск.

2002 — персональная выставка. Галерея «Трибуна». Алматы.

2003 — выставка произведений художников Северного Казахстана. Москва.

2003 — выставка «Шанырак». Музей изобразительных искусств. Курган.

2004 — немецкая национальная выставка художественных галерей (от галереи «Смаль-Арт», Германия).

2006 — персональная выставка «Только женщины и кошки».

В 2004 году включён в Единый художественный рейтинг живописцев и графиков, Москва.

Первая отчётная выставка Академии художеств Казахстана. Астана, 2007 г.

2007 — осенняя региональная выставка «Северная палитра», Петропавловск.

2008 — Областная выставка «Петропавловск весенний».

2008 — международная выставка в галерее «Контраст». Вестфалия — Германия.

Работы находятся в ДХВ Республики Казахстан, коллекции Президента РК Н. А. Назарбаева, в частных собраниях Казахстана, России, Германии, Греции, Португалии, США, Франции.

образование, Валерий около десяти лет преподаёт в художественной школе и колледже, пишет картины и акварели, участвует в выставках. Вступление в Союз художников Республики Казахстан стало для него этапным событием на пути раскрытия и реализации богатого творческого потенциала.

Основополагающая идея в художественном сознании Крестникова — всеобъемлющее чувство любви. Стремление писать картины о любви к людям, к природе, к женщине, к жизни не оставляет его ни на секунду. Бесконечная череда прекрасных, тревожащих душу образов приходит к нему во сне и наяву. Воплощение их на холсте даёт возможность утолить неиссякаемую жажду творчества. Но каждый раз, когда художник, кажется, максимально приближается к поставленной задаче, возникают тысячи ситуаций “вопреки”, а главная цель, как призрачный мираж, отодвигается всё дальше и дальше.

Дуальность жизни и человеческой природы активно вторгаются в творческий мир Валерия. Добро и зло, красота и уродство, любовь и ненависть — всегда рядом, их нельзя разделить и нельзя обойти. Невозможно не откликнуться на бесконечную череду отвлекающих событий, катастроф в мире, которые диктуют свои сюжеты, ставят иные задачи. Возникает творчество социально заострённое, подчас кричащее, отражающее противоречия сущности человека и его бытия. Рождается искусство “вопреки” — вопреки основополагающей для Крестникова идее всеобъемлющей любви. Будь это известные перевёртыши или более привычные для восприятия традиционные картины, двойственность мира всегда находит место в его работах.

В кругу тем и стилистических предпочтений художника выделяются два отчётливо прослеживающихся направления. Это пейзажи и фигуративные композиции, в которых присутствует человек. Пейзажи, выполненные с тщательной детализацией и проработкой планов, отличающиеся тонкостью передачи настроения, кажется, максимально приближены к реальности. Однако чарующая утончённость их колорита, ореол свечения цветущих крон деревьев, окутанные сиянием необычные небесные явления создают ощущение сказочности, таинственности девственного леса, полного неведомых духов и сверхъестественных сил. В этих фантазийных пейзажах-сновидениях заключена изысканная красота, а также возникает ощущение причудливости, неожиданности явлений этого мира.

С особой силой размышления о дуальности мира звучат в фигуративных композициях художника, странных, подчас зыбких и ирреальных. Печальному образу мима в “Грустном клоуне” противопоставлен злорадный лик, средоточие тёмных, зловещих сил. В “Ангеле” у ног устремлённой ввысь светящейся сущности изображена неуклюжая женская фигурка, обременённая нескладной плотью и грузом земных дел. Рассказывая о великом таинстве рождения человеческой жизни как о явлении космического масштаба (картина “Мальчик в шаре”), материнскому началу художник противопоставляет дикие, разрушающие силы земли.

В живописных работах “Большой клоун”, “Живой натюрморт”, “Вечер в волшебном лесу” люди, уменьшенные до микроскопических размеров, попадают в мир реальных предметов, где живут по своим абсурдным законам, превращая саму ситуацию в сказочную, загадочную метафору. Щемлящая душу тишина, волнующая красота бытия пронизывает серию “лунных” работ художника, таких как “Лунный букет”, “Волшебный цветок”.

Прямым воплощением идеи двойственности бытия становятся для художника картины-перевёртыши, начиная с первой, написанной в перестроечное время “Коронации единорога / Свержения единорога” и более поздние: “Васильковый дед”, “Авторитет с сосиской”, “Астровая баба”, “Лягушачий прыг”. В этих работах одна и та же форма служит одновременно изображением нескольких предметов, звучит по-разному в зависимости от употребления её в том или ином контексте. Рассматривая перевёртыш с одной стороны, ты видишь задумчивого мальчика с пушистым котом, а перевернув — прелестный лесной пейзаж. Грустный слон трансформируется в юную девушку с раскосыми глазами, играющую на флейте. Зритель включается в предложенную игру фантазии, погружаясь в эту многозначную реальность. Такой двуликий образ зарождается в мыслях художника в целостности, до мельчайших деталей. Ему остаётся только “озвучить” его на холсте или бумаге. В этих работах заключён

диапазон чувств: от острой иронии до лёгкой шутилой улыбки, любования прихотливой изменчивостью окружающего мира. Жизнь, творчество без этой игры были бы скучны, однообразны и не интересны для художника.

В фигуративных композициях, превращая реальность в совокупность фантастических элементов, Крестников делает цвет одним из равноправных действующих персонажей художественной среды. Отказываясь от иллюзии глубины пространства в пользу равноценной колористической проработки живописных планов, используя насыщенную цветовую гамму, он подчиняет фигуры, предметы, отдельные детали строгому орнаментальному ритму.

Являясь продолжателем сюрреалистических традиций, Крестников создаёт свой мифический реализм, изображая мир как скопление алогизмов, противопоставлений, контрастов. Он не подражает природе, а превращает реальность в совокупность фантастических элементов, красноречиво и иносказательно раскрывающих всю сложность личностного мировосприятия. Декоративная манера письма помогает в полной мере воплотить романтический настрой души самобытного, талантливого художника.

Елена БУЙНОВА,
искусствовед.

г. Петропавловск.

Василий МАТВЕЮК

По волнам моей памяти

Там тополя сажали мы с тобою...

Мой старший брат — бывший военный журналист. Уйдя на пенсию, не стал, как и любой творческий человек, отсиживаться дома на так называемом заслуженном отдыхе, а пошёл работать. На Новосибирское радио. В первые же дни познакомился там с человеком, который на этом радио вот уже на протяжении нескольких лет ведёт цикл передач “Музыкальные встречи”. Особенность этой программы в том, что здесь звучит только ретро-музыка, то есть те хиты, по-теперешнему, на которых выросло не одно поколение советских людей. Бывая у детей в гостях, я и сам не раз слышал эти передачи, и каждый раз та или иная песня из далёкой юности уносила меня по волнам моей памяти далеко-далеко...

А с полгода тому назад, брат, провожая меня, уже в дверях автобуса сунул мне в руки лазерную пластинку, сказав:

— Приедешь домой — послушай, а потом своё мнение выскажешь.

— Обязательно, — ответил я, машинально застёгивая “молнию” на сумке.

Приехал домой, и — завертелось: работа, дом, то одно, то другое... А если честно, просто забыл про пластинку.

Как-то звонит брат и спрашивает: “Ну, ты послушал диск?”.

У меня, чувствую, под трубкой ухо покраснело. Ничего не оставалось, как признаться, что просто-напросто забыл про подарок. Поговорив, тут же кинулся искать потерю. Перерыл всё, где только могла бы она находиться. Несколько раз выворачивал наизнанку ту самую злополучную сумку, куда я тогда машинально сунул пластмассовый футляр. Но, увы, не нашёл. “Неблагодарный, — корил я себя, а внутренний голос твердил, — что теперь скажешь брату?”.

Но вскоре заветный футляр нашёлся. Случайно. Готовясь снова в дорогу, стал упаковывать ту самую сумку. Нужно было положить в неё документы, да так, чтобы не помялись. Для этого в ней имеется боковой

**Василий
Иванович
МАТВЕЮК**

родился в 1950 году. Среднюю школу окончил в с. Маканчи Семипалатинской области. Служил в армии, после увольнения в запас в течение нескольких месяцев работал литературным сотрудником в районной газете “Ленинское знамя”. В 1971 году поступил на факультет журналистики КазГУ. Одновременно работал на республиканском радио. В 1981 году по семейным обстоятельствам переехал в Экибастуз. Трудился сначала заведующим промышленным отделом, а затем заведующим партийным отделом городской газеты “Заветы Ильича”, заместителем редактора. В 1983 году переведён редактором многотиражной газеты объединения “Экибастуз-уголь” “Угольный Экибастуз”. С 2000 года — редактор пресс-службы ТОО “Богатырь Аксес Комир”.

карман, совершенно незаметный, если о нём не знаешь. Открыл замок, сунул руку, и — вот тебе на — лазерный диск сам собой отыскался. И что же? Снова не было времени, чтобы в спокойной обстановке послушать запись. Опять отложил в сторонку, но уже на видное место поставил, чтобы при случае всё же послушать.

Однажды, придя с работы, прилёг на диван, включил телевизор. Только разогнался, как говорится, и земля кончилась: на кабельном отключили изображение. Чтобы не терять зря времени в пустом созерцании потолка, решил включить музыкальный центр. Зазвучала заставка в стиле шестидесятых годов, а затем голос моего брата сообщил, что в эфире очередная программа “Музыкальные встречи” и что она сегодня посвящена человеку, который и делает эту самую программу. Оказалось, что её ведущий — очень увлечённый человек, с юношеских лет занимается коллекционированием грампластинок. Причём о каждой из них он мог говорить часами. Ну, например. Некоторые из вас, наверное, помнят прекрасную песню композитора Эдуарда Колмановского на стихи Льва Ошанина “Вас хочу будить утром”. У неё тоже, оказывается, своя история. Колмановский написал её для двух исполнителей — мужчины и женщины. И хотел, чтобы её спели непременно Алиса Фрейндлих и Владимир Трошин. Но один — жил в Москве, другая — в Ленинграде. Собрать их на студии звукозаписи в те годы было практически невозможно. И поэтому композитор решил поступить так: записать голос Алисы Фрейндлих в Ленинграде, а затем, уже в Москве, сделать наложение голоса Владимира Трошина. И вот именно эта самая песня была включена в передачу. Приятно было услышать её снова, последний раз, мне кажется, она звучала по радио лет сорок тому назад. Сейчас такие песни наши современные FM-каналы не крутят, говорят, эти песни — не их формат.

У меня тоже есть небольшая коллекция старых виниловых пластинок, и я вспомнил, что на одной из них запись этой песни. Я тут же отыскал небольшой чёрный диск и поставил его на старинный проигрыватель. Зазвучали почти забытые аккорды, и я обратил внимание, что женский голос не похож на голос Алисы Фрейндлих. Оказалось, что Владимир Трошин записал её также с популярной эстрадной певицей Аллой Йошпе.

... А потом брат задаёт ему такой вопрос: а нет ли, мол, в вашей коллекции очень редкой, практически не звучавшей даже в те стародавние времена, песни под названием “Тополя”. И напел ему несколько строк: “Там тополя сажали мы с тобою...”.

— А как же, есть, — ответил коллекционер, — сейчас мы её отыщем.

Пока он доставал с полки старую пластинку, рассказал ещё одну историю, связанную с этой песней. Заметил при этом, что её поёт Марк Бернес, и что песен только в исполнении его любимого певца у него собрано несколько сотен!

Примерно в шестьдесят пятом году на экраны страны вышел замечательный фильм “Женщины”. Многие из вас, наверное, помнят эту картину. Так вот, по замыслу режиссёра в ней должны были звучать три песни композитора Оскара Фельдмана. Хорошо знакомые вам “Любовь-кольцо” и “Старый вальсок” в исполнении сейчас мало кому известной певицы Райсы Неменовой. Третьей — как раз и были “Тополя”. Но из-за того, что при монтаже фильм превысил формат в полтора часа, эпизод, где должна была звучать эта песня, просто взяли и вырезали из картины. Песня, к

сожалению, не стала популярной. Думаю, что причина в том, что никто из тогдашних певцов не рискнул её исполнить потому, что знал, что не споёт её лучше самого Марка Бернеса!

... Из динамика полились удивительно красивые, грустно-нежные звуки тех самых “Тополей”. Задушевный, мягкий, бархатистый, чуть приглушённый голос Марка Бернеса. Жаль, что нельзя воспроизвести на бумаге мелодию, но слова этой песни я всё же напомним. Автор этих стихов — Константин Ваншенкин.

*Там тополя сажали мы с тобою,
Сгибались эти прутьики, дрожа.
А нынче серебристою листвою
Стучат в окно второго этажа.*

*Теперь их тень над улицей нависла.
Теперь листва их гордо шелестит.
Неужто впрямь растут они так быстро?
Иль это просто время так летит?*

*Случилось так, что я теперь далёко
От нашего с тобою городка.
Меж нами бесконечная дорога,
Что только в снах бывает коротка.*

*Шумит тайга над снежною долиной.
И никаких в помине тополей.
Но горьковатый запах тополиный
На дне глубокой памяти моей.*

Слушая песню, я понял причину загадочных слов брата: “Приедешь домой — послушай, потом своё мнение выскажешь”. Он мне хотел сделать сюрприз. И у него это получилось. Ведь с этой песней связаны также и мои воспоминания о далёкой юности. Воздействие этого сюрприза на меня сейчас оказалось в три раза сильнее, чем оно могло быть, если бы я включил запись тогда, сразу же по приезде домой. Моё сердце тихо сжалось, а мысли унеслись далеко-далеко — на край света...

А краем света было, не скажу что богом забытое, но на самом деле заброшенное от цивилизации небольшое село почти у самой китайской границы. Если вы взглянете на географическую карту, то можете отыскать на ней маленькую точку под названием Маканчи. Здесь я жил и рос, а, окончив школу, навсегда покинул родные края в поисках лучшей жизни. И вот сейчас мои мысли снова вернули меня домой.

... — Гли-ноч-ки, — протяжно-зычным голосом, подбадривая нас, шуточно отдавал команды нам, младшим братьям и сёстрам, наш старший брат, — пошевеливайтесь, программа обширная, а времени мало.

Мы торопливо набирали в ведра замешанную с соломой глину и тащили на подмости. На них стоял брат и эту самую “глиночку” набрасывал на стену — штукатурил. У него это классно получалось. Хотя сам он не был строителем, но делал эту работу как заправский мастер. Стройотрядовская выучка!

У нас была большая семья. Жили в глинобитной времянке, сырой и тесной. Отец за зиму едва успевал на свою небольшую зарплату заготовить

необходимые стройматериалы, чтобы к приезду на каникулы нашего старшего брата-студента всё было готово для очередного броска — сначала, чтобы накрыть крышу шифером, потом — чтобы оштукатурить стены, настелить полы, побелить-покрасить... В общем, лето для нас, младших, было всегда горячим. Во всяком случае, в течение пяти-шести лет точно. Ведь столько лет мы строили дом. Как всегда, к вечеру, усталые и обессиленные, мы валились с ног. И тут брат ставил на табулетку переносной проигрыватель, напоминавший обычный чемоданчик, и включал пластинку. Нашей общей любимой песней были “Тополя”. Мы слушали её, иногда даже засыпали под её красивые аккорды, и тогда наши мечты уносились куда-то в неизведанные края, красивые города и заморские дали...

Дом мы достроили. Посадили у окон серебристые тополя... И скоро, один за другим, стали покидать родное село: меня призвали в армию, а другие братья и сёстры — кто поступил в институт, кто устроился на работу в другом городе... А потом и мама, после смерти отца, перебралась поближе к детям.

Дома я не был целый век. Но прошлым летом, забросив все дела, с семьёй совершил далёкое путешествие. Туда, куда меня, как правило, весной, когда цветут деревья, и горьковатый запах тополиный будоражит мои мысли, неизменно всегда тянуло. Здесь почти ничего не изменилось, только вымахали ввысь когда-то тоненькие тополиные прутья... Мои взрослые дети с интересом бегали по двору, зашли в дом, куда их впустил приветливый, и совершенно не знакомый нам, нынешний хозяин. Да и я был просто ошарашен: за этот самый “целый век” здесь практически ничего не изменилось: та же печка, которую зимой мама спозаранку затапливала дровами и углём, и эти раскрытые створки окна в зале, даже краска на рамах, мне показалось, осталась той же, нежно-голубой... Кто знает, может быть, и они, мои дети, спустя много лет, будут с большой теплотой вспоминать эти дорогие минуты, проведённые в отцовском доме.

Не заподозрила даже Москва

В Главную редакцию пропаганды республиканского радио меня приняли ещё студентом. После четвёртого курса журфака мы должны были пройти преддипломную практику в одном из средств массовой информации — хоть где: в районной ли газете, или на республиканском радио — разницы нет. Я замахнулся высоко — поперся на радио, республиканское!

... Я вырос, по сегодняшним меркам, в глухомани. Но, несмотря на это, в нашем селе с красивым названием Благодарное в те годы работала не только почта с переговорным пунктом, но действовал даже своего рода аэропорт, куда на его большую зелёную поляну частенько приземлялись “кукурузники”. Мы с мальчишками иногда бегали на край села посмотреть на этих крылатых птиц. Но верным признаком цивилизации было всё-таки проводное радио. Вдоль центральной улицы на деревянных столбах висело несколько так называемых колоколов, из которых до глубокой ночи разносилась то музыка, то какие-то радиопостановки, то чьи-то длинные речи...

Ранним утром, по дороге в школу, я всегда слушал последние известия из Алма-Аты. И даже не заметил, как на слух стал различать, кто из дикторов ведёт передачу. Я знал их фамилии наизусть: Анатолий

Алексенцев, Геннадий Марюхин, Ануарбек Байжамбаев, Мамбет Сержанов, Галина Гетман, Нелли Омарова, Тамара Костюкова... И подумать не мог, что когда-то сам буду вести радиопередачи из столицы и лично познакомлюсь с этими легендарными дикторами. А тогда меня завораживало это чудо — радио: как же так, думал я, второклассник, человек сейчас находится так далеко от меня, а я его слышу?

Потом мы переехали в районный центр, в село Маканчи. Примерно в классе восьмом наш преподаватель по труду Василий Михайлович решил создать школьное радио. Объявили конкурс дикторов. Неведомая сила повела туда и меня. А конкурс был на самом деле очень серьёзным и проходил в несколько туров. Кроме того, что нужно было показать своё мастерство в чтении, то есть продемонстрировать дикторские способности, нужно было уметь ещё и написать интересную заметку на тему школьной жизни. Преодолев эти барьеры, я вошёл в состав редакции школьного радио. Как я был рад этому! А вскоре написал коротенькую заметку в районную газету под названием «Внимание! Говорит школьное радио!».

Думаю, моё решение стать журналистом родилось именно тогда.

... Итак, я пришёл на республиканское радио, чтобы пройти практику. По заданию редакции подготовил свой первый репортаж. А кто самый благодарный слушатель? Конечно, сам автор, его родственники, друзья и знакомые. Я почти прильнул ухом к радиоприёмнику — так распирало от гордости! Как ту лягушку-путешественницу. А сам при этом думал: вот сейчас в далёком селе, где я жил, все слушают радио и гордятся тем, что их земляк вещает аж из Алма-Аты!

Работа на радио — это не только радости, но, бывает, случаются и огорчения. Однажды, по заведённой в те годы практике, к какой-то юбилейной дате главная редакция пропаганды получила задание подготовить получасовую передачу для Всесоюзного радио о самых интересных событиях в республике. На редакционной планёрке наш шеф Анатолий Ефимович Мулин предложил всем «пропагандистам» высказать свои мысли на этот счёт. После долгого «трёпа» наконец-то вырисовалась канва будущей программы. В неё должен был войти в том числе и репортаж под условным названием «По следу чёрного дракона». Как раз накануне в Малом Алма-Атинском ущелье прошёл сель, который наделал много неприятностей. Вот об этом и нужно было поведать всему Советскому Союзу. Это «партийное» задание поручили мне, совсем ещё молодому журналисту. Времени на раскачку практически не оставалось, и я тут же связался по телефону с руководством управления «Казселезащита» и попросил содействия в подготовке репортажа.

— Вы позвонили вовремя, — ответили мне на том конце провода, — как раз завтра мы вылетаем на вертолёт в район, где прошёл сель, и вы можете присоединиться к нам.

— Вот это удача, — подпрыгнул от радости я.

Стал готовиться к завтрашнему дню: положил в кармашек «Репортёра» несколько бобин аудио-кассет, четыре запасные батарейки, блокнот, ручку... А сам тем временем размышлял: как же сделать качественную запись в вертолёт, в котором так шумно? Не постеснялся и спросил совета у бывалых журналистов. Мне ответили, мол, включи на «Репортёре» кнопку-автомат, она за тебя всё и сделает. Даже продемонстрировали, как это делается.

И вот мы подлетаем к ущелью. Я включаю “Репортёр” на автоматическую запись и прошу моего “гида” Ивана Петровича, начальника одного из отделов управления, прокомментировать то, что сейчас он видит из иллюминатора. А картина была на самом деле впечатляющая. Русло небольшой до недавнего времени горной речушки превратилось в широкий и извилистый каньон, кое-где виднелись блестящие на солнце небольшие озёрца с голубой водой — в течение нескольких дней после селя она успела отстояться и снова стала кристально чистой. Мой собеседник тем временем комментировал:

— А вон там, видишь, совсем крохотное озеро, — показывал он рукою вниз, почти крича мне в ухо, — это оно сейчас кажется таким безобидным, а несколько дней назад выглядело очень угрожающе как тот разъярённый дракон, который неделю назад пронёсся вниз с бешеной скоростью, сметая всё на своём пути...

У меня сердце колотилось от радости: прекраснейшим рассказчиком оказался мой собеседник. Что нужно для того, чтобы подготовить хороший репортаж? Нужно найти хорошего рассказчика, который бы не боялся микрофона и не сдерживал свои эмоции. Иван Петрович как раз и оказался таким человеком.

Вернулся в редакцию, как принято говорить в таких случаях, уставшим, но довольным, и тут же сдал кассеты нашему оператору Наталье Павловне для переписи на студийную плёнку. Вскоре она позвонила мне и каким-то загадочным голосом попросила спуститься к ней. Её слова насторожили меня. Я буквально кинулся в студию. Наталья Павловна включила запись и коротко сказала: “Послушай”.

Я чуть не упал! Ноги стали ватными. Из динамиков понеслись какие-то пульсирующие звуки: речь говорящего была слышна хорошо, но когда заканчивалась фраза, тут же врвался шум работающего вертолёта. И так — на протяжении всей записи. Хорошо было бы, если бы шум не “цеплялся” за конец последнего слова, тогда можно было бы при монтаже его легко удалить, а тут — совсем другая картина. Стопроцентный брак. Исправить его невозможно. Снова полететь на вертолёте просто нереально, слишком дорого, да и времени практически не оставалось до сдачи репортажа.

“Что делать, что делать, что делать?” — крутилось у меня в голове. Не найдя ответа сразу, я попросил Наталью Павловну пока об этом провале никому не говорить, сказал, что попробую найти выход. Не идти же к главному редактору и расписываться в своей профессиональной непригодности.

Собрав волю в кулак, позвонил Ивану Петровичу, объяснил ситуацию. “Выручайте”, — взмолился я. К счастью, Иван Петрович оказался человеком отзывчивым и понятливым. Примерно через час после звонка он уже был у Дома радио. Я его встретил, и мы с ним почти тайно проникли в огромную студию, где обычно записываются какие-то спектакли или большие оркестры. Но акустика здесь совсем не подходила к моей ситуации, вернее сказать, акустики в студии совсем не было. Здесь стояла “кромешная” тишина. Полная противоположность тому фону, который был в вертолёте.

И всё же я рискнул. Уговорил Ивана Петровича ещё раз повторить то же самое, что он мне говорил в том полёте. На таком же повышенном голосе, со всеми подробностями, типа: “А вон там, посмотри...”. Или: “Мы сейчас как раз пролетаем над тем местом...”. Словом, попросил воскресить “картинку”, чтобы радиослушатель мог “увидеть” то, о чём шла речь. И — о чудо!

Иван Петрович оказался настоящим актёром. Он сделал всё так, как и было на самом деле. Слово в слово! К вечеру репортаж был готов. Анатолий Ефимович Мулин утвердил текстовый вариант. А утром приступили к монтажу. Я ни на шаг не отходил от оператора Марии Андреевны, которая монтировала все передачи главной редакции пропаганды. Чтобы скрыть неестественную студийную тишину, она очень тонко “прикрыла” его звуком работающего вертолётта, который я предусмотрительно сделал в полёте. Такое, то есть наложение фона на авторский текст, иногда делалось, но только не для Москвы.

... Наконец вся редакция собралась для обсуждения программы. Вот прозвучало интервью какого-то героя труда из глубинки, затем пошёл репортаж с одного из заводов областного центра, следом — корреспонденция об успехах в животноводстве... Дошла очередь и до “Чёрного дракона”. Три с половиной минуты, пока звучал репортаж, для меня показались вечностью. Я ждал приговора. Однако никто из моих коллег нисколько не усомнился в подлинности записи, не заметил подвоха. Наоборот, даже похвалили, сказав, что репортаж получился “живым, интересным и “зрительным”. Что в редакции так хорошо оценили мою работу, — это одно дело. Но ведь наша получасовая программа должна была пройти ещё цензуру высшего руководства Казгостелерадио. Вот там — настоящие мэтры, заметят даже то, чего не было. Мои опасения, однако, оказались напрасными, передача получила и их одобрение. Что же скажет Москва?

Ждать эфира пришлось не меньше недели. Настал долгожданный праздничный день. Всесоюзное радио с самого раннего утра крутило передачи, подготовленные всеми пятнадцатью республиками Советского Союза. Наша программа в этом торжественном хоре заняла достойное место.

Благодарные слушатели, среди которых были мои знакомые, однокурсники, родные, как и Москва, подвоха тоже не заметили.

А для меня этот случай стал хорошим уроком.

Это было недавно, это было давно...

Все мои родственники, друзья и знакомые хорошо знают, что моя любимая певица — Эдита Пьеха. Я её люблю с самого раннего детства. Полюбил, ни разу не видел даже фотографии своего кумира, за приятный и красивый голос, за прекрасные песни. Её портрет у меня появился в начале шестидесятых, когда купил пластинку, на конверте которой он и был помещён. Я так прожужжал всем уши, что теперь, когда по радио звучит та или иная песня в исполнении Эдиты Пьехи или когда её показывают по телевизору, все непременно вспоминают меня. Бывает, звонят и торопливо выпаливают: “Включи скорее телевизор, там твою Пьеху показывают”. Вот совсем недавно позвонил брат из Новосибирска и тоже: “По первому каналу идёт передача о Пьехе, всё-таки красивая она женщина, — попытался он порассуждать, но тут же спохватился, что времени на это нет, и торопливо закончил: — Включи телевизор и посмотри”. Я, конечно, бросился к пульту, нажал кнопку, но там шла совсем другая передача. У нас разные часовые пояса.

... Я служил в армии далеко от дома, в Чите. Не знаю почему, но оказался я в инженерных войсках, проще говоря, в стройбате. Первые полтора месяца, до принятия присяги, службу проходил в военном городке на станции Безречная, у самой границы с Монголией. Места эти были дикие: кругом, за

сотни вёрст, безлюдные степи и лысые сопки. Ни деревца тебе, ни кустика... Рассказывали, что именно сюда в своё время ссылали неугодных государству людей. Здесь жило уже, кажется, третье поколение ссыльных. Командиры нас строго-настрого предостерегали от общения с ними, пугали, что большинство из местных женщин — “красные шапочки”, то есть носители нехороших заболеваний. Одним словом, тоска зелёная!

Влачить бы мне безрадостное существование в течение двух лет в этих угрюмых местах, если бы однажды к нам в часть не приехали “покупатели”. Они набирали курсантов в учебку, которая находилась в нескольких километрах от Читы. Можно было на выбор выучиться на “гражданские” специальности: на водителя, например, на тракториста, на машиниста башенного крана, на штукатура-маляра... Я выбрал профессию крановщика. (К сожалению, на “гражданке” она мне так и не пригодилась).

После окончания учебно-курсового комбината меня распределили в один из механизированных батальонов, расположенных в самой столице Забайкалья. Я благодарил Бога за то, что он дал мне возможность быть ближе к цивилизации. Ведь Чита — это красивый старинный город с богатой историей, а не какая-то там затерянная в бескрайних даях станция. Нас, солдат, часто вывозили на экскурсии, устраивали походы в музеи и на выставки, на концерты заезжих звёзд.

А так как учебку я закончил с “красной корочкой”, мне доверили совершенно новый в то время башенный кран: большей грузоподъёмности, с удлинённой стрелой... Таких в Забайкалье ещё не было. Я должен был строить первый в Чите 14-этажный жилой дом. Меня откомандировали в другую строительную часть. Имея на руках командировочное удостоверение, я мог самостоятельно и свободно передвигаться по городу к месту работы — на строительную площадку. Она располагалась в центре Читы. Тогда в городе самыми высокими были пятиэтажные дома. Наша четырнадцатизэтажка должна была стать первой высоткой в Забайкалье. Я даже гордился, что буду строить такой уникальный объект.

Заберёшься, бывало, на верхотуру, а из кабины башенного крана город как на ладони. Чита окружена сопками, покрытыми смешанным лесом. Особенно красивыми были они, эти сопки, осенью: вся палитра красок — тёмно-зелёный цвет сосен и елей перемежался с багряно-жёлтым цветом осин и тополей... Над всей этой красотой сверкало чистое-чистое, как льдинка весной, голубое небо. Меня эти картины вдохновляли. Рука сама тянулась к листу бумаги. И я стал писать заметки в окружную военную газету. Сначала появилась одна, затем — другая... Я писал о своих друзьях, о своих ощущениях от службы, о красоте здешних мест. К великому удивлению, на моё имя стали приходиться гонорары. Правда, невесть какие деньги, но именно на них я купил популярный в те годы транзисторный радиоприёмник “Альпинист”. Теперь в кабине башенного крана стало не так скучно.

... Работа на стройке, как обычно, шла своим чередом. “Майна!”, “Вира!” — то и дело раздавались снизу команды стропальщика. Самой сложной для меня была операция по поднятию и установке бетонной колонны, которая по своей длине была рассчитана на два этажа. Стropальщик, только понявший ему способом, обхватил её верхушку стальными канатами и крикнул мне: “Вира!”. Рука автоматически поставила рычаг контроллера на “малые обороты”, колонна медленно ожила и поднялась

одним концом вверх. По правилам, чтобы она, оторвавшись от земли, не “затанцевала”, нужно продвинуть башенный кран немного вперёд. Из-за неопытности я этого не сделал, вернее, сделал, но слишком поздно. Колонна оторвалась от земли и нижним концом устремилась в сторону стены строившегося дома. Я весь похолодел от ужаса. Ещё мгновение, и она может разрушить стену. Каким-то чудом в считанные доли секунды я включил контроллер поворота стрелы крана, и почти “догнал” убегающую колонну, погасив, таким образом, её скорость. Всё обошлось. Но каково было на душе! В голове лихорадочно пронеслось риторическое: “А что было бы, если...”. В таком оцепенении я просидел какое-то время. Сознание полностью отключилось от восприятия музыки, которая лилась из моего “Альпиниста”. Но потом, будто из вечной тишины, до моего слуха донеслись какие-то приятные аккорды, а вместе с ними и голос любимой певицы Эдиты Пьехи. “Где-то есть город, тихий, как сон. Пылью тягучей по грудь занесён...” — пела она. О, чудо! Эта песня ведь про мои далёкие края, про моё затерянное вдаль от “шума городского” родное село! Как там поживает моя деревня, как дела у родителей? Я в мыслях был уже там. О только что произошедшем случае вовсе больше не думал.

... Ничто не бывает вечным. Закончился срок моей службы. Я вернулся домой. С полгода поработал в редакции районной газеты, а потом поступил на факультет журналистики в университет. Стал коллекционировать пластинки. Главной целью было, конечно, достать записи любимой певицы Эдиты Пьехи. Так у меня появилось своё увлечение. Лишь позже в обиходе появилось новомодное слово хобби, которое напрочь вытеснило из нашей речи это красивое русское слово — увлечение. Так вот, любое хобби предполагает не только механическое собирание чего-либо, но и поиски какой-то информации об этом самом “чего-либо”. Я стал коллекционировать не только пластинки, но и газетные вырезки, где рассказывалось об Эдите Станиславовне. И всегда мечтал встретиться с нею.

Встретиться со своим кумиром я мог с того дня, когда стал студентом факультета журналистики КазГУ. Как будущий журналист, я мог попроситься на интервью с любимой певицей, когда она сначала в качестве солистки ансамбля “Дружба”, а затем и со своим коллективом, бывало, дважды в год приезжала на гастроли в Алма-Ату. Однако, как это часто случается, робость перед обожаемым мною человеком всегда сдерживала меня.

Но вот в очередной раз в столице появились красочные афиши, приглашающие на концерты Эдиты Пьехи. И тогда я решил: или сейчас, или никогда. Осуществить мою мечту мешало одно обстоятельство. Как рассказать о популярной певице в передаче, которая совсем не попадает в формат главной редакции пропаганды, сотрудником которой я был? Для этого на республиканском радио существовала музыкальная редакция. Я ломал голову над этой проблемой, а потом, была не была, пошёл к главному редактору и рассказал о своей задумке. Анатолий Ефимович, выслушав меня, согласился с моим предложением, но порекомендовал провести беседу, делая акцент на зарубежных гастролях певицы, на том, как за границей воспринимают наших артистов. Ц/у меня вдохновило, и я почти сразу же помчался к телефону. Позвонил в гостиницу, где остановились артисты, и у администратора попросил номер телефона Эдиты Пьехи. Удивительно, но мне не отказали.

Набрав как можно больше воздуха, представился. Дрожащим голосом объяснил Эдите Станиславовне, что я работаю на радио и что, мол, хотел бы взять у неё интервью.

— Пожалуйста, я готова встретиться с вами, но только в перерыве между концертами, — доброжелательно ответила певица.

Я едва дожидаясь вечера. Волновался, составлял вопросы и снова переписывал их. Наконец начался концерт. На сцену вышла самая обворожительная и самая грациозная певица. Трёхтысячный зал взорвался аплодисментами. Все эти три тысячи зрителей тоже, как и я, были её поклонники. Она пела, не уходя со сцены, больше полутора часов.

И вот — финал. Я, не дожидаясь окончания концерта, покинул зал и направился к служебному входу. Там меня встретил швейцар и по моей просьбе куда-то позвонил. Через несколько минут в дальнем конце коридора показалась ОНА. Провела в гримёрную, усадила на стул и приготовилась слушать мои вопросы.

— Эдита Станиславовна, — начал я, — расскажите, пожалуйста, как вы стали певицей.

О том, как она стала певицей, я знал, конечно же, очень хорошо. Но лучшего вопроса я тогда не мог придумать. Она же своим ответом раздвинула этот дежурный вопрос и наполнила его интересными фактами, о которых я не знал совсем да и, думаю, мало кто знает вообще. Ну, например. Эдита Станиславовна говорила, что у неё есть медаль, которая является самым дорогим для неё подарком. Эту медаль ей вручили спустя много лет после окончания Ленинградского госуниверситета. И называется она “Студенту, прославившему университет”.

— А как вас встречают зрители за рубежом? — задал я второй вопрос.

— Недавно мы были на гастролях в Латинской Америке, — продолжила она, — и всюду нас встречали с большим воодушевлением. Особенно запомнился концерт в Перу. После исполнения песни “Подмосковные вечера” весь стадион встал и стал скандировать: “Руссо, виват! Руссо, виват!”. Я поняла, что ничто, никакая идеология не смогут разрушить в людях извечное чувство дружбы, которое заложено природой в каждом человеке.

У меня внутри всё скандировало: она говорила именно то, что нужно было для нашей редакции.

Мы беседовали до начала второго концерта. Мой кумир так расположила к себе, что вскоре я совсем забыл о своей робости. Уходя, я спросил: нет ли у неё с собой музыкальных фонограмм?

— Давайте ваш чемоданчик, — показывая на мой “дипломат”, сказала она. И стала укладывать в него студийные магнитофонные ленты. В “дипломат” поместилось сорок бобин. Сорок песен! Столько, уверен, не было даже в фонотеке Казахского радио. Однако Эдита Станиславовна попросила, чтобы к завтрашнему дню я вернул их. Я помчался на радио и уговорил дежурного оператора переписать кассеты. Я был на седьмом небе.

Наутро подготовил текст получасовой передачи. Главный редактор дал “добро” на монтаж. Перед выходом в эфир, как у нас было заведено, мы всем отделом прослушали моё “произведение”. С нами вместе был и собкор республиканского радио в Москве Василий Феклюнин. После прослушивания Василий подошёл ко мне, мы с ним продолжили разговор на мою любимую тему, он поделился какими-то новыми фактами из творческой биографии певицы, как-никак, а человек он был из Москвы и знал

гораздо больше меня всяких сплетен об артистах. Думаю, кое-что и приврал, чтобы раззадорить меня. На том и расстались.

Эту передачу я переписал для собственного архива, а затем захватил с собой в Экибастуз, куда несколько лет спустя переехал. Она здесь, к сожалению, вскоре затерялась в недрах городского радио.

Но вернусь в Алма-Ату, где я ещё работал на республиканском радио. Однажды ко мне прибегает секретарь председателя Казгостелерадио и протягивает конверт. Читаю: “Всероссийское творческое объединение. Эдита Пьеха”. Открываю конверт — а там фотография с автографом моего кумира. Здесь она совсем молодая и ослепительно красивая. А на пригласительном билете, отпечатанном по случаю десятого Международного кинофестиваля, машинописный текст с лестными отзывами обо мне, моей передаче. Этот конверт переходил из рук в руки, наверное, побывал у всех, кто не только знал, но и не знал меня.

“Дорогой Василий! Поздравляю тебя с праздником! Сейчас в Алма-Ате, видимо, тепло, ласковое солнце, — читал вслух очередной любопытный и тарачил на меня удивлённые глаза. — Я же, к сожалению, в Москве. Утрясаю на год свои гастролы. Дело это скучное, тем более в Москве скверная погода. Вот и грущу.

Услышала сегодня по радио рассказы о Казахстане, о прекрасной Алма-Ате, о том, что ваша республика даёт много хлеба, и с каким-то щемящим чувством вспомнила всё, что у меня связано с республикой солнца и хлеба, с городом садов и хороших людей — Алма-Атой. И с особой благодарностью вспомнила о вас. Ведь как бывает: сначала я вас воспринимала как обычного журналиста. Но заметила в ваших глазах какой-то неземной свет и потом, со временем, поняла, что вы с детства преданно и горячо любите меня”.

После этих слов все вдруг на какое-то мгновение замолкали, а потом начинали рассуждать о том, какая на самом деле замечательная певица — Эдита Пьеха. Я бы мог забрать это письмо, не позволив дочитывать его до конца. Ведь речь шла об очень личном. Но специально не делал этого.

“К сожалению, у меня нет нового фото, — продолжалось чтение вслух, — поэтому шлю из своего альбома. Обнимаю! Эдит”.

— А где, где фотография? — домогались благодарные читатели чужих писем. Я доставал из конверта чёрно-белый снимок любимой певицы и передавал страждущим. Все цокали языками, говорили какие-то хорошие слова в её адрес, и я понимал, что они искренне завидуют мне.

Я-то точно знал, чья это проделка, чьих рук это дело. Но, чтобы не разрушать иллюзий, в том числе и своих, никому не рассказывал историю происхождения этого письма, даже не позвонил Василию Феклюнину в Москву.

У страха глаза велики

Наш студенческий стройотряд под звучным названием “Журналист-73” в самом начале лета прибыл в Тургайскую область на берега Ишима. Руководство совхоза “Отрадный” выделило нам настоящие апартаменты, и мы поселились в двух больших домах по принципу: мальчики — налево, девочки — направо. Это было отделение совхоза. Посёлок из десятка домов растянулся вдоль живописного берега реки метров на двести-триста. Лучшего места мы и представить не могли. Вот он, красавец Ишим, рукой подать. Разморило на жаре — бегом в воду, и снова на стройку, переплывёшь

широкую водную гладь — и окажешься в непроходимых зарослях тальника, в которых прятались ондатры и змеи, гнездились утки...

Обустроивались, обживались, готовили фронт работ. Однажды утром узнали о том, что в одном из домов, совсем недалеко от нашего лагеря, умер пожилой человек. Мы не обратили на это никакого внимания: жизнь есть жизнь, в ней всё рядом — и радостное, и печальное.

Вскоре с энтузиазмом взялись за работу.

... Сначала мы взобрались на крышу.

— Целый аэродром, — воскликнул Славка Михеев, наш “трудный” подросток, один из тех семерых, которых мы включили в состав своего стройотряда для перевоспитания работой.

Тем временем наш бригадир Вовка Зырянов уже измерял площадь крыши.

— Тысяча шестьсот квадратиков, — объявил он.

Мы ахнули. Нам предстояло всю эту площадь засыпать керамзитом толщиной в тридцать сантиметров, а потом сделать по нему бетонную стяжку. Таким образом мы должны были утеплить коровник, крыша которого каждую зиму сильно промерзала. Где-то дней через десять это будет сделано. А пока...

Начали импровизировать трап. Кто-то предложил сделать его из двух пролётов деревянного настила. Сколотили. Общими усилиями установили.

Перекур как перед штурмом. Мы ещё не знали, как эта работа трудна. Вовка командовал:

— Поехали...

Двое на трапе, четверо на крыше, двое подносят к трапу носилки, остальные грузят. По пятнадцать минут каждая пара выполняет свою операцию, а потом меняется с соседом.

Носилки, керамзит, лопаты. Жара заставила сбросить с себя одежду. Наши подростки не уступали нам. В первые дни работы они показывали друг другу мозоли на руках. Нет, не искали сочувствия, наоборот, гордились своими первыми трудовыми мозолями.

Самое сложное было впереди. Нужно было сделать бетонную стяжку на этом, как сказал Славка, аэродроме. Забетонировали мы его надёжно.

Часто к нам приходил дядя Лёша. Фронтвик, без одной ноги. Сядет, бывало, на кучу керамзита и молча наблюдает за нами.

На всю жизнь остался в памяти тот радостный для нас день, когда мы сдали этот объект. Помню, сидели, курили и глядели на крышу как на именинницу. Сколько же керамзита, сколько раствора вынесено руками на этот “аэродром”. Тут же, на песке, черкали пальцами цифры с тремя-четырьмя нулями: четыре вагона керамзита, полтора вагона раствора... И всё это двумя носилками по трапу: вверх-вниз, вверх-вниз...

Но не для всех этот день был таким безоблачным. Для наших соседей, хозяев третьего от нас дома, он стал чёрным: здесь готовились к похоронам. Вроде только забылось недавнее печальное событие, как недели через две опять хоронили ещё одного человека, теперь уже в доме, стоявшем рядом с нашим. Выходит, на очереди — мы. Что-то в этом было зловещее. Мы чуть ли не физически ощущали это, но никто друг другу не говорил о своих предчувствиях.

... Лето, считай, пролетело. Стояла середина августа. Намеченный объём работ мы почти выполнили. Командир отряда Генка Ни принял

решение отправить домой основной состав. Оставил всего несколько человек для завершения недоделок. Задержался с нами и наш прораб-самоучка Вовка Зырянов. Ему предстояло сдать на оплату всю документацию. И тут он с утра вдруг почувствовал недомогание. Лекарства, которые были у нас, не помогали. Больница была очень далеко, аж в райцентре, километров за сто от нас. Ближе к обеду Вовка почувствовал себя ещё хуже. Неужто сбывается предчувствие? Не сговариваясь, мы предложили командиру срочно отправить больного домой. Не мешкая, погрузили его пожитки в машину, и водитель помчал его на вокзал. Послали с ним и сопровождающего: мало ли чего! Вернувшись поздно ночью, водитель рассказал, что благополучно посадил нашего товарища в вагон. Теперь его судьба нам была неведома. Тогда не было сотовых телефонов, и узнать новости было невозможно.

Настал день, когда и мы отправились домой. Добравшись до общаги, увидели Вовку Зырянова живым и здоровым.

Он поделился:

— Как только сел в вагон — сразу почувствовал облегчение, температуру как рукой сняло, а через пару часов и вовсе выздоровел, — рассказал он.

Потом мы долго и весело смеялись, когда узнали о том, что Вовкина болезнь была им же самим спровоцирована. Человек он мнительный, и посчитал, что его недомогание — нехороший признак, ведь смерть шла по нашим пятам... По всем признакам выходило, что мы были следующими... Одним словом, у страха глаза велики.

Поющий унитаз

Совсем недавно на одном из радиоканалов услышал такую новость. Оказывается, какой-то японский умник придумал, а потом и запатентовал своё ноу-хау под названием “поющий унитаз”. Хохма, да? Ничуть. Эта информация была представлена с такими подробностями, что совсем не вызвала сомнения в правдивости. А я нисколько и не удивился. Просто сказал про себя: “Куда им, этим япошкам, до нас!”. “Поющий унитаз” изобрели мы, студенты-первокурсники факультета журналистики КазГУ. Свою новинку мы впервые продемонстрировали тридцать пять лет тому назад. Чем вызвали большой ажиотаж в студенческой среде. И это могут подтвердить многие наши однокурсники, с кем в те годы жили в журфаковской общаге на проспекте Правды в Алма-Ате.

Мы вообще были оригиналы. Обитали в небольшой комнатухе, рассчитанной на два человека, вчетвером. В тесноте, да не в обиде. Нам повезло, многие из однокурсников вообще снимали квартиру. Вечерами, особенно по воскресеньям, когда не нужно было бежать на занятия, придумывали для себя всевозможные развлечения. Практически каждый раз, ложась спать, устраивали так называемые спевки. Пели на четыре голоса русские народные песни. Их особенно любил наш однокурсник Толик Уколов. Он обычно заводил, а мы потихоньку подхватывали. Когда не получалось гармонии, он заставлял нас повторять снова и снова. Под такие спевки мы обычно и засыпали.

После первого семестра разъехались по домам на каникулы. Десять дней пролетели мгновенно. Первым вернулся в родимую общагу Вовка Зырянов из своего Зыряновска. Вот совпадение, да? Зырянов из Зыряновска. Он так обычно и представлялся: “Зырянов из Зыряновска”. Приволок

с собой — и как его только пустили в самолёт с таким грузом — огромный с деревянным корпусом магнитофон “Днипро”. С ним наша жизнь стала ещё веселее. Теперь мы могли слушать не только последние известия по обычному динамику, но и крутить самые популярные в то время песни.

Однажды Вовка выдвинул идею придумать что-то типа “поющего унитаза”. С чего это вдруг у него родилась эта идея, не знаю. Но он объяснил. Заходит, предположим, человек в туалет, а его встречает музыка. Облегчает его праведные намерения. Дальше — больше.

— А что, если и приятные слова присовокупить к музыке? — начал фантазировать Толик Уколов.

— О-о-о, это будет здорово, — заржали мы все вместе.

И пошло-поехало. Начали придумывать смешные слова и какие-то фразы, которые соответствовали бы самой идее и тому месту, где они должны звучать. Головы мы морочили себе несколько дней. Ведь тогда мы не имели таких прибабасов, которые сегодня есть у каждого школьника и которые могли бы облегчить нашу участь. Вовка опять вышел из положения. Он приспособил обычный динамик под микрофон. Я представить себе не мог, что это можно сделать.

Сама идея, всё-таки, думаю, родилась не случайно. Жили мы в общежитии квартирного типа: четыре комнаты составляли единый блок с туалетом, умывальником и душем. Дверь нашей комнаты находилась напротив туалета, и поэтому каждый раз, когда кто-то в него входил, мы знали об этом. Иногда со всеми подробностями.

Наконец, все технические проблемы мы решили. Скрытно протянули в туалет тоненькие провода, приспособили под унитазом два небольших динамика с раскученных громкоговорителей. Сидим, ждём. Вот скрипнула дверь, и тут же с другой её стороны щёлкнул шпингалет. Выждав несколько секунд, Вовка включил магнитофон. Зазвучала томная мелодия из песни “Уже ночь, синьорита” и слова: “Здравствуйте, уважаемый... С вами всё ясно!”...

Но такого эффекта, какой произошёл, мы не ожидали. Как ошпаренный, из туалета выскочил наш староста Сашка. Он, конечно, понял, чьи это проделки. Постучал к нам в дверь. Мы открыли. Глаза на нём были в пол-лица. Полные смеха.

— Это ваши шуточки, — едва сдерживая хохот, буквально заорал он.

— А давайте разыграем старшекурсников, — тут же предложил Сашка. И помчался куда-то.

Через минуту-другую в наш тамбур завалила целая толпа, человек восемь-десять. Не знаю, каким образом, но эта толпа битком набилась затем и в туалет. Это были пятикурсники, а вместе с ними нагрянул к нам и собкор “Комсомольской правды” Василий Сукачёв. Они слушали “наше произведение” с таким хохотом, с таким интересом, что мы чувствовали себя на седьмом небе. Несколько раз просили повторить. Всё равно, что на бис.

Вскоре о нашем “поющем унитазе” узнал весь университет.

... Встречаясь с Вовкой Зыряновым, а он сейчас живёт в нашем городе, мы каждый раз вспоминаем общежитские проделки, и особенно наш “поющий унитаз”. А после того сообщения из Японии мы всегда нарочито сетуем по поводу того, что оказались в своё время лохами, не запатентовали своё изобретение. Так что куда этим япошкам до нас.

Балда

Иногда, когда нам надоедало слушать лекции, мы с моим другом, назову его здесь Вовкой Замировым, усаживались на заднюю парту и, прячась от пристального взгляда преподавателя, включались в игру под названием “Балда”. Многие, наверное, знают, в чём её суть. Берётся листок из школьной тетради в клеточку, на нём определяются параметры квадрата, и затем каждый игрок, вписывая в него по одной букве, старается составить какое-нибудь слово. Причём это слово должно содержать в себе как можно больше знаков, чем у соперника. Кто набирает большее количество очков, тот и побеждает. Проигравший получает титул балды.

... На этот раз шла лекция по русскому языку. Несмотря на то, что её вела наш любимый преподаватель Галина Васильевна Ким, слушать занудные правила правописания не хотелось. Тем более что это была последняя пара, и мы к этому времени уже как следует устали. Достали тетрадный листок, расчертили его так, как того требуют условия игры. И — понеслось...

Поначалу игра движется быстро. Слова получаются коротенькие, и их легко подобрать. Но вот первое препятствие. Кто-то из нас с помощью только одной буквы мог вырваться вперёд, потому что очередная комбинация составляла слово “канонада”. Мы заспорили по поводу его написания. Я утверждал, что через “о”, но во втором случае, то есть канонада, а Вовка уверял, что, наоборот, конанада. Я не соглашался, ведь окажись он прав, победителем выходил он. Да и знал я, как правильно пишется это слово. Мы так увлеклись, что совершенно забыли, что находимся на лекции. И вдруг слышу:

— Молодые люди, прошу вас, спорьте чуть тише, — на той же ноте, на которой только что говорила, сделала нам замечание Галина Васильевна. Сидевшие впереди оглянулись на нас.

Вовка посмотрел на меня непонимающим взглядом, в котором читался вопрос: что она сказала?

Я, быстро сориентировавшись, выпалил ему:

— Назови свою фамилию по слогам...

Не подозревая подвоха, тот соскочил с места и громко произнёс, делая ударение на каждом слоге:

— За-Ми-Ров.

В аудитории раздался гомерический смех. Вовка же, не понимая происхождения, смущённо слушал этот хохот. А потом, сообразив, что попался на мою удочку, тоже весело засмеялся, показывая под партой кулак, мол, теперь держись.

Попытка

Экзамены — это всегда бессонные ночи, нервное напряжение, переживания... Сессия для меня всегда была пыткой. Хотя в итоге всё обходилось: пятёрки-четвёрки. Эти отметки были гарантией того, что тебя не лишат стипендии. А она в те далёкие теперь уже годы была для меня очень важным подспорьем — родители не часто баловали денежными переводами. Нужно было рассчитывать только на себя. В аналогичной ситуации находился и мой приятель Вовка Землянов.

... Приближалась очередная сессия. Настал день сдачи экзамена по русской литературе. Нужно было перечитать горы произведений. Согласитесь, какой дурак может осилить это за два-три вечера? Понятно, не всякий. Вот каждый и выкручивался, как мог.

Мы с моим приятелем в аудиторию зашли вместе. Сели за парты друг за другом. Взяли билеты. Смотрю, у Вовки хорошее настроение. Ну, думаю, повезло с вопросом. Так и вышло. Один из них касался творчества Фёдора Достоевского. В частности, нужно было проанализировать его литературные произведения на примере романа "Игрок". Я сразу понял, отчего у Вовки так радостно сверкали глаза. Мы всего лишь несколько дней тому назад посмотрели в кинотеатре художественный фильм, снятый по этому произведению. Как повезло ему, думал я. Ведь он этот роман не читал! И вот он предстал перед преподавателем Тамарой Михайловной, непревзойдённым знатоком русской литературы.

— Итак, молодой человек, прошу вас, — вежливо пригласила она его к разговору.

Вовка начал издали. Чтобы вернуть его к теме билета, преподаватель наводящими вопросами несколько раз направляла его в нужное русло. Потом, смотрю, совсем перестала вмешиваться в его монолог. Только слушала. А он тем временем пересказывал содержание фильма, отождествляя героя романа с исполнителем главной роли Николаем Бурляевым. Тамара Михайловна сразу поняла, что студент Землянов произведение не читал. Мямлил он минут десять. Дождавшись паузы, экзаменатор прервала ответ и очень вежливо сказала:

— Молодой человек, я вижу, что вы очень стараетесь, но скажу вам, что роман вы не читали, — своим мягким голосом она повергла Вовку в транс, — но я вам всё-таки поставлю "удовлетворительно" за попытку самостоятельно мыслить.

Она поставила в зачётку "удовл." и протянула серенькую книжицу расстроенному Землянову.

Эта тройка дорого стоила моему приятелю, его на целый семестр лишили стипендии. Домой на каникулы он не поехал. Устроился дворником. И целых полгода мёл территорию железнодорожной больницы.

Глашка

... Мы долго спорили-гадали, как же назвать щенка. А щенок был сучкой. Русский спаниель. Всякие имена перебирали, дети предлагали назвать то Жулькой, то Агнессой, и всё же после долгих дебатов остановились на этом — Глашка. Что-то было в этом имени прикольное...

Глашка росла не по дням, а по часам. Была абсолютной шкодницей. За месяцы своего отрочества успела погрызть задники не одной пары обуви. Но со временем поняла, что она член семьи и не должна совершать необдуманных поступков. Говорю о Глашке как о человеке. Потому, что она понимала всех нас с полуслова. Звонок будильника для неё всегда был чем-то радостным и долгожданным. Под его трели она выделяла такие кренделя и прыжки, что приходилось иногда прикрикивать: "Глашка, успокойся!". Она, повинувшись, шла к порогу и, распластавшись на коврик, неотрывно следила за каждым моим движением: ждала, когда я поведу её на прогулку.

Когда ей исполнился год, зов природы стал брать своё. На прогулке к ней сбегалась свора бродячих собак, но для неё эти кавалеры были ничем. Да и я не давал ей вольничать, как-никак она была благородных кровей. А что эти дворняги! И так продолжалось несколько лет. Однажды, когда у Глашки начался очередной зов природы, мы с женой призадумались.

— Мы что, решили нашу Глашку оставить в старых девах? — задавала вопрос жена.

— Бедная животная (мне нравилось такое выражение) даже не испытает прелестей собачьей жизни, так ведь, Глашка? — обращался я к нашей красавице. А она, будто понимая мои слова, вскакивала с места и начинала вилять обрубок хвоста и преданно заглядывать в мои глаза. — Ладно, так уж и быть, найдём тебе жениха.

Жениха нашли в соседнем дворе. Тоже спаниеля. Это был настоящий кавалер: упитанный, с мощной спиной. Охотник. Звали его Григ. Он был чёрно-белого окраса, а наша — рыже-белого. Когда Грига выводили на прогулку, хозяин отпускал его с поводка, и он бегал по двору с таким достоинством, что можно было подумать, что тот вполне осознаёт своё превосходство перед неприкаянно бегающими дворнягами.

Встретившись, “молодые” поначалу не проявили друг к другу никакого интереса. Но потом “чёрно-белый” стал проявлять настойчивость. Глашка шарахалась от него при любой попытке прикосновения к ней. Так между ними в этот день ничего и не получилось.

Я вёл свою собаку домой и укоризненно выговаривал ей:

— Эх ты, Глашка, Глашка, тебе предоставили такой шанс, а ты не воспользовалась им. Такого жениха отвергла. Согласна завтра снова пойти в гости?

Глашка слушала меня, понуро опустив голову, а её длинные рыжие уши волочились по земле. Если бы могла, она, наверное, ответила бы что-то вроде этого:

— А как ты думал, всё-таки жених-то совсем не знакомый мне...

На другой день я сказал своей собаке:

— Ну что, Глашка, снова пойдём в гости?

Будто поняв меня, она покорно подставила свою шею с ошейником, и я пристегнул поводок. Сегодня моя красавица уже сама вела меня к знакомому дому. Глашка и Григ обнюхали друг друга, совершили несколько кругов по тесной комнатёнке. Но потом резко остановились, потому что Григ совершил попытку запрыгнуть на непокорную подружку. Такие пляски продолжались не меньше получаса.

Неловко было наблюдать эту картину, ведь совершалось таинство, которое не должен видеть ни один человеческий глаз. Но выбора не было. Нужно было знать, произошло “это” или нет?

Произошло. Вскоре мы поняли, что у нас будут щенки.

А как же Глашка попала в наш дом, спросите вы? Это тоже история. Я не буду сам пересказывать её, а предоставлю возможность сделать это своему сыну. Как-то раз, придя из школы, он, пятиклассник, сказал:

— Папа, нам учительница дала задание написать сочинение на вольную тему. Мне ничего не приходит на ум.

— Ну, как же, — ответил я, — хороших тем — хоть пруд пруди. Возьми и напиши о нашей Глашке.

— А что о ней можно написать?

— А ты подумай...

Мне был понятен его вопрос. Ведь Глашка в нашем доме жила уже несколько лет и примелькалась до такой степени, что, вроде, ничего необычного в её существовании и нет. Сын какое-то время ходил по квартире туда-сюда, а потом сел за стол и выдал вот это сочинение.

“Глашка — спаниель. У неё прекрасная родословная. Так говорили хозяева, у которых мы взяли щенка. Но родителям было всё равно, кем являются родители собачки. Главное, что проблема — взять или не взять, для меня с сестрой наконец-то разрешилась. А вообще папа и мама не хотели заводить в доме собаку. “Кошку — куда ни шло, — говорили они, — но собаку — увольте”.

Их понять можно — они родились и прожили полжизни в деревне, и поэтому считали совершенно однозначно, что место собаки — во дворе. Но кошки по каким-то непонятным причинам у нас не приживались, и поэтому мы с моей сестрой решили вытребовать у них маленькую собачку.

О породе даже и речи не было. У подружки моей сестры — Янки, спаниель Люська принесла пятерых щенят. Когда они стали подрастать, у родителей Янки возникла проблема — кому раздать щенков? Желающих особенно не было. Тогда мы и начали обрабатывать папу и маму. Мы им каждый день упорно повторяли, что всех щенков на днях раздадут и нам не останется ни одного.

— Вот и хорошо, — отвечали они, — проблема отпадёт сама собой.

Для меня и моей сестры это был почти приговор. Но мы не сдавались. Взяли слезами.

После очередного плача по собаке, который каждый день устраивала сестра, отец сказал:

— Ладно, уговорили...

Владельцы щенков посоветовали: нужно взять сучку, она, мол, спокойнее по характеру и бывает очень верной своему хозяину.

... Мне нравится наблюдать за Глашкой. Вот она удобно уселась на диване, вытянулась в позу, которую мы называем “цыплята-табака”, и смотрит на меня немигающим взглядом. Длинные шёлковые уши распластались рядом. Красавица! Бело-рыжая блестящая, гладкая шерсть. На глазах — “очки”, на носу — веснушки...

— Эх ты, Глашка, знала бы ты, каких трудов нам стоило, чтобы ты вот так беззаботно, как королева, лежала сейчас на диване!”.

... Итак, наступил тот день, когда у Глашки должны были появиться щенки.

По этому случаю жена даже отпросилась с работы. Глашка всё утро металась по квартире и, наконец, нашла себе место под столом в нашей спальне. По-иному и не могло быть, ведь наша красавица, как полноценный член семьи, предпочитала спать ночью не у порога, как это обычно бывает с домашними питомцами, а на мягком стуле, что стоял напротив нашей кровати. Жена быстренько расстелила на полу её подстилку. Процесс появления щенят на свет длился полдня. А когда дети пришли из школы, они ахнули: не ожидали, что их любимая Глашка родит аж семерых щенят! Вот это рекорд! С первого раза — и сразу семерых! Какими они были красивыми, эти карапузики!

Лишь спустя почти месяц мы с женой стали хвататься за голову: куда девать эту свору? Теперь мы прекрасно понимали Янкиных родителей,

которые, видимо, специально обрабатывали свою дочь, чтобы она уговорила моих детей, чтобы те, в свою очередь, уговорили нас взять собачку. К счастью, для нас не было проблемой раздать щенков. Хороших рук оказалось много.

... Глашка прожила в нашем доме, в неге и заботе, пятнадцать лет. По человеческим меркам это 105 лет. Столько лет даже человек не живёт...

Семечки

Эта история произошла со мной много лет назад, когда я учился на третьем курсе факультета журналистики КазГУ. Но помню о ней до сих пор.

Вернувшись из стройотряда, я купил билет домой. А ехать на автобусе предстояло далеко — из Алма-Аты до села Маканчи, примерно восьмисот-девятьсот километров. Но для меня, молодого, это расстояние было нипочём.

Мне повезло, подумал я, как только увидел на соседнем сиденье симпатичную девушку, которая оказалась, как и я, студенткой. Только из другого вуза. И ехала она немного дальше, в другое село.

Автобус мчался быстро, мягко покачиваясь на дорожных неровностях. За окном мелькали красивые пейзажи, но мы не обращали на них никакого внимания: познакомившись, мы увлеклись разговорами о студенческой жизни. Вскоре наш "Икарус" остановился на автостанции села Антоновка. Водитель объявил: стоянка — десять минут. Некоторые пассажиры, в том числе и я, вышли из душного автобуса подышать свежим воздухом. Оглядевшись вокруг, увидел в сторонке что-то вроде местного базарчика, где бабушки торговали яблоками, помидорами, семечками, какой-то зеленью. Вообще я страшно не люблю тех, кто лузгает семечки, особенно в автобусе, и особенно — если рядом, под ухом. Но тут почему-то меня дёрнуло нарушить свои же принципы. Купив два стакана, один для себя, другой — для соседки, я с газетными кульками по одному в обеих руках направился к автобусу. К своему ужасу, увидел только хвост удалявшегося "Икаруса". Я бросился вдогонку, но водитель в клубах пыли меня, видно, не разглядел. В шоковом состоянии стал метаться туда-сюда в поисках хоть какого-то транспорта, чтобы догнать автобус, но улица была пустыня. Вскоре "Икарус" вообще пропал из виду. Моему отчаянию не было границ. Представляете — в салоне лежала моя дорожная сумка, в которой я непредусмотрительно оставил и деньги, и документы.

Вдруг из-за соседнего дома показалась старенькая "Волга". Ехала она не спеша, по всему было видно, что хозяину торопиться некуда. Когда машина подъехала к автостоянке, я кинулся к водителю и стал ему сбивчиво объяснять ситуацию, в которой оказался, а в конце умоляюще взмолился: "Пожалуйста, догоните автобус!". Но водитель был невозмутим. Он ответил, что ему так далеко ехать нет необходимости, но минут через пять-десять он поедет в соседнее село и, если успеет, то догонит автобус. Я вовсе сник. Наконец, "Волга" тронулась в путь. Мне казалось, что она не едет, а издевательски медленно ползёт. Вскоре, уже почти у самого горизонта, я стал различать коричнево-оранжевую точку. Это был, конечно, "Икарус". Другие машины в это время здесь не проезжали. И вот когда забрезжила надежда, что мы догоним злополучный автобус, у "Волги" лопнула шина.

В каком состоянии я находился в тот момент, не нужно даже и рассказывать. Обречённый, и по-прежнему с двумя кулками семечек в руках, я вышел из машины и стал вглядываться вдаль. Дорога была безжизненной, лишь прозрачное марево колыхалось над раскалённым асфальтом, навевая тоску. Сколько времени прошло, не знаю, но вот вдаль замелькала, то показываясь, то снова исчезая из виду, какая-то красная точка. Вскоре я понял, что это, возможно, едет моё спасение. Вышел на дорогу, стал посредине, расставил в сторону руки. Машина, а это оказались наши родимые “Жигули”, остановилась. Я торопливо рассказал водителю и его попутчику свою историю. Водитель ответил:

— Куда ж я тебя посажу, ведь машина доверху загружена ящиками и коробками, вот посмотри сам.

Он мог бы и не открывать заднюю дверь, и так было видно, что сесть совершенно негде. Но я стал умолять, мол, возьму ящики на колени.

Два парня, оба немного старше меня, ехали из Алма-Аты, везли с собой наши южные фрукты в Омск. Оказались отзывчивыми людьми. Кое-как усевшись, я поставил на свои колени две большие коробки с яблоками. Поехали. Водитель стал рассуждать вслух:

— Если автобус едет со скоростью сто километров, то нам нужно опережать его как минимум на десять километров, получится ли, машина перегружена совсем...

Помолчав, добавил:

— Если до Андреевки не догоним, извини, придётся высадить тебя. Там дорога раздваивается, и мы вынуждены уйти влево, нам в Андреевку заезжать совсем не по пути.

В салоне повисла тишина. Я лихорадочно поглядывал на спидометр. Девяносто, сто километров... Тяжело гружённая машина мчалась на предельной скорости. И вот, наконец, вдалеке снова показался хвост “Икаруса”. Водитель “Жигулей” стал светом фар подавать команду шофёру автобуса, чтобы он остановился. Но тот не реагировал. И мы снова мчались и мчались за ним. Уже почти у самой развилки у “Икаруса” загорелись задние подфарники, и автобус остановился. И я понял, что спасён. Быстро поставил коробки на место и вышел из машины. Меня переполняло чувство возмущения. Но, зайдя в автобус, я не проронил ни слова. Сел на своё место. У меня не было больше желания разговаривать со своей попутчицей. Ведь она могла предупредить водителя, что пассажир отстал. Но не сделала этого.

Мало-помалу успокоился. И только теперь обратил внимание на кулочки с семечками, которые держал в руках и которые стали причиной моих злоключений. Как же я их сейчас ненавижу! Я открыл форточку и выбросил в пустоту эти газетные свёртки, а вместе с ними и своё плохое настроение. Но мысли мои то и дело возвращались к погоне. Я благодарил своих спасителей, с которыми даже не успел познакомиться, и всё задавал себе один и тот же вопрос: “А что, если бы?..”. Но ответа не находил.

Вскоре мои думы, обогнав автобус, улетели куда-то вдаль. Ведь я ехал домой!

**г. Экибастуз
Павлодарской области.**

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.
Телефон/факс: (7172) 39-38-06.
Телефон корпункта в Алматы (7272) 53-51-12.
Сайт: www.niva-kz.narod.ru
E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Корректор **Н. В. Шаяхметова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 11.07.2008 г.

Подписано к печати 08.08.2008 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 3709.

Номер набран и свёрстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.